

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2020'2

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:
И.Л. Прохоренко

Редакция:
А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
Е.М. Харитонов (зам. главного редактора)

Журнальная верстка:
ООО «Верди»

Верстка web-страниц:
Е.А. Ключева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:
С.В. Сафонов

Контакты редакции:
117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:
<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher
Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:
Irina Prokhorenko

Editorial Staff:
Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

Layout and Design:
Ltd Verdi

Website Design:
Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:
Sergey Safonov

Contacts:
Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:
<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий Кафедрой государственной политики и государственного управления Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Портной М.А., д.э.н., профессор, руководитель Центра внешнеэкономических исследований ИСКРАН

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий Сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник ОМПП ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий Сектором социально-экономического развития и миграционных процессов Отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitlovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Mikhail Portnoy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of External Economic Studies of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN)

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuotong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем номер	10
--------------------------	----

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

“Кризис навсегда покончит с мечтами об американской гегемонии” Интервью с В.И. Трубниковым	14
---	----

Понять “великую трансформацию столетия” Чжан Юйянь	20
---	----

Новые “симптомы” системного кризиса в США через призму борьбы с COVID-19 Борисова А.Р.	30
---	----

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Военно-экономические сдвиги на рубеже третьего десятилетия XXI века Панкова Л.В., Гусарова О.В.	42
---	----

О балансе и сценариях ядерного сдерживания Дворкин В.З.	55
---	----

Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде Алешин А.А.	63
---	----

Влияние локальных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве на режим контроля над обычными вооружениями в Европе Растольцев С.В.	76
---	----

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы Четверикова А.С.	87
---	----

Торговля добавленной стоимостью в несырьевых отраслях между Россией и Европейским союзом: есть ли потенциал? Невская А.А.	98
--	----

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США Артамонова У.З.	110
---	-----

TO READERS

Presenting the Issue	10
-----------------------------------	----

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

"The Crisis Will Put an End to the Dreams of American Hegemony" (Interview with V.I. Trubnikov)	14
---	----

Understanding the "Great Transformations of a Century" Zhang Yuyan	20
--	----

New "Symptoms" of the Us Systemic Crisis through the Prism of the COVID-19 Respond Borisova A.R.	30
---	----

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

Military-Economic Shifts at the Turn of the Third Decade of the XXI Century Pankova L.V., Gusarova O.V.	42
--	----

On Nuclear Deterrence Balance and Scenarios Dvorkin V.Z.	55
---	----

Australian Foreign Policy Strategy: Middle Power in a Highly Competitive Environment Aleshin A.A.	63
--	----

Impact of Local Protracted Conflicts in the Post-Soviet Space on the Conventional Arms Control Regime in Europe Rastoltsev S.V.	76
--	----

REGIONAL INTEGRATION STUDIES

The Limits of Economic Relations of the Visegrad Group Chetverikova A.S.	87
---	----

Value Added Trade in Non-Primary Industries between Russia and the European Union: Is There a Growth Potential? Nevskaya A.A.	98
--	----

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

American Cinema as an Instrument of the US Public Diplomacy Artamonova U.Z.	110
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию второй в 2020 г. выпуск журнала. Как всегда, в фокусе внимания – прогнозная составляющая научных исследований, на этот раз по проблематике страновых, региональных и глобальных трендов и рисков развития, в том числе с учетом последствий пандемии COVID-19, глобальной и региональной безопасности, динамики интеграционных процессов в Европе и отношений Европейского союза с третьими странами, формирования новых социальных и политических пространств взаимодействия с использованием инструментов публичной дипломатии и “мягкой силы”.

В новом выпуске журнала четыре рубрики. Первая, **“Тренды и риски развития”**, фактически продолжает научную дискуссию, начатую авторами аналогичной тематической рубрики в первом номере журнала за этот год касательно лидерства Соединенных Штатов в мировой политике и глобальной экономике. Ослабляет ли американоцентризм тенденция к полицентричности в современной международной системе? Каким образом пандемия COVID-19 может оказать влияние на позиции США как глобального лидера? Зависит ли ответ на эти вопросы от особенностей научной и политической картины мира в западных и незападных государствах и обществах?

Открывает рубрику интервью с Вячеславом Ивановичем Трубниковым, членом Дирекции ИМЭМО РАН, Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ, генералом армии, Героем России, которое он дал старшему научному сотруднику ИМЭМО РАН А.В. Куприянову.

“Кризис навсегда покончит с мечтами об американской гегемонии”, – эти слова В.И. Трубникова вынесены в заголовок интервью. В.И. Трубников размышляет о возможных изменениях ситуации в мире после пандемии коронавирусной инфекции, сопряженной с многими другими проблемами, о необратимости таких перемен, о глобальном лидерстве США, разногласиях и противоречиях между Соединенными Штатами и Китаем, о том, что следует учитывать России при выборе своей стратегии в нынешней непростой ситуации. Особый интерес представляют ответы автора, профессионала–востоковеда с уникальным опытом дипломатической работы, на вопросы о роли в современной международно-политической системе Китая и Индии и парадигме взаимоотношений между ними, о влиянии пандемии на внутреннюю политику Индии и расстановку партийно-политических сил.

Мы рады опубликовать в данной рубрике статью господина Чжан Юйяня, *Ph.D. (Econ.)*, академика Китайской академии общественных наук, директора Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук «Понять “великую трансформацию столетия”» и высказываем в связи с этим особую признательность нашему иностранному автору. Редакция и редколлегия журнала выражает также благодарность д.и.н., заместителю директора ИМЭМО РАН, члену редакционной коллегии журнала Александру Владимировичу Ломанову, который перевел тест статьи Чжан Юйяня с китайского языка на русский и помогал редакции журнала осуществлять коммуникацию с автором.

“Великой трансформацией столетия” председатель КНР Си Цзиньпин в 2018 г. назвал текущую глобальную ситуацию, непосредственными свидетелями которой мы являемся. Российский читатель имеет возможность понять научную и политическую трактовку этой многоаспектной динамической ситуации перемен, которую формулирует и предлагает Китай, занявший прочные позиции в “ядре” формирующейся полицентричной системы и претендующий не только на региональное, но и глобальное лидерство. “Великая трансформация”, по мнению Чжан Юйяня, – это сложный и многоплановый феномен, который включает в себя и изменения потенциалов великих держав, и масштабное и долгосрочное влияние научно-технического прогресса и сопутствующих ему многочисленных неопределенностей, и повсеместное пробуждение сознания собственных прав народных масс, изменения структуры народонаселения, эволюцию международной валютной системы, распад и реконструкцию системы мультилатерализма, ослабление внутренней системы США и китайско-американскую “игру”. Что важно, в этой канве динамических перемен Чжан Юйянь фиксирует тренды и факторы, которые не претерпели существенных изменений

и которые автору представляются значимыми с точки зрения будущего развития Китая. Завершает рубрику статья к.полит.н., научного сотрудника Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований Александры Романовны Борисовой «Новые “симптомы” системного кризиса в США через призму борьбы с COVID-19».

Статья поступила в редакцию в конце апреля 2020 г. и представляет собой изучение текущей на тот момент политико-экономической ситуации в стране в связи с первой волной пандемии и предложенных американской администрацией мер противодействия коронавирусной инфекции. На примере анализа процесса принятия решения по Закону о чрезвычайной помощи и обеспечению экономической безопасности в борьбе с коронавирусной эпидемией (CARES Act), самого недемократического голосования в новейшей истории США, автор прогнозирует возможность политико-правовых, социальных, экономических и системных сдвигов в стране в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Справедливо считая пандемию большим вызовом для Соединенных Штатов, А.Р. Борисова предполагает, что последствия эпидемии COVID-19 способны изменить ситуацию в Соединенных Штатах уже в краткосрочной перспективе.

Тематическую рубрику **“Глобальная и региональная безопасность”** составляют четыре статьи. Первые две посвящены непосредственно глобальной безопасности, в фокусе внимания двух других – региональная безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе и в Большой Европе.

Совместная статья д.э.н., заведующего Отделом военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Людмилы Владимировны Панковой и Ольги Владимировны Гусаровой, научного сотрудника Сектора военной экономики и инноваций Отдела военно-экономических исследований, на тему “Военно-экономические сдвиги на рубеже третьего десятилетия XXI века” исследует вызовы современного мирового военно-экономического развития, многие из которых не имеют аналогов в прошлом.

Авторы выявили наиболее важные проблемы, сдвиги и основные мегатенденции в этом процессе, определив сдвиги в военной экономике и в системе безопасности, как национальной, так и международной, как парадигмальные. В фокусе особого внимания – взаимосвязь этих кардинальных перемен с изменениями в области обеспечения безопасности на фоне динамичного инновационно-цифрового развития, тренд доминирования США в ресурсном обеспечении военно-экономической деятельности в ближайшее десятилетие при относительном ослаблении глобального лидерства и влияния США в мире, выявление основных факторов, влияющих на военно-экономическую деятельность в условиях трансформации современного миропорядка. В ряду факторов, меняющих общемировую военно-экономическую деятельность, авторы на первое место ставят растущее соперничество США, Китая и России; качественные перемены возможностей США проецировать свою глобальную мощь; относительное сокращение военных и военно-технологических преимуществ США в их конкурентной борьбе с Китаем и Россией.

Д.тех.н., профессор, главный научный сотрудник Сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности Владимир Зиновьевич Дворкин в своей статье “О балансе и сценариях ядерного сдерживания” размышляет о том, остается ли в действии и сохранится ли в обозримой перспективе сложившаяся за несколько десятилетий концепция взаимного ядерного сдерживания между СССР/Россией и США. Автор уверен, что общий баланс ядерного оружия и потенциалов сдерживания сторон сохраняется в условиях договорных отношений, однако может быть нарушен после окончания действия Договора СНВ-3 и отсутствия нового договора. Но и в этих условиях потенциал ядерного сдерживания России останется на таком уровне, который исключает всякую мотивацию нападения на нее. Рассматривая возможные сценарии обмена ядерными ударами, которые предусматривают нанесение ответного удара в течение ограниченного отрезка времени, автор делает вывод о том, что существующая и модернизируемая триада стратегических ядерных сил России в обозримой перспективе без участия декларируемых новейших систем вооружения типа “Посейдона” и “Буревестника” обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США. Если эти новые системы будут представлять препятствия для успешных

переговоров и подтолкнут гонку ядерных вооружений, целесообразно заморозить дальнейшую их разработку, сохранив конструкторский и производственный задел на случай непредвиденных изменений.

Продолжает рубрику исследование Александра Андреевича Алешина, младшего научного сотрудника Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН "Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде". Рассуждая в категориях научной школы политического реализма, автор выявляет и типологизирует модель внешнеполитического поведения Австралии как средней державы. В условиях усиления геополитической конкуренции великих держав фокус внимания Австралии смещается на Индо-Тихоокеанский регион, где США и Китай соперничают за первенство в формировании регионального порядка. Австралия стремится сохранить свое влияние в Океании, продолжая сотрудничество с Китаем, но при этом активнее сближаясь с государствами – членами АСЕАН и принимая непосредственное участие в Четырехстороннем диалоге по безопасности (*Quad*). Проведенный автором анализ системы союзов и договоров Австралии позволяет говорить о диверсификации внешней политики страны и стремлении соблюдать баланс сил в регионе.

Завершает рубрику статья младшего научного сотрудника Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Отдела разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности Сергея Владимировича Растольцева "Влияние локальных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве на режим контроля над обычными вооружениями в Европе". Автор изучает взаимосвязь и взаимовлияние и двух больших вызовов европейской безопасности – неурегулированных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве и режима контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ), в частности, Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Автор отмечает, что затяжные конфликты воздействовали на современный режим КОВЕ уже в момент его становления с начала 1990-х годов, создавая локальные исключения, на территории которых обеспечение контроля над вооружениями оказывалось невозможным. Это влияние усилилось в 2000-е годы, когда конфликты такого рода стали одним из основных препятствий трансформации ДОВСЕ, а в 2010-е годы привело к полномасштабному кризису системы КОВЕ, что в свою очередь осложнило урегулирование самих затяжных конфликтов.

Редколлегия журнала решила открыть новую рубрику "Интеграционные исследования", которая будет посвящена изучению феномена и моделей региональной интеграции в современном мире, деятельности различных региональных интеграционных объединений в различных тематических областях, в том числе по налаживанию межрегиональных и трансрегиональных связей, а также новым форматам мегарегионального взаимодействия.

Первая в рубрике – статья к.э.н., ведущего научного сотрудника Центра европейских исследований ИМЭМО РАН Анны Сергеевны Четвериковой "Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы".

Исследование посвящено анализу экономического развития государств Вишеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) после вступления в Европейский союз в 2004 г. Автор предлагает рассмотреть это явление с трех точек зрения, а именно: трансформации позиций "четверки" в ЕС, межстранового экономического взаимодействия и официальных отношений внутри группировки. Особое внимание автор уделяет институциональному измерению Вишеградской группы. Анализируя специфику экономических страновых моделей, внешнеторговое и инвестиционное взаимодействие вишеградских стран автор делает вывод о прогрессе экономических взаимосвязей внутри этой неформальной региональной субинтеграционной группировки, однако показывает его объективные пределы, вполне естественные в контексте динамики европейской интеграции.

Вторая статья рубрики – исследование к.э.н., старшего научного сотрудника Сектора экономики европейских стран Центра европейских исследований Анастасии Алексеевны Невской “Торговля добавленной стоимостью в несырьевых отраслях между Россией и Европейским союзом: есть ли потенциал?”.

Автор изучает структуру и динамику торговли добавленной стоимостью Европейского союза с третьими странами, в частности с Россией в отраслях обрабатывающей промышленности. Рассматриваются вопросы продвижения Российской Федерации и ее предприятий на более высокие позиции в международных цепочках добавленной стоимости. Сделан вывод о том, что меры поддержки российского бизнеса на международных рынках и принятые в планах государственной поддержки экспорта отраслевые ориентиры релевантны для российского бизнеса, работающего на европейском направлении, с точки зрения возможностей повышения создаваемой добавленной стоимости. В то же время динамика торговли добавленной стоимостью показала ограниченность имеющегося потенциала наращивания взаимодействия, к тому же принимаемые меры недостаточно географически диверсифицированы и не демонстрируют заметного влияния на стратегии компаний по повышению своей конкурентоспособности в рамках глобальных производственных цепочек. Более заметное влияние на эти процессы оказывают негативные внешнеполитические события – санкции и контрсанкции. В условиях распределенного производства конкурентоспособность стран и территорий все меньше зависит от их отраслевой структуры и все в большей степени становится производной от умения страны выстраивать кластерные механизмы, эффективно организующие компетенции производителей самых разных отраслей и этапов создания стоимости. Практическую значимость имеют выводы автора о наиболее перспективных сферах, в которых возможно усиление взаимодействия России и Европейского союза в рамках цепочек добавленной стоимости.

В рубрике **“Динамика социальных и политических пространств”** – статья молодого ученого ИМЭМО РАН, младшего научного сотрудника Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований Ульяны Звизадиной Артамоновой “Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США”. Сложно сказать, что представляет собой американский кинематограф с точки зрения политики США на международной арене, какие транснациональные пространства влияния и взаимодействия в современном мире формирует, является ли он инструментом “мягкой силы”, публичной дипломатии или внешнеполитической пропаганды Соединенных Штатов.

В статье рассматриваются механизмы прямого и опосредованного вовлечения американского кинематографа во внешнеполитическую деятельность США в части публичной дипломатии. Изучается эволюция Голливуда как индустрии распространения американских ценностей и образа жизни, прослеживаются его взаимосвязи с государственными органами США в различные периоды – президентской администрацией, Пентагоном, Центральным разведывательным управлением. Анализируя влияние американского кино на общественное мнение о Соединенных Штатах, автор приходит к выводу о сложившейся системе, при которой киноиндустрия США работает в рамках самоцензуры, превращающей часть его продукции в инструмент влияния внутри и за пределами страны.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

**“КРИЗИС НАВСЕГДА ПОКОНЧИТ С МЕЧТАМИ
ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ”
(ИНТЕРВЬЮ С В.И. ТРУБНИКОВЫМ)****© ТРУБНИКОВ В.И., 2020**

Предлагаем вниманию читателей интервью с Вячеславом Ивановичем Трубниковым, членом Дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ, генералом армии, Героем России, которое он дал старшему научному сотруднику ИМЭМО РАН А.В. Куприянову.

“Кризис навсегда покончит с мечтами об американской гегемонии.”

(Интервью с В.И. Трубниковым).

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 14-19. DOI: 10.20542/afj-2020-2-14-19

DOI: 10.20542/afj-2020-2-14-19

УДК: 327.8(73)

Интервью поступило в редакцию 18.04.2020.

Здравствуйте, уважаемый Вячеслав Иванович! Спасибо, что согласились на интервью в такое непростое время. Первый вопрос о наболевшем: почти все эксперты и аналитики сейчас прогнозируют, что мир по окончании пандемии изменится кардинально и необратимо. Так ли это? Как вообще эта болезнь может повлиять на мировую политику, экономику, социальную сферу?

Безусловно, пандемия коронавирусной инфекции, вдобавок сопряженная с иными проблемами – сначала с развалом договоренностей в рамках ОПЕК+, потом с возобновлением компромиссных договоренностей на тему сокращения производства нефти и поддержания нефтяного рынка на приемлемом уровне, – разумеется, скажется на дальнейшем развитии ситуации в мире. Я не хочу оперировать такими категориями, как “кардинальные” или “необратимые” перемены – все познается в сравнении; когда мы говорим о кардинальности и необратимости, нужно понимать, что эти понятия – относительные.

Изменения, о которых идет речь, не возникли внезапно: они были продиктованы самим вектором развития экологии, мировой экономики, международных отношений и мировой политики вообще в последние годы. Многие тренды были заложены в докризисный период, более того: они стали непосредственным результатом экономического кризиса 2008 г. То, что многим сейчас кажется чем-то новым, на самом деле – логичное продолжение уже давно начавшихся процессов. Главное, на что может повлиять нынешний кризис – скорость, с которой будут развиваться политические, экономические и социальные явления и внедряться новые технологии. Еще до начала пандемии существовали и онлайн-магазины, и онлайн-аукционы, и службы доставки, проводились онлайн-конференции. Но теперь эти технологии будут внедряться повсеместно и в ускоренном темпе. Эпидемия выявила ряд недостатков в сфере информационных технологий, определенные несовершенства в работе цифровой экономики – это потребует, разумеется, новых решений, новых усилий и затрат, как материальных, так и интеллектуальных.

Что до необратимости перемен – это тоже вопрос непростой. Возьмем частный пример – нынешнее волонтерское движение. Чем оно принципиально отличается от тимуровского движения советского периода? Да, собственно говоря, ничем. Иногда нам приходится вспоминать старые, хорошо работавшие технологии и решения, которые мы

незаслуженно забыли, так как просто не испытывали в них нужды, живя в достаточно обеспеченном мире.

Резюмируя, хочу сказать, что я не склонен драматизировать ожидающие нас перемены. Моя точка зрения в данном случае в значительной степени совпадает с мнением президента ИМЭМО, нашего коллеги академика Александра Александровича Дынкина и член-корреспондента РАН Елены Александровны Телегиной. В своей статье “Танец черных лебедей. Мировая премьера” [1], опубликованной на сайте *Interfax*, они проанализировали два аспекта нынешнего кризиса – эпидемиологический и нефтяной – и перечислили наиболее заметные перемены, которые нас ожидают. Для меня (и, как следует из этой статьи, для моих коллег) абсолютно очевидно, что либеральная экономика себя исчерпала. На смену ей придет новая парадигма, которую Дынкин и Телегина определяют как “ответственное развитие”.

Я рекомендовал бы и нашим политикам, и экономистам, и тем, кто составляет прогнозы, внимательно ознакомиться с позицией авторов, и при принятии решений как в период кризиса, так и после его окончания обращать больше внимания на мнение экспертного сообщества в целом. Как показывает практика, лишь те управленческие планы, которые принимаются с опорой на мнение экспертов и аналитиков, оказываются в конечном итоге успешными. А самонадеянные шаги, предпринятые во время сложных кризисных ситуаций под влиянием одержимости реформами во что бы то ни стало, стремления провести оптимизацию любой ценой, в конечном счете лишь усугубляют проблемы, с которыми в противном случае можно было бы справиться меньшей ценой и с меньшими физическими, материальными, интеллектуальными затратами, получив при этом более зримый результат.

Недавно Генри Киссинджер опубликовал статью под названием “Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок” [2]. В ней он призвал США выступить лидером в борьбе с COVID-19 – иначе рухнет нынешний глобальный либеральный миропорядок, и начнется “пожар”, как он выразился – распад привычного уклада, новая волна национализма и протекционизма. Верен ли его прогноз?

Я глубоко уважаю мнение Киссинджера, патриарха американской внешнеполитической философии. Не могу не отметить, что в его статье обращают на себя внимание драматизм и определенная патетика; но они не могут скрыть того, что можно назвать синдромом американской исключительности, американского превосходства или лидерства – короче говоря, восприятия как данности американской гегемонии в мире, которое, по мнению Киссинджера, навсегда изменится в результате кризиса.

Киссинджер в своей статье проводит параллель между нынешним кризисом и ситуацией в Арденнах в конце 1944 г. (напомню, что он сам воевал там и видел происходившее своими глазами), отмечая, что американцы продемонстрировали тогда выдающуюся стойкость и выносливость – в том числе потому, что осознавали ту национальную цель, которой хотели достичь. Именно этой стойкости и осознанию цели он приписывает успех американцев в боях. Но не нужно забывать, что ситуация в Арденнах была спасена прежде всего в результате союзнических действий Красной Армии, которые последовали за обращением Черчилля к советскому руководству с просьбой ускорить наступление на Восточном фронте. Именно на это я хотел бы обратить особое внимание: помимо американской выносливости и целеустремленности успех обеспечили союзнические отношения между англосаксами и Москвой.

У Киссинджера нет-нет да и проскальзывает тоска по либеральной экономике и по лидирующей роли США в мировом сообществе. Мне представляется, что эта тоска не случайна: кризис навсегда покончит с мифами об американской исключительности, о безальтернативности либеральной экономической модели и мечтами о гегемонии Соединенных Штатов. И крах этих мифов станет очевидным даже для самого населения США.

Как Вы полагаете, прислушаются ли к предостережениям Киссинджера в Белом доме?

Сложно сказать, насколько эта статья может в принципе повлиять на позицию нынешней американской администрации. Мотивы, которыми руководствуется Трамп, сплошь и рядом выдают в нем сильного и решительного бизнесмена. Насколько эта бизнес-идеология поможет ему решить все остальные стоящие перед Америкой проблемы – большой вопрос.

Эксперты и журналисты, говоря о последствиях кризиса, в качестве одного из самых вероятных сценариев упоминают нарастание напряженности между США и КНР и начало полномасштабной холодной войны между ними. Насколько вероятен этот сценарий?

Мне он кажется маловероятным. Напряженность между этими странами была, остается и останется; но полномасштабная холодная война в нынешних условиях вряд ли возможна. Пекину и Вашингтону волей-неволей приходится заниматься борьбой с COVID-19, и помимо попыток обвинить друг друга в распространении пандемии налицо желание поучиться друг у друга, как бороться с эпидемией, как спасать население.

Полагаю, что разногласия и противоречия между США и КНР сохранятся и после кризиса, но в какой форме они будут проявляться – большой вопрос. Я не считаю, что политика посткризисного периода будет определяться лишь борьбой этих двух государств. Это означало бы возвращение к биполярному миру, а мне кажется, что мы движемся к миру полицентричному. По всей видимости, ситуация будет развиваться следующим образом: сохранится тенденция к дальнейшей глобализации и одновременно к регионализации международных отношений. Противоречия здесь нет: укрепление отношений на региональном уровне – составная часть глобализации. В качестве примера можно привести АСЕАН, страны которой объединяют сейчас усилия в борьбе с чумой XXI века – коронавирусной инфекцией.

Какова должна быть в этих условиях позиция России – нужно ли сотрудничать с Китаем, сближаться с США, сохранять нейтралитет или, может быть, пытаться сформировать третий полюс в этом противостоянии?

Не думаю, что при определении стратегии России нужно в первую очередь исходить из того, с кем и против кого блокироваться, и уж во всяком случае с этим выбором не нужно торопиться. Прежде всего нужно дождаться и посмотреть, какой наша страна выйдет из этого кризиса и вступит в посткризисное политическое пространство. У России собственный взгляд на свое место в международной политике. По-моему, нужно будет сохранить близкие отношения и продолжать сотрудничество с Китаем – нашим стратегическим партнером; при этом не нужно отталкивать США – при условии, конечно, что американцы займут более трезвую позицию, не пытаясь на нас постоянно давить при помощи санкций. Что до нейтралитета – в нынешнем, а тем более в посткризисном мире сохранять его достаточно сложно; нужно опираться на международное сотрудничество, стараться совместными усилиями находить решение экономических проблем и геополитических противоречий. Очевидно, стоит ожидать, что в посткризисный период многим странам придется скорректировать свои амбиции и отношения друг с другом.

В этом смысле любопытна позиция Индии. Недавно вышла статья Шишира Упадхьяи [3], где он предполагает, что после эпидемии COVID-19 Пекин будет искать союза с Нью-Дели. При этом в последнее время активизировались проамериканские эксперты в Индии, призывающие к отказу от политики стратегической автономии и союзу со Штатами. Для России этот вопрос не праздный, учитывая, что Индия является нашим стратегическим партнером. Как Вы считаете, куда в будущем развернется индийская политика? Стоит ли рассчитывать на оживление формата РИК (Россия–Индия–Китай), опасаться американо-индийского союза, ждать появления каких-то новых форматов?

Я не считаю, что после эпидемии Китай обязательно будет искать союза с Индией. Мне видится более реальным стремление трех стран – России, Индии и Китая – сохранить и оживить формат РИК, в рамках которого наработан определенный опыт и связи. Нам этот формат также

представляется наиболее конструктивным и продуктивным: в его рамках Россия всегда играла и будет играть роль балансира в объективных противоречиях, существующих между Индией и Китаем. Речь прежде всего о трениях, связанных с территориальными проблемами, спорными участками границы, ядерными амбициями трех стран региона – Китая, Пакистана и Индии. Мне кажется, не стоит особенно беспокоиться насчет того, что Индия может отказаться от стратегического партнерства с нами. Нью-Дели проводит независимую, автономную внешнюю политику, и военный и политический полноценный союз с кем-либо для него вряд ли приемлем. Индия, выстраивая связи с великими державами, подходит к вопросу, руководствуясь прежде всего собственными задачами. Она готова сотрудничать с любым партнером до тех пределов, которые ей выгодны и отвечают ее национальным интересам. Индийская внешняя политика абсолютно прагматична.

Какое влияние на внутреннюю политику Индии может оказать нынешняя пандемия? Индийская оппозиция сейчас жестко критикует и правительство, и региональных лидеров правящей “Бхаратия Джаната партии”. Сумеет ли БДП обернуть ситуацию в свою пользу, наберет ли она политические очки или, наоборот, потеряет? Насколько вообще прочно положение Нарендры Моди и его партии, сумеют ли они завершить начатую трансформацию и превратить Индию в великую державу, один из центров формирующегося миропорядка?

Это очень непростой вопрос. Позиции нынешнего националистически настроенного индийского правительства очень прочны, оно готово действовать. И действовать в случае необходимости жестко, хорошо приспособленной для этого бамбуковой палкой. Этот своеобразный индийский “демократизатор” играет важную роль и в решении тех сложных проблем, с которыми сегодня столкнулась Индия. Нужно понимать, что объявить в такой стране, как Индия, трехнедельный карантин – дело очень непростое; и, тем не менее, он был объявлен, соблюден и теперь продлен еще на три недели. Это свидетельствует о том, что, по мнению индийского руководства, он привел к заметным позитивным результатам, которые выражаются в невысоких пока что цифрах заболевших и скончавшихся от COVID-19.

Но нужно понимать, что эти показатели далеко не окончательны. Мы имеем дело со страной, население которой составляет 1.3 млрд человек с лишним, и это страна резких социальных контрастов, где бедность соседствует с большим слоем преуспевающего среднего класса. Ситуация в Индии сложна и с медицинской точки зрения: там, по статистике, 50 млн диабетиков и 54 млн человек, страдающих от сердечно-сосудистых заболеваний, – то есть более 100 млн людей, жизни которых непосредственно угрожает пандемия. Ко всему прочему в Индии рекордное число больных туберкулезом – 2.8 млн человек из 10.2 млн больных в мире. В такой ситуации пандемия – серьезный вызов системе здравоохранения любого государства. Тем не менее Индия продолжает сражаться с вирусом и делает это ничуть не хуже многих развитых европейских стран и США, а в чем-то и успешнее. Власти наращивают социальную поддержку населения: так, правительство штата Керала выделило 2.5 млрд долл. для помощи бедным слоям. Благодаря этим деньгам продолжается нормальная работа магазинов “справедливых цен”, наименее обеспеченные получают прямую финансовую помощь.

В этой крайне непростой ситуации авторитет “Бхаратия Джаната партии”, несмотря на жесткую критику со стороны оппозиции, остается высоким. Кстати, по сегодняшнему прогнозу МВФ, лишь Индия и Китай завершат 2020 г. с сократившимся, но позитивным ВВП: Индия – с ростом на 1.9% (вместо ожидавшихся 5%), Китай – на 1.2% (вместо 6%).

Что же касается вопроса о том, станет ли Индия великой державой – на мой взгляд, она уже таковой является по абсолютному большинству позиций, за исключением разве что постоянного членства в Совете Безопасности ООН. И воспринимать ее нужно именно в этом качестве.

Какие задачи изменения в мире по итогам пандемии ставят перед отечественными учеными, экспертами, аналитиками, политологами? Каким темам нужно уделить первостепенное внимание, на каких основных направлениях исследований сконцентрироваться? Стоит ли в условиях переноса центра тяжести мировой экономики и политики в Азию держаться за традиционные теории международных отношений –

или необходимо разрабатывать новые, более подходящие полицентричному миру? Какими бы могли быть эти теории? Какую роль в изучении и анализе нынешних и прогнозировании будущих тенденций может и должен играть ИМЭМО и другие отечественные аналитические центры?

Подобные вопросы следует адресовать не одному и даже не группе экспертов. Ответ на них должны давать целые институты, все экспертное сообщество, Российская академия наук – и, конечно, политическое руководство страны. Предстоит учесть все сложности, с которыми Россия столкнулась в результате этого кризиса, заново оценить ситуацию в здравоохранении и образовании – то есть в тех сферах, которые формируют наш человеческий капитал. Без солидных затрат и серьезного изменения системы финансирования и подготовки кадров для этих отраслей народного хозяйства, без пересмотра отношения управленцев к тому, как обеспечиваются эти сферы, обойтись не получится. Это проблемы, которые касаются всех и каждого.

Я не хочу выглядеть самонадеянным невеждой и раздавать рекомендации; мне кажется, нужно отталкиваться от тех идей, что изложены в упомянутой мной статье А.А. Дынкина и Е.А. Телегиной. Там указано, на что нам нужно обратить внимание в первую очередь. Но, разумеется, своя позиция у меня есть. Я, например, считаю, что наша медицина должна быть выстроена абсолютно иначе – не на коммерческой основе, а по принципу службы, наподобие государственной или военной. Это должно касаться материального оснащения, финансирования, отношения к профессии, подготовки кадров: благодаря этому можно будет многое сделать для того, чтобы повысить авторитет и материальное благосостояние тех людей, которые сегодня, жертвуя своими жизнями, борются с бедой, которая навалилась на нашу страну.

Большое спасибо за интервью, Вячеслав Иванович, успехов Вам и здоровья!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дынкин А.В., Телегина Е.А. Александр Дынкин: Танец черных лебедей. Мировая премьера. *Интерфакс*, 29.03.2020. [Dynkin A.V., Telegina E.A. Aleksandr Dynkin: Tanets chernykh lebedei. Mirovaya prem'era [Aleksandr Dynkin: The Black Swans Dance. World Premiere]. *Interfax*, 29.03.2020]. Available at: <https://www.interfax.ru/interview/701437> (accessed 20.04.2020).
2. Kissinger H.A. The Coronavirus Pandemic Will Forever alter the World Order. *The Wall Street Journal*, 03.04.2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed 20.04.2020).
3. Upadhyaya S. Preparing for a Post-Covid World? China and India Settle Old Scores and Team Up. *Russia Today*, 08.04.2020. Available at: <https://www.rt.com/op-ed/485125-india-china-relations-coronavirus/> (accessed 20.04.2020).

**“THE CRISIS WILL PUT AN END TO THE DREAMS OF AMERICAN HEGEMONY”
(INTERVIEW WITH V.I. TRUBNIKOV)****(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp.14-19)****Received 18.04.2020.**

We are pleased to present to our readers an interview with Vyacheslav Trubnikov, a member of the IMEMO Directorate, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, General of the Army, Hero of Russia. In a conversation with IMEMO Senior Researcher Alexey Kupriyanov he shares his vision of the current trends and possible scenarios for the post-COVID world, discusses the challenges for Russia, relations with India and other important issues.

The COVID crisis and other current challenges, including those in the oil market, will definitely affect political, economic and social developments. However, Vyacheslav Trubnikov believes that the crisis has accelerated already existing processes and advises not to overdramatize the situation. He recommends basing the forecasts and decisions during and after the crisis on the expert community analysis rather than rushing to ill-conceived measures and hasty reforms.

The perception that there is no alternative to liberal economy and the myth about the American exceptionalism and hegemony are likely coming to an end, and that will soon become evident even in the US. Tensions and disagreements between the US and China will remain, however, Mr. Trubnikov does not think there will be a new full-scale Cold War involving these two states – at least, until the end of the pandemic. The world is going towards a polycentric rather than bipolar order, where globalization and regionalization are happening simultaneously. The conversation covers a possible strategy for Russia in this emerging configuration when the leading powers will likely have to reconsider their ambitions after the crisis.

Another major theme of the interview is India's position in the emerging world order as well as its internal challenges and the country's response to the pandemic. Mr. Trubnikov discusses the prospects for Russia in terms of its relations with both China and India. He recommends sustaining and revitalizing the most constructive format where Russia can continue to balance existing discrepancies between China's and India's positions. The expert also discusses the challenges to the ruling Bharatiya Janata Party connected to the pandemic and India's economic and social situation.

In the concluding remarks, Mr. Trubnikov shares his opinion on the most pressing issues the expert and analytical community is facing in the light of the current crisis.

About the author:

Vyacheslav I. TRUBNIKOV, member of the of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) Directorate, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Hero of Russia, General of the Army.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-14-19

ПОНЯТЬ “ВЕЛИКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ СТОЛЕТИЯ”

© ЧЖАН ЮЙЯНЬ, 2020

ЧЖАН Юйянь, Ph.D. (Econ.), академик Китайской академии общественных наук, директор Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Китайская академия общественных наук, Институт мировой экономики и политики, Китайская Народная Республика, 100732 Пекин, Цзяньгомэньнэй дацзе, д. 5 (yyzhang@cass.org.cn).

Чжан Юйянь. Понять “великую трансформацию столетия”.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 20-29. DOI: 10.20542/afj-2020-2-20-29

DOI: 10.20542/afj-2020-2-20-29

УДК: 327

Статья поступила в редакцию 17.02.2020.

В 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин высказал важное суждение о текущей глобальной ситуации, заявив, что мир находится в состоянии “великой трансформации, невиданной за столетие”. Этот тезис стал для автора отправной точкой в попытке проанализировать и понять сложный современный мир, выявить тенденции времени, дабы эффективно использовать возможности развития и успешно реагировать на вызовы. Трактровка “великой трансформации столетия” охватывает многие аспекты: сравнение изменений мощи великих держав, далеко идущее влияние научно-технического прогресса и сопутствующих ему многочисленных неопределенностей, повсеместное пробуждение сознания собственных прав народных масс, изменения структуры народонаселения, эволюцию международной валютной системы, распад и реконструкцию системы мультилатерализма, ослабление внутренней системы США и китайско-американскую “игру”. В контексте “великой трансформации столетия” также нельзя упускать из поля зрения те факторы, которые не претерпели существенных изменений, чтобы в итоге выявить весь набор компонентов, составляющих международную среду будущего развития Китая.

Ключевые слова: Китай, США, глобализация, глобальное соперничество.

Всемирная история представляет собой непрерывный поток перемен. В XX в. человечество прошло через многие драматические события: две мировые войны, за которыми последовали холодная война, столкновение исламской и христианской цивилизаций, появление завораживающих воображение людей технических инноваций. Однако ныне наблюдаются еще более глубокие изменения, о которых председатель КНР Си Цзиньпин сказал: “Это лучший период развития Китая в современной истории, мир претерпевает невиданную за столетие великую трансформацию. Эти две тенденции становятся все более переплетенными, они способствуют друг другу” [1].

Происходящие ныне перемены окажут большее влияние на будущее человечества, чем все преобразования XX в. Прозвучавшее из уст Си Цзиньпина суждение о важности “великой трансформации столетия” вызвало бурную дискуссию в научных кругах Китая. Можно выделить несколько ключевых аспектов, помогающих раскрыть глубину происходящих перемен.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ СДВИГ БАЛАНСА СИЛ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Важнейшей переменной величиной “великой трансформации столетия” является изменение баланса сил между главными мировыми державами. За минувшее 20–30 лет постепенное накопление количественных изменений привело к качественному сдвигу. Есть

много показателей, отражающих уровень могущества государства, среди которых наиболее комплексным и широко используемым остается экономическая мощь.

Темпы экономического развития Китая в последние 40 лет были невероятно быстрыми. В 1978 г. показатель ВВП на душу населения в КНР составлял лишь 200 долл. США. В 2018 г. он приблизился к 10 тыс. долл. США.

В последнее десятилетие скорость экономического роста страны значительно превосходила собственные китайские прогнозы. В 2005 г. рассчитанный по рыночному обменному курсу ВВП Китая не достигал половины ВВП Японии. В 2010 г. китайский ВВП обогнал японский, а в 2015 г. превысил его вдвое. При сохранении нынешних темпов роста в 2022 г. ВВП Китая может превзойти ВВП Японии втрое. 40 лет назад ВВП Китая составлял около 2/30 объема ВВП США, к 2018 г. это соотношение изменилось до 2/3. КНР быстрыми темпами догоняет Соединенные Штаты по размеру экономики, эти две страны все больше уходят вперед и отрываются от других государств. Полагаю, что именно здесь следует искать объяснение перемен, которые происходят в последнее время в китайско-американских отношениях [2].

Некоторые китайские эксперты рассматривают формирование соотношения 2 : 3 при пересчете объемов ВВП по текущему курсу как важнейший сигнал, возвещающий поворот к ухудшению отношений между двумя крупнейшими экономиками мира. Китай не первая страна, которая после завершения Второй мировой войны достигла уровня 2/3 ВВП США. До него сходного результата удалось добиться СССР и Японии. Но как только одна из этих стран приближалась к размеру экономики, достигающему 2/3 американской, США серьезно меняли политику по отношению к ней. Инструменты сдерживания таких государств и интенсивность предпринятых мер различались, но результаты четко видны. В 2018 г. дистанция экономик обеих стран от США была куда более значительной, чем в прошлом. Объем экономики Японии сегодня составляет менее 1/4 экономики США; а России – всего 1/14. Возможно, что это одна из причин, по которой фраза “ловушка Фукидида” быстро стала известна во всем мире [3].

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: ДАЛЕКО ИДУЩЕЕ И МАЛОПРЕДСКАЗУЕМОЕ ВЛИЯНИЕ

Одним из фундаментальных компонентов “великой трансформации столетия” является стремительный технический прогресс. В XXI в. глобальные научно-технические инновации порождают повседневные изменения технологического ландшафта. Молниеносные темпы развития Интернета и цифровых технологий вызывают цепную реакцию в сферах производства, логистики, распределения и занятости.

Автоматизация производства и конвейер в прошлом создали огромное количество новых рабочих мест для инженерного персонала. Однако современные цифровые технологии и “искусственный интеллект” способны уничтожать существующие рабочие места без создания новых. Откликом на эти проблемы стали размышления экономистов, среди которых Дарон Асемоглу, один из авторов книги “Почему нации терпят неудачу” [4]. По оценкам консалтинговой компании *McKinsey*, к 2030 г. 800 млн промышленных рабочих будут заменены роботами. Теоретически почти все рабочие места могут быть заменены по мере продолжающегося снижения расходов на использование “искусственного интеллекта”.

Исследователи предупреждают, что технологический прогресс ведет к увеличению неравенства доходов внутри стран и остановке роста доходов наемных работников. С точки зрения теории новые технологии должны повысить производительность труда. Однако реальность оказалась совершенно противоположной. В XXI в. не только в развитых экономиках США, ЕС и Японии, но и на зарождающихся рынках наблюдается замедление темпов прироста производительности труда – и это несмотря на выделение огромных средств на исследования и разработки. Экономисты назвали это явление “парадоксом производительности”, и оно вне всяких сомнений оказывает негативное воздействие на долгосрочный рост глобальной экономики. Быстрое развитие технологий также коренным образом изменяет характер и форму войны. По сообщению журнала *The Economist*, внедрение цифровых технологий в военной сфере привело к появлению наряду с реальными фронтами новых цифровых фронтов.

Роботизированные автономные боевые системы разрабатывают и развертывают в большом количестве. Это не только полностью меняет наше традиционное понимание военной профессии, но и ставит ряд этических вопросов о том, может ли “интеллектуальное оружие” быть убийцей [5]. Проблемы “серой зоны”, когда создание угрозы не ведет к эскалации и не вызывает серьезного возмездия, уже стали темой горячих споров среди военных экспертов. В подобных ситуациях трудно распознать и идентифицировать настоящего виновника, например, в случае кибератаки или подрывной пропаганды.

Быстрая интернетизация мира сильно повлияла на взаимоотношения государств в международной системе. Интернет содействует рассредоточению и разделению полномочий, но при этом наделяет значительной властью США и другие государства, доминирующие в Интернет-пространстве, предоставляя им по отношению к прочим возможности “панорамного обзора” (*panopticons*) и контроля над “точками удара” (*strokepoints*). Эти преимущества усиливают их и могут быть использованы гегемоном Интернета в качестве оружия [6].

МАССОВОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Среди очевидных результатов распространения Интернета – резкое снижение стоимости коммуникаций, значительное расширение контента и существенное увеличение скорости передачи данных. Это заметно облегчает доступ к информации, новым идеям и общению. Люди глубже осознают свои права и более четко представляют себе способы их защиты. Развитие информационных технологий вызывает повсеместное пробуждение осознания собственных прав у широких слоев населения, что придает мощный толчок общественным трансформациям.

В то же время в отдельных странах подъем популизма и национализма начинает оказывать влияние на политику и дипломатию. В Европе можно наблюдать непрерывное укрепление ультраправых в Италии. В Латинской Америке последователь “трампизма” занял пост президента Бразилии. С точки зрения исследователей мировой политики это тревожная тенденция.

Другим последствием цифровой эпохи становится фрагментация общества. В результате информационного взрыва в мире Интернета аудитория непрерывно получает огромный поток сведений, который она не в состоянии освоить и потому теряет к нему интерес. На этой основе возник “парадокс изобилия” (*paradox of plenty*) [7]. Интернет-пользователи предпочитают видеть и слышать информацию, соответствующую их собственным предпочтениям. По этой причине различные медиа-источники конкурируют друг с другом, оттачивая свои алгоритмы выбора для предоставления информации с высокой степенью адресной направленности. Даже фальшивые новости могут выглядеть убедительно, если они исходят от “хороших друзей” в Интернете.

Массовое движение “желтых жилетов” во Франции отразило ситуацию, в которой разные слои общества следуют лишь своим собственным воззрениям. Люди получают новости и обмениваются информацией внутри своей группы, что естественно ведет к недостатку коммуникации и взаимному непониманию. Когда спикер Палаты представителей США говорит, что желает видеть не импичмент Трампа, а его тюремное заключение, поляризация американского общества очевидна всем.

Популистские националистические партии и политики, стоят они у власти или находятся в оппозиции, являются естественным порождением роста осознания собственных прав рабочим классом, пострадавшим от негативных последствий глобализации и интернет-революции. В будущем это осознание способно превратиться в источник глобального распространения популистского национализма. Возникнет ли длительный период неопределенности на переходном этапе от распада глобальной системы до ее замены? Это будет напрямую зависеть от степени развития популизма и национализма.

Человечество пережило две “сетевые” революции. Первая привела к распространению в Европе новых идей после изобретения Гутенбергом в 1440-х годах печатного станка с наборным шрифтом. Второй стала революция повышения взаимосвязанности человечества

в 1970-х годах после изобретения компьютера и появления Интернета. В “Площади и башне” [8] Найл Фергюсон пришел к выводу, что победа на выборах Дональда Трампа, подъем ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации. – **Прим. переводчика**) и глобальный финансово-экономический кризис 2008 г., подобно Великой французской революции, Американской революции и движению церковной Реформации, произошли в периоды расширения “сетей”. Превращение связей в сеть грозит миру анархией.

СЛОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Демографические изменения можно разделить на возрастные и этнические. Во всех крупных развитых странах в различной степени происходит старение населения, особенно в Японии и Европе. Сходная тенденция начинает давать о себе знать и в некоторых растущих экономиках, включая Китай. Вместе со старением населения обострились проблемы устойчивости системы социального обеспечения, макроэкономической политики государства, поддержания баланса между сбережениями и инвестициями, политических взглядов и электоральной активности пожилых людей.

Одновременно многие развивающиеся страны сталкиваются с проблемой увеличения доли молодежи. В Африке, на Ближнем Востоке и в Индии наблюдается демографический взрыв. В некоторых странах от 40 до 50% населения составляют люди моложе 25 лет, что неизбежно приводит к крайне высокой безработице среди молодежи. Быстрый рост населения может существенно ослабить социальную стабильность и повысить спрос на ресурсы.

Изменения в этнической или расовой структуре способны оказать прямое воздействие на социальную сплоченность страны, внутриполитическую стабильность и внешнюю политику. Согласно отчету, опубликованному в ноябре 2017 г. Исследовательским центром Пью (*Pew Research Center*) [9], число мусульман Евросоюза выросло с 19.5 млн в 2016 г. до 25.8 млн в 2017 г., что составляет 4.9% населения ЕС. В случае умеренных темпов роста миграции это соотношение увеличится до 11.2% в 2050 г. При высоких темпах роста миграции в 2050 г. мусульмане будут составлять 19.7% населения Германии.

Сегодня более половины рожденных в США детей не имеют европейских корней. К 2024 г. половина жителей страны в возрасте до 20 лет не будет относиться к белому населению. Учитывая эти статистические данные, нетрудно понять причину “мусульманского запрета”, который Д. Трамп пытался навязать вскоре после своего прихода к власти, и его приверженности планам строительства стены, способной оградить США от наплыва мигрантов из Мексики.

Естественным результатом изменения этнической структуры населения является укрепление этнической идентичности. Эрик Дж. Хобсбаум, автор книги “Нации и национализм”, указывал, что одна из основных характеристик групповой или этнической идентичности состоит в том, чтобы определить, кто является “жертвами”, а кто – “злодеями”. Злодеи – это те, кому следует отвечать за “наши” страдания. “Они” вызывают тоску, разочарование, беспокойство и чувство утраты. “Они” не принадлежат к “нашей” группе, “они” – чужие, и поэтому – “наши” враги [10].

Меньшинства, которые находятся в постоянном конфликте с окружением, склонны отвергать добрую волю и терпимость к другим группам. Возможно, часть политической мудрости иногда заключается в том, чтобы обеспечить наличие каких-либо врагов как единственной эффективной возможности объединения групп. Крайнее обострение этнической самобытности и конфликтности внутри одного государства и между государствами стали темой исследования “Столкновение цивилизаций и воссоздание мирового порядка” известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона [11].

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДОЛЛАРОВАЯ МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Новый импульс обрела диверсификация или “дедолларизация” международной валютной системы. Это явление привлекает в последние годы широкое внимание. По рыночному курсу масштаб экономики США оставляет 22% мировой экономики, по паритету покупательной способности – 15%. Однако доля доллара в глобальных расчетах, резервах, ликвидности и финансовом капитале превышает 50%. Профессор Джеффри Сакс отмечает в статье “Политика Трампа вытеснит доллар”, что США получают много преимуществ от доминирующей роли доллара в качестве резервной валюты [12]. Они могут собирать непомерные сеньоражные резервы в долларах, избегать валютного риска, легко продавать банковские услуги другим странам мира, минимизировать стоимость финансовых транзакций, влиять на ценообразование на товары и оказывать значительное влияние на политику других государств, особенно тех, где широко используют доллар.

Появление евро и возросшая роль китайского юаня после финансового кризиса 2008 г. открыли путь к многообразию в международной валютной системе. Решимость многих крупных экономик покончить с зависимостью от доллара была подкреплена торговыми войнами Трампа, растущим дефицитом бюджета США и использованием Вашингтоном основанной на долларе системы расчетов *SWIFT* для мониторинга глобальной финансовой деятельности и применения экономических санкций.

В 2018 г. Турция начала распродавать активы в долларах США. Иран объявил, что будет оценивать свою нефть в евро, а не в американской валюте. Россия уже осознала, что доллар стал рискованным инструментом для проведения международных операций, в торговле энергоресурсами и сырьем она стала увеличивать долю евро, рубля и даже юаня. Стабильно растет количество номинированных в юанях фьючерсов на нефть на Шанхайской международной энергетической бирже. Используя юань Китайская международная система межбанковских платежей (*China Interbank Payments System, CIPS*) уже вышла за первоначальные ограниченные рамки.

Реформы международной валютной системы являются постоянной темой на саммитах БРИКС. Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС и появление Нового банка развития БРИКС привлекли к себе внимание остального мира. На этом фоне пять стран вполне могут запустить собственную криптовалюту. Инструмент поддержки торговых бирж (*INSTEX*) также является важным новым достижением. Он был создан Великобританией, Францией и Германией для обеспечения торговли с Ираном, эти страны используют евро для обхода санкций США.

В статье “Экономическая война выбора Трампа” в конце 2018 г. бывший председатель управления активами *Goldman Sachs* и бывший министр финансов Великобритании Джим О'Нил написал: “В какой-то момент статусу доллара как глобального средства платежа и резервной валюты может быть брошен вызов” [13]. Направление развития международной валютной системы напрямую влияет на статус доллара в качестве одного из столпов гегемонии США. Система также важна для глобальной экономической стабильности и долгосрочного роста экономики, и она непосредственно связана с судьбой выпущенных технологическими гигантами цифровых валют наподобие *Libra*.

РАСПАД И РЕКОНСТРУКЦИЯ МНОГОСТОРОННЕЙ СИСТЕМЫ

Один из симптомов наступления “великой трансформации столетия” – распад и реформирование существующего многостороннего порядка. Администрация Трампа вышла из Парижского соглашения по климату, Транстихоокеанского партнерства и Совета ООН по правам человека. Она расторгла ядерное соглашение с Ираном и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности с Россией. Администрация США поставила вопрос о выходе из Всемирной торговой организации, выступала с резкими нападениями на НАТО и даже на ООН и ее структуры. Похоже, что Соединенные Штаты добровольно отказываются от послевоенного международного порядка, который они так тщательно выстраивали.

Некоторые эксперты полагают, что причинами распада миропорядка стали долгосрочный провал демократической политической системы США, который ведет страну к ослаблению, быстрый рост Китая и возрождение России. Однако с точки зрения господствующих в мире либеральных теорий, формирование международных альянсов служит важной опорой нынешних достижений США – но теперь им угрожают унилатерализм и протекционизм Трампа [14].

С экономической точки зрения, в краткосрочной и среднесрочной перспективе в торговой войне нет победителя, а по ее итогам проигрывают обе стороны. По этой причине некоторые аналитики называют поведение Трампа иррациональным. Однако его политика имеет свою внутреннюю логику. За последние 40 лет ВВП США на душу населения вырос более чем на 50 тыс. долл. Одним из основных факторов этого роста стало активное участие Китая в процессе глобализации, в котором доминируют развитые страны. Поддерживающей основой этого процесса была международная система, которую США тщательно разрабатывали и выстраивали после Второй мировой войны. Основной причиной отказа США от международного уклада, принесшего им огромные выгоды, является появление новой державы – Китая, воспринятое как угроза американскому глобальному доминированию.

Размер страны является уникальным и жизненно важным фактором в международном соперничестве. Крупные державы не только преследуют экономические интересы, но и стремятся к политическому превосходству. Принципиальное различие между политикой и экономикой заключается в том, что с экономической точки зрения участники игры могут найти вариант обретения общей выгоды, тогда как в политике преобладают соперничество и расхождения между конкурентами.

Обострение глобальных проблем выявило расширяющийся дефицит глобального управления, что свидетельствует об объективной и насущной необходимости значительного усовершенствования международного порядка. Согласно обновленной версии Красного списка Международного союза охраны природы 2018 г. [15], из 100 тыс. учтенных биологических видов более 28 тыс. находятся под угрозой исчезновения. Это 28% всех учтенных видов. С 1970 г. количество позвоночных на планете сократилось на 60%. Из-за чрезмерного вылова рыбы в Тихом океане сохранилось лишь 30% первоначальной популяции голубого тунца. Исследования также показали, что в настоящее время скорость исчезновения видов в 100–10 000 раз превышает норму.

Если на фоне этих небывалых проблем человечество откажется предпринимать коллективные действия и остановить массовое вымирание видов, тогда его собственное существование будет поставлено под угрозу из-за коллапса пищевой цепи. Именно здесь может крыться причина начала распада многостороннего порядка и непрерывного появления новых идей глобального управления. В качестве показательного примера строительства нового общего международного порядка можно воспринимать находящуюся в процессе институционализации китайскую инициативу “Пояса и пути”.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ УПАДОК АМЕРИКАНСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Чарльз Каломирис указывает, что финансовый кризис 2008 г. продемонстрировал, насколько окостенелой и в некотором смысле разрушительной стала система США [16]. Ее подверженность финансовым кризисам и дефицит кредитования не случайны, это порождение политической конкуренции и торга. Банковская система США сформировалась в результате политических сделок. Именно целями участников политического процесса определяется банковская политика от выдачи банковских лицензий и создания филиалов до распределения кредитов, модели надзора и межбанковских отношений.

Лоуренс Лессиг в книге *“America, Compromised”* называет тревожащим фактором не отдельные злоупотребления, а пособничество коррупции со стороны американских институтов в целом, что в конечном итоге чревато для страны угрожающими последствиями [17]. Он считает, что институциональное устройство финансовых, юридических, медицинских, научных учреждений и СМИ подвержено воздействию ошибочных стандартов и стимулов.

Они, в свою очередь, оказывают разлагающее влияние на другие отрасли. Проблема далеко не всегда кроется в эгоистичном поведении конкретных личностей.

Стивен Брилл утверждает, что Первая поправка к Конституции США позволила обеспеченным классам склонить чашу весов демократии в свою пользу. Справедливо ценимая приверженность Америки надлежащему процессуальному праву использовалась для того, чтобы помешать правительству обеспечить соблюдение правил безопасности труда, привлечь к ответственности корпоративных преступников и иным образом защитить незащищенных. Призванные укрепить демократию избирательные реформы ее подорвали. Искусный финансовый и правовой инжиниринг превратил экономику США из двигателя долгосрочного роста и общего процветания в казино с несколькими крупными победителями. Америка раскололась на два класса: защищенных и незащищенных. Защищенные превзошли по силе, подмяли под себя и парализовали правительство. Незащищенные были отброшены еще дальше, явка избирателей и уважение к основным институтам, в особенности к правительству, стали самыми низкими за полвека. Исследователь признал, что для тридцатилетних американцев шансы зарабатывать больше своих родителей сократились до 50% по сравнению с 90% сорок лет тому назад [18].

Непотизм распространен в США шире, чем мы думаем. *The Economist* поведал, что возможность стать губернатором у сына губернатора штата в 600 раз больше, чем у среднестатистического бэби-бумера, а сын сенатора становится сенатором в 8500 чаще чем обычный человек [19].

Многое свидетельствует о том, что США движутся по пути превращения в государство с высоким уровнем социального обеспечения. Подавляющее большинство американцев поддерживают увеличение расходов на эти цели. При введении всеобщего медицинского страхования бюджетные расходы США на социальные нужды составят 48% ВВП страны – практически на уровне Швеции, являющей пример европейского государства всеобщего благосостояния. Многие беспокоятся, что это приведет к неуклонному снижению потенциала экономического роста США. Несмотря на недавний рост ВВП в течение 122 месяцев подряд – побивший предыдущий рекорд, установленный в период с 1991 по 2001 гг. – за все это время американская экономика увеличилась на 25%. Это намного ниже совокупного роста в 43%, достигнутого за предшествующий период процветания.

РОСТ НАПРЯЖЕННОСТИ МЕЖДУ КРУПНЫМИ ДЕРЖАВАМИ: ОГРАНИЧЕНИЕ И ВСТРЕЧНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

“Политика силы” традиционно выражается в использовании крупными державами любых инструментов ради подавления соперника, иногда ценой принесения в жертву собственных интересов. Глубинные причины современных изменений можно свести к одной: Китай стремительно развивает свои высокотехнологичные отрасли. Китайско-американские отношения пока не достигли стадии новой холодной войны. Политика США в отношении Советского Союза в годы холодной войны сводилась к сдерживанию и изоляции. Америка максимально избегала торговых или общественных контактов с СССР и его союзниками, желая чтобы низкая эффективность привела СССР на путь саморазрушения.

В отношении Китая во времена холодной войны и последующий период США проводили политику вовлечения. Она была призвана втянуть Китай в руководимую США международную систему, заставить его взять на себя определенные обязательства и таким образом перестроить КНР. Ныне в США звучат призывы к размежеванию с Китаем и, в конечном итоге, к политике сдерживания. Однако это невозможно, потому что изоляция Китая потребовала бы скоординированных действий всех основных экономик мира при поддержке большого числа развивающихся стран. К тому же в этом нет необходимости, потому что угроза Китая для США и других развитых стран исходит из возможности обогнать их в высокотехнологичных секторах, а не из конкуренции на средних и низших уровнях производства. Суть политики Вашингтона в отношении Пекина заключается в том, чтобы продолжать пользоваться преимуществами китайских поставок на среднем и нижнем уровнях глобальных цепочек создания стоимости, не допуская того, чтобы Китай вырвался вперед в высокотехнологичном секторе, особенно

в цифровых технологиях. Эту фундаментальную политику в отношении КНР можно описать словом “ограничение” (кит. гуйсо 规锁, англ. *confinement*) [20].

Китайское слово состоит из двух иероглифов – “правила” (гуй) и “заккрытие” (со). Политика ограничения преследует две цели. Первая – использовать новый набор международных правил, чтобы установить рамки и пределы действий Китая в высокотехнологичных секторах. Вторая цель заключается в том, чтобы “запереть” Китай в глобальных цепочках поставок с низкой стоимостью, сохранив или даже расширив его технологическое отставание от США. Частое применение Вашингтоном американского внутреннего законодательства к своим торговым партнерам мотивировано главным образом тем, что многосторонняя система не может ограничивать Китай, как того хотели бы США.

Наиболее очевидным примером является “Специальный отчет 301”, опубликованный торговым представителем Соединенных Штатов в марте 2018 г. [21]. Этот документ полностью посвящен вопросам, связанным с пресловутыми проблемами кражи технологий, их принудительной передачи и защиты интеллектуальной собственности. Сходный замысел лежит в основании совместного заявления США, ЕС и Японии, призывающего к реформе правил ВТО и выдвигающего требования прозрачности со стороны правительства Китая в отношении субсидий. В сообщении *Bloomberg News* 26 мая 2019 г. было сказано, что “цифровой “железный занавес” заставит политических лидеров выбирать между Китаем и США” [22]. Иными словами, состязание между американской стратегией “ограничения” и китайской стратегией “сопротивления ограничению” стало современной формой “ловушки Фукидида”, и она уже оказывает влияние на международную ситуацию в целом.

ВИДЕТЬ НЕИЗМЕННОЕ В ПОТОКЕ ПЕРЕМЕН

Изменение всегда содержит в себе неизменное, в постоянстве содержатся семена перемен. Взрыв первой атомной бомбы стал поворотным моментом человеческой истории. В книге “Почему Запад господствует – пока еще” [23] Иэн Моррис отмечает, что ни великие люди, ни глупцы не могут изменить ее ход, им под силу лишь ускорить либо притормозить исторический процесс. Однако после 1945 г. политические лидеры смогли изменить историю. В прошлом последствиями людской ошибки могли быть упадок или распад общества. Теперь ошибка может привести к полной гибели человечества.

Со времени вступления планеты в ядерную эпоху ничего не изменилось. По оценкам Стокгольмского международного института исследований проблем мира (*SIPRI*), в мире сейчас насчитывается более 15 850 ядерных боеголовок [24]. У США и России их около 6550 и 6850 соответственно. Этого достаточно, чтобы десятикратно уничтожить все население планеты, которое продолжает жить в тени страха ядерной смерти. Ядерное оружие накладывает жесткий верхний предел на любой конфликт между США и Россией либо США и Китаем, потому что тотальная война между ядерными державами ничем не отличается от истребления.

Еще одна неизменная константа современного мира – это огромная степень взаимозависимости между странами и регионами. Эта взаимозависимость выражается в высоком уровне международной специализации и глубоких торговых связях, охватывающих весь мир. В статье “Пять мифов о глобализации” [25] Стивен Альтман предложил доказательства того, что глобализация, измеряемая потоками торговли, капитала, информации и людей, выросла до рекордно высокого уровня в 2017 г. Мир тесно связан в глобальных цепочках поставок и стоимости. Хотя “системные интеграторы” [26], занимающие самые высокие позиции в цепочке создания стоимости, по-прежнему сосредоточены в США, Европе и Японии, издержки разъединения между основными развитыми и развивающимися странами возросли до уровня, который мир себе позволить не может. Каждой стране получаемые от торговли выгоды помогают ослабить неизбежную внутреннюю общественную и политическую реакцию, сводя на нет антиглобалистские устремления.

В целом тенденция глобализации не прерывалась, но столкнулась с временными трудностями. Экономическая глобализация является важным этапом исторического процесса, она не всегда продвигается спокойно, плавно и по прямой линии. Процесс глобализации

неизбежно сопровождается ухабами и поворотами, к ним можно отнести проводимую администрацией Трампа политику унилатерализма, протекционизма и запугивания других стран.

ОГЛЯНУТЬСЯ НА ВЕЛИКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Через сто лет, когда историки оглянутся назад на нынешний период развития человечества, они, скорее всего, обобщат “вековые перемены” как “возрождение Востока в лице Китая и ответные меры на возрождение Востока со стороны с Запада во главе с США”. Китай и США – это две крупные державы. Одна стремительно растет, другая – с усталостью цепляется за статус сверхдержавы. Одна стремится обрести глобальное влияние, соответствующее ее мощи, другая совершенно не желает делиться властью с иными государствами. Одна придерживается древних политических и культурных традиций Востока, другая является продуктом западной цивилизации и христианского воспитания. Вполне естественно и нормально, что между этими державами есть расхождения, трения и даже – в определенной степени – столкновения.

Вместе с тем решение многих глобальных проблем в интересах всего человечества требует сотрудничества двух крупнейших государств мира в лице КНР и США. Они должны совместно взять на себя ответственность за поиски ответа на общемировые вызовы. Необходимая исходная предпосылка состоит в том, чтобы Китай и Соединенные Штаты нашли мудрость и смелость для того, чтобы во время борьбы решать возникающие между ними недоразумения, противоречия и конфликты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 坚持以新时代中国特色社会主义外交思想为指导 努力开创中国特色大国外交新局面”, 《人民日报》, 2018年6月24日, 第1版 [Guided by the Socialist Diplomatic Thought with Chinese Characteristics in the New Era, Strive to Create a New Situation for the Diplomacy among Major Powers with Chinese Characteristics. *People's Daily*, 24.06.2018 (In Chin.)]
2. 张宇燕: “跨越大国赶超陷阱”, 《世界经济与政治》, 2018年第1期, 第1页 [Zhang Yuyan. Overcoming the Thucydides' s Trap. *World Economic and Politics*, 2018, Iss. 1. P. 1. (In Chin.)]
3. Graham A. *Destined for War: Can America and China Escape the Thucydides' s Trap?* Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.
4. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail*. New York, Crown Publishers, 2012. 571 p.
5. Salisbury P. Autonomous Weapons and the New Laws of War. *The Economist*, 19.01.2019. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2019/01/19/autonomous-weapons-and-the-new-laws-of-war> (accessed 17.02.2020).
6. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 2019, vol. 44, no.1, pp. 42-79.
7. Nye J. American Soft Power in the Age of Trump. *Project Syndicate*, 06.05.2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/american-soft-power-decline-under-trump-by-joseph-s-nye-2019-05?barrier=accesspaylog> (accessed 17.02.2020).
8. Ferguson N. *The Square and Tower: Networks, Hierarchies and the Struggle for Global Power*. New York, Penguin Books, 2018. 573 p.
9. Hackett C. *5 Facts about the Muslim Population in Europe*. Pew Research Center, 29.11.2017. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (accessed 17.02.2020).
10. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality (Canto Classics)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 218 p.
11. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon and Schuster, 1996. 353 p.
12. Sachs J.D. Trump's Policies Will Displace the Dollar. *Project Syndicate*, 03.09.18. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-policies-undermining-the-dollar-by-jeffrey-d-sachs-2018-09?barrier=accesspaylog> (accessed 17.02.2020).
13. O'Neill J. Trump's Economic War of Choice. *The Gulf Times*, 15.12.2018. Available at: <https://www.gulf-times.com/story/617002/Trump-s-economic-war-of-choice> (accessed 17.02.2020).
14. Zakaria F. The Self-Destruction of American Power: Washington Squandered the Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, 2019, July/August, vol. 98, no. 4, pp. 10-16.
15. The IUCN Red List of Threatened Species. Available at: <https://www.iucnredlist.org> (accessed 17.02.2020).
16. Calomiris C., Haber S. *Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit*. Princeton University Press, 2014. 570 p.

17. Lessig L. *America, Compromised*. University of Chicago Press, 2018. 240 p.
18. Brill St. How Baby boomers Broke America. *The Times*, 28.05.2018. Available at: <https://time.com/5280446/baby-boomer-generation-america-steve-brill/> (accessed 17.02.2020).
19. Cover Story: "Dynasties: The Power of Families". *The Economist*, 18.04. 2015.
20. 张宇燕、冯维江：“从‘接触’到‘规锁’：美国对华战略意图及中美博弈的四种前景”，《清华金融评论》，2018年第7期，第24~25页 [Zhang Yuyan, Feng Weijiang. From Contact to Confinement: Four Prospects of the U.S. Strategic Intention towards China and the Bilateral Game. *Tsinghua Financial Review*, 2018, no. 7. (In Chin.)]
21. *China Section 301-Tariff Actions and Exclusion Process*. Office of the United States Trade Representative. Available at: <https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/section-301-investigations/tariff-actions> (accessed 17.02.2020).
22. Culpan T. The Tech Cold War has Begun. *Bloomberg*, 20.05.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-05-20/huawei-supply-freeze-points-to-u-s-china-tech-cold-war> (accessed 17.02.2020).
23. Morris I. *Why the West Rules--for Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. New York, Picador, 2011. 768 p.
24. *SIPRI Yearbook 2018*. Available at: <https://www.sipri.org/yearbook/2018> (accessed 17.02.2020).
25. Altman S. Five Myths about Globalization. *Washington Post*, 12.02.2019.
26. Nolan P. *Is China Buying the World?* Cambridge (UK), Malden (MA, USA), Polity Press, 2013. 120 p.

UNDERSTANDING THE "GREAT TRANSFORMATIONS OF A CENTURY"

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp.20-29)

Received 17.02.2020.

ZHANG Yuyan (yyzhang@cass.org.cn),

Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, 15th Floor, CASS Building, no. 5, Jianguomennei Dajie, Beijing 100732, P.R. China.

In 2018 President Xi Jinping made an important judgment on the current global situation, that is, the world is in a state of unprecedented change in a century. This judgment is the starting point for the author to analyze and grasp the complicated world at this stage, follow the trend of the times, make good use of development opportunities, and successfully respond to challenges. The understanding of the century-old change can be seen from the comparison of changes in the strength of the great powers, the far-reaching impact of scientific and technological progress and the numerous uncertainties, the general awakening of people's rights, the change in the population structure, the evolution of the international monetary system, the collapse and reconstruction of the multilateral system, the weakness of the US internal system and The Sino-US game has intensified in eight dimensions. In the context of a century of change, special attention should also be paid to those factors that have not changed significantly. It is these "changes" and "unchanged" that constitute the international environment for China's future development.

Keywords: China, USA, globalization, global competition.

About the author:

ZHANG Yuyan, Ph.D (Econ.), Academician of the Chinese Academy of Social Sciences, Director of the Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-20-29

НОВЫЕ “СИМПТОМЫ” СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В США ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БОРЬБЫ С COVID-19

© БОРИСОВА А.Р., 2020

БОРИСОВА Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312

Борисова А.Р. Новые “симптомы” системного кризиса в США через призму борьбы с COVID-19. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 30-41.

DOI: 10.20542/afij-2020-2-30-41

DOI: 10.20542/afij-2020-2-30-41

УДК: 323.2+338(73)

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.

В статье рассматриваются текущая политико-экономическая ситуация и меры противодействия коронавирусной инфекции в Соединенных Штатах. На примере анализа процесса принятия решения по Закону о чрезвычайной помощи и обеспечению экономической безопасности в борьбе с коронавирусной эпидемией (CARES Act), самого недемократического голосования в новейшей истории США, автор прогнозирует возможность политико-правовых, социальных, экономических и системных сдвигов в стране в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: США, коронавирус, COVID-19, CARES Act, системный кризис, процесс принятия политических решений, Д. Трамп, федерализм, прогнозные исследования.

На протяжении всего срока правления Д. Трампа Соединенные Штаты переживают нарастающий системный кризис, проявляющийся на всех уровнях организации политического процесса. Это и конфликт между властью и обществом, между бизнесом и политическими элитами, между президентом и законодательной властью, между партиями и даже между гражданами, поддерживающими будто бы две диаметрально противоположные “Америки”. Едва оправившись от изнуряющих расследований – Мюллера¹ “о связи с Россией” и по импичменту, инициированному палатой представителей Конгресса США, – и войдя в предвыборную гонку с неплохими шансами на победу, президент столкнулся с новым витком системного кризиса. Кризис был вызван неожиданной комбинацией падения цен на нефть – удара посланцевым компаниям вследствие выхода Саудовской Аравии и России из соглашения ОПЕК+ и вспышки коронавирусной инфекции (COVID-19), парализовавшей экономику всего мира, но что более важно – поднявшей вопросы глобального и экзистенциального характера, казалось бы, давно решенные.

В чем заключается роль современного государства и общественного договора, какова должна быть его доля в жизни граждан, какая политическая система наиболее эффективна в борьбе с кризисными явлениями, где заканчивается юрисдикция федерального правительства и начинается епархия региональной власти, произойдет ли возврат к социальному государству в рамках демократической системы и либеральных ценностей или же авторитарная модель снова займет свое место в умах политиков и экспертов как наиболее эффективная не только при решении кризисов, но и как способ эффективного управления обществом в мирное

¹ Роберт С. Мюллер III – бывший директор ФБР. 17 мая 2017 г. Министерство юстиции США назначило Мюллера на должность специального прокурора для расследования вмешательства России в президентские выборы США 2016 г.

время? И главное, является ли гражданская поддержка такой тенденции временным явлением, связанным с шоком и растерянностью масс, сопутствующим кризису, или же это закономерный “откат” после глобализации и либерализации последних 30 лет? Ответы на эти вопросы будут в значительной степени зависеть от реакции правительств ведущих стран на COVID-19 и аналогичные вызовы.

COVID-19 КАК ВЫЗОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ США

В любом кризисном явлении глобального масштаба, будь то угроза национальной безопасности после террористических атак 11 сентября 2001 г. или финансово-экономический кризис 2008 г., одним из главных и непредсказуемых элементов становится человеческий фактор, а именно – психология поведения индивида. Как и большинство государств, в которых COVID-19 распространился раньше чем в Соединенных Штатах, последние слишком долго не воспринимали угрозу всерьез, слишком поздно ввели ограничительные меры и как результат – вышли на первое место в мире по количеству зараженных, число которых постоянно росло, начиная с 21 января 2020 г., когда был официально зарегистрирован первый случай заболевания коронавирусом в США, и вплоть до середины апреля 2020 г. [1]

Первая реакция на шок среднестатистического человека – отрицание. Именно поэтому американцы, как и миллионы людей в других странах, восприняли призывы властей к самоизоляции не как необходимые меры по социальному дистанцированию и удаленной работе, а как внеочередные каникулы с возможностью устроить вечеринку или поехать за город. Это явление нормально. На микроуровне, чтобы начать адекватно воспринимать опасность, психике нужна адаптация. На макроуровне – для правительства США, и в особенности для руководителей ряда штатов – этого времени не хватило.

После начала эпидемии, сильнее всего поразившей самые густонаселенные штаты (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Калифорния), перед правительством встал ряд насущных проблем. Во-первых, экономическая: предотвратить резкое падение уровня жизни, в особенности беднейших слоев населения, по которым безработица бьет в первую очередь, не дать обанкротиться крупным отраслям, прежде всего в сфере услуг: туристическому, развлекательному секторам, перевозчикам, несущим потери от 35 до 80% в результате кризиса [2], малому бизнесу, а также не впасть в экономическую стагнацию на уровне страны.

Во-вторых, социальная проблема: обеспечить в условиях изначально неравного и чрезвычайно дорогого для американских граждан доступа к медицине справедливые условия оказания помощи в случае заражения коронавирусом; оснастить больницы и мобильные пункты медицинской помощи всем необходимым оборудованием и материалами во всех уголках страны; в срочном порядке перевести на “цифровые” рельсы систему медицинских консультаций, образования, оказать помощь школам, университетам, их учащимся, преподавателям, а также выпускникам, ищущим работу в “падающих” секторах экономики.

В-третьих, операционно-правовая проблема: обеспечить проведение мероприятий федерального значения, таких как голосование по законопроектам, выборы президента, включая первичные выборы, а также демократический конвент в условиях пандемии и повсеместного карантина.

В-четвертых, проблема федерализма: избежать традиционного “перетягивания одеяла” между федеральным центром и штатами, прежде всего при осуществлении общегосударственных мер по борьбе с коронавирусом, по введению или снятию самоизоляции, а также выделению финансовой и материальной помощи на места.

“АНАТОМИЯ” ЗАКОНА О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПОМОЩИ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПИДЕМИЕЙ

Антикризисный закон *Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) Act* [3], в результате принятия которого на борьбу с последствиями эпидемии выделена беспрецедентная сумма в 2.1 трлн долл., то есть около 10% ВВП США, был одобрен в рекордно короткие сроки обеими палатами Конгресса и подписан президентом Трампом 27 марта 2020 г.

Никогда за всю историю Соединенных Штатов, ни в один кризис правительство не выделяло столь большой объем средств для поддержания экономики страны. Даже предыдущая массивная государственная интервенция во время глобального финансово-экономического кризиса 2008 г., вызвавшая шквал обвинений о попрании принципов кейнсианства, насчитывала около 1.5 трлн долл. и предоставлялась в несколько этапов (при Дж. Буше мл. и при Б. Обаме).

Введенное Д. Трампом 13 марта 2020 г. чрезвычайное положение в соответствии с Законом Стэффорда от 1988 г. “О чрезвычайной помощи при бедствиях” предоставило федеральной исполнительной власти возможность выделения помощи штатам посредством исполнительных указов президента (которые не требуют одобрения Конгресса). Благодаря этим мерам штаты получали средства на закупку оборудования, оснащение больниц, оказание медпомощи малоимущим гражданам и другие действия чрезвычайного характера [4]. В условиях нехватки времени это стало залогом относительно низкой смертности от коронавирусной инфекции при очень высоких степени зараженности и плотности населения.

Экономический пакет мер по Закону *CARES*, единогласно принятый Конгрессом спустя всего несколько дней после объявления Трампом чрезвычайного положения, является не только беспрецедентным финансовым событием, но также переломным трендом во внутривнутриполитической ситуации в Америке, который продлится минимум до конца эпидемии. Речь идет об объединении политических элит перед лицом угрозы пандемии. Опасения в уже ставшей тенденцией недееспособности “разделенного” Конгресса, в котором нижняя палата принадлежит демократам, а Сенат контролируется республиканцами, не оправдались. Неожиданная консолидация вчерашних непримиримых врагов объясняется все тем же психологическим фактором.

Традиционно в США в условиях кризисов наблюдается повышение уровня сплоченности граждан и политических партий вокруг фигуры президента. Так было с Дж. Бушем мл. в 2001 г. – после терактов 11 сентября; так было с Б. Обамой в 2008 г. – на пике глобального финансово-экономического кризиса. Рост доверия к главе государства с началом эпидемии испытал на себе и идущий в этом году на переизбрание Д. Трамп (его рейтинг поднялся с 43 до 49%) [5]. Но если рейтинговые показатели – это краткосрочный тренд, удержать который до ноябрьских выборов действующему президенту вряд ли удастся, то объединение американского истеблишмента, для которого в последние годы единственным пунктом для поиска согласия оставалась Россия и ее якобы доказанное вмешательство в американские выборы в 2016 г., – это гораздо более серьезное и долгосрочное достижение.

Вопрос предвыборной гонки в ее традиционном понимании отходит на второй план: не столь важно, кого демократы назначат на роль кандидата в президенты, победа или поражение Трампа будет зависеть от его успехов в борьбе с пандемией. Вот почему огромные усилия федерального правительства были направлены прежде всего на стабилизацию экономической ситуации в США. Принятый 27 марта 2020 г. *CARES Act* предусматривает помощь по значительному количеству направлений, которые условно можно объединить в пять крупных категорий [6]:

1. физические лица и семьи (30%) – 603.7 млрд долл.;
2. крупный бизнес (25%) – 500 млрд долл.;
3. малый бизнес (19%) – 377 млрд долл.;
4. правительства штатов и местные власти (17%) – 340 млрд долл.;
5. государственные медицинские и социальные службы (9%) – 179.5 млрд долл.

Рассмотрим подробнее каждую из названных категорий.

Фонды для физических лиц

Для быстрого стимулирования экономики и платежеспособности населения правительство США решило использовать так называемые вертолетные деньги (англ. *helicopter money*) – прямые выплаты частным лицам и семьям с максимально упрощенной процедурой получения. Центральным элементом этого транша стал платеж в размере 1200 долл. каждому гражданину, который зарабатывал менее 75 тыс. долл. в год. Для лиц с более высоким доходом суммы выплат пропорционально уменьшались, чтобы в целом ежегодный доход не превысил 99 тыс. долл. Семьям также предполагалось дополнительно выделить 500 долл. за каждого ребенка младше 16 лет.

Данная часть средств предполагала еще три формы стимулирования: во-первых, выплаты по студенческим кредитам, полученным при содействии правительства, было решено приостановить до конца сентября 2020 г., проценты по ним также не начислялись. Во-вторых, заемщики с федеральным обеспечением кредитов получали отсрочку по ипотечным платежам на срок до шести месяцев. В-третьих, пособия по безработице, в том числе для фрилансеров, самозанятых и уволенных в связи с карантином сотрудников были увеличены и расширены.

Крупный бизнес

Этот компонент пакета государственной поддержки в период пандемии был направлен на стабилизацию системообразующих компаний в сильно пострадавших секторах: туризм, перевозки, развлечения, казино. Приоритетной отраслью для федерального правительства стали авиакомпании, коммерческие и грузовые. Для них и их подрядчиков было выделено около 58 млрд долл. При этом компаниям, получающим стимулирующие выплаты, запрещалось участвовать в выкупе акций на срок кредита плюс один год.

Одним из интересных пунктов транша явилось выделение 17 млрд долл. на "поддержание национальной безопасности". Хотя в этом положении закона не упоминалась какая-либо конкретная компания, основным получателем считается фирма *Boeing*. Согласно *CARES Act* контроль процесса восстановления отраслей возложен на генерального инспектора совместно со специальным комитетом. На момент подготовки данной статьи президент Трамп уволил уже двух генеральных инспекторов (из Разведуправления и из Министерства обороны), и должность ревизора по выполнению закона оставалась вакантной.

Малый бизнес

Чтобы ослабить нагрузку на небольшие компании Федеральное агентство по делам малого бизнеса (*US Small Business Administration, SBA*) получило 350 млрд долл. Дотации предназначались для предоставления займов соответствующим организациям в размере до 10 млн каждой. Эти средства могли быть использованы предприятиями малого бизнеса для таких операций, как оплата аренды или обеспечение сотрудников заработной платой во время проведения карантинных мер и самоизоляции в условиях пандемии *COVID-19*.

Кроме того, закон предусматривал выделение грантов в размере 10 млн долл. малым предприятиям, которые нуждаются в помощи для покрытия краткосрочных эксплуатационных расходов.

Правительства штатов и местные власти

Большая часть средств, 274 млрд долл. из 340 млрд долл., были выделены на прямой ответ *COVID-19* местных органов власти и штатов. Получатели сами должны были решить, каким образом ими распорядиться в зависимости от первостепенных потребностей.

Остальные средства в этом сегменте пошли на нужды школ, дошкольных учреждений и органов опеки.

Государственные медицинские и социальные службы

Большая часть этого транша, гранты в размере 100 млрд долл., выделена медицинским работникам. Лоббирование этих выплат было главной задачей групп влияния, представляющих отрасль здравоохранения. Основная их цель – восполнить потерянный

доход медиков, вызванный сосредоточением усилий медучреждений на борьбе со вспышкой коронавируса вместо плановых операций и других процедур. Также в рамках программы было предусмотрено 20%-ное увеличение выплаты по *Medicare*² за лечение пациентов с COVID-19.

Кроме того, денежные средства были направлены на такие неотложные нужды как: увеличение запасов и обеспечения доступности приборов ИВЛ, индивидуальных средств защиты – масок для лица, резиновых перчаток, респираторов и медицинских халатов (в том числе из хранилищ Национального стратегического резерва США³), на расширение охвата виртуальной медицинской помощи и на дополнительное финансирование Центра по контролю и профилактике заболеваний⁴. Помимо финансирования, связанного со здравоохранением, Закон CARES также коснулся программы продовольственной безопасности и длинного списка образовательных и социальных инициатив.

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ПО ЗАКОНУ CARES

С переходом подавляющей части населения США на режим самоизоляции экономическая ситуация в стране начала стремительно ухудшаться. Уже 16 марта торговая группа, представляющая американскую авиационную отрасль, запросила у правительства финансовую помощь на сумму 50 млрд долл. [7] 18 марта Национальная ассоциация ресторанов (основанная в 1919 г. бизнес-ассоциация, объединяющая более 380 тыс. заведений по стране) представила президенту и членам Конгресса свою оценку ущерба: продажи отрасли, по прогнозам ее представителей, сократятся на 225 млрд долл. в течение следующих трех месяцев, что приведет к потере от 5 до 7 млн рабочих мест. В связи с чем ассоциация запросила помощь на сумму 145 млрд долл. [8]

Потеря рабочих мест – рост количества которых являлся основным достижением первого срока правления Д. Трампа – стала главным вызовом национальной экономике. Дело в том, что на занятость гражданина США завязано куда большее количество факторов жизнеобеспечения, чем в других странах. Трудоустройство обеспечивает не только доход, возможность оплачивать кредиты, обучение детей и поддержку нормального уровня жизни, но прежде всего страховку, львиную долю которой покрывает работодатель. В отсутствие работы тяжелейшее бремя оплаты медицинских счетов ложится на домохозяйства, что в условиях пандемии недопустимо. Между тем к 21 марта почти 3.3 млн американцев подали заявки на пособие по безработице, а через месяц количество потерявших работу составило уже 22 млн человек [9]. Кроме того, по оценкам *Goldman Sachs* – одного из крупнейших в мире инвестиционных банков – падение ВВП США до конца 2020 г. составит 24% [10]. А *Deutsche Bank* предсказал сокращение экономики США во втором квартале 2020 г. на 12.9% [11]. Сочетание всех этих факторов указывало на необходимость срочного вливания денег в экономику.

Закон CARES был подготовлен на основе двух предыдущих “волн” государственной помощи: *Coronavirus 1.0* – Закон о готовности и ответе на угрозу коронавируса посредством дополнительных ассигнований [12] (от 6 марта), и *Coronavirus 2.0* – “Семья прежде всего” – Закон о реагировании на коронавирус [13] (от 14 марта). Согласно *Coronavirus 1.0* правительство выделило более 8 млрд долл. на дополнительное финансирование для федеральных агентств, органов власти штатов и других местных органов власти США, а также областных медицинских центров, в том числе на ряд мер, направленных на расширение доступа к телемедицине для пациентов по *Medicare* (лиц старше 65 лет), а *Coronavirus 2.0* включил в себя целевую помощь физическим лицам и семьям, в том числе оплачиваемый отпуск на время

² *Medicare* – национальная программа медицинского страхования в США для лиц от 65 лет и старше. Программа помогает оплачивать медицинское обслуживание, но покрывает лишь минимум расходов, что невыгодно как пациенту, так и медучреждениям. В обычной ситуации больной вправе в целях экономии отказаться от лечения под свою ответственность. Но в условиях эпидемии это невозможно. Поэтому возник вопрос о компенсации разницы затрат.

³ *Strategic National Stockpile* – сеть национальных хранилищ стратегических предметов медицинского назначения в США, расположенная на 12 засекреченных складах. С 1998 г. находился под ведомством СНБ США, с 2003 г. управляется Министерством обороны совместно с Министерством здравоохранения и социальных служб США.

⁴ *Center for Disease Control* – Федеральное агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США.

самоизоляции.

Голосование по *CARES Act* было хоть и стремительным, однако далеко не единогласным. Лоббистские усилия ряда компаний и даже целых сегментов рынка превратили изначальный план экономической помощи из 50 млрд в более чем 2 трлн долл. за считанные дни [14]. Кроме того, несмотря на единодушие, не обошлось и без традиционных столкновений республиканцев и демократов, контролирующих Сенат и палату представителей соответственно.

В частности, после внесения законопроекта на рассмотрение лидером сенатского большинства Митчем Макконнелом, спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси и лидер сенатского меньшинства Чак Шумер отмечали, что в большей степени билль направлен на поддержание крупных компаний, нежели простых граждан, а также критиковали республиканцев за то, что те не привлекли демократов к обсуждению законопроекта. Среди самих республиканцев также не наблюдалось единогласного принятия отдельных пунктов будущего закона. Например, Ричард Шелби, сенатор-республиканец от Алабамы, лидер Комитета по бюджетным ассигнованиям, критиковал предложение Трампа поддержать работающих американцев с ежегодным доходом ниже 75 тыс. долл. По его мнению, лучше было бы проводить материальную помощь для физических лиц через пособия по безработице. Дополнительную сложность голосованию прибавляла «увязка» законопроекта с налогом по *Obamacare*, отмененным палатой представителей еще в июле 2019 г.⁵ Конгрессмены наотрез отказывались проводить один спорный законопроект за счет другого.

Напряженность переговорного процесса по содержанию документа все более возрастала. Трижды демократы блокировали процедурное голосование 22 и 23 марта. Н. Пелоси даже заявила, будто Палата представителей готовит альтернативный документ, чем спровоцировала жесткую критику республиканцев в неспособности демократов даже в кризисной ситуации сплотиться и перестать «тянуть одеяло на себя». Между тем счет шел на дни. Соединенные Штаты входили в пик заболеваемости и смертности от *COVID-19*. Больницы не справлялись, индекс Доу Джонса падал, рынки лихорадило – в стране нарастала паника.

В результате текст *CARES Act* был в значительной мере модифицирован [15]. Самым же интересным прецедентом стало голосование, которое частично прошло в онлайн формате. В связи с режимом самоизоляции ряд конгрессменов не смогли или в последний момент отказались очно присутствовать на обсуждении законопроекта (сенаторы Рэнд Пол, Майк Ли, Митт Ромни, Кори Гарднер, Рик Скотт, Джон Тьюн). Кто-то уже находился на карантине с подтвержденным диагнозом коронавирусной инфекции, кто-то отбыл в другие регионы страны с семьей. Те же, кто остались на Капитолийском холме, должны были соблюсти строгие меры социального дистанцирования, чтобы не допустить распространения начавшего проникать в стены Конгресса *COVID-19*.

Несмотря на сопротивление ряда законодателей (в частности, республиканца от штата Кентуки Томаса Месса), повлекшее даже личное вмешательство президента Трампа [16], решение надлежало принять путем устного голосования. Такая процедура, в отличие от голосования по спискам, не требует кворума и обычно применяется к незначительным, не подразумевающим серьезных дебатов законопроектам, вроде согласования изменения названия какого-нибудь госучреждения и т.п. Сенаторы, которые не смогли участвовать в обсуждении и принятии окончательного решения по законопроекту лично, выражали свое мнение дистанционно, путем устного (по телефону) либо письменного заявления или его записи в видеоформате. Результатом политики самоизоляции стало анонимное трехчасовое обсуждение с последующим одобрением *CARES Act* в Сенате США без записи самого голосования, без подтверждения наличия кворума, 25 марта (96 голосами за в отсутствие голосов против) [17]. Таким образом, закон стал беспрецедентным не только по масштабу выделенной финансовой помощи и уровню консолидации республиканцев и демократов, но и по способу принятия. Никогда в истории США ни один кризис не решался столь недемократическим путем, как кризис, вызванный пандемией коронавирусной инфекции 2020 г.

⁵ «Налог на кадиллак» для граждан, приобретающих дорогие медицинские полисы, – 40%-ный налог на страховку, получаемую по месту работы, если она оценивается в 10 200 долл. на человека или в 27 500 долл. на семью.

Анонимность голосования, несомненно, подстегнула скорость принятия решения по выделению 2.1 трлн долл. финансовой помощи. Даже в ходе двух крупнейших в новейшей американской истории кризисов – во время процедуры голосования касательно вторжения в Ирак в 2003 г. и выкупа государством крупных компаний в 2009 г. – конгрессмены не могли позволить себе “роскоши” открыто выражать собственную позицию по социально резонансным вопросам. Публичность неосторожно высказанного мнения могла обернуться для них потерей голосов избирателей, поддержки союзников в правительственных кругах, а впоследствии и политической карьеры.

Анонимное голосование в данном случае избавило их от подобных опасений. 27 марта законопроект одобрила и палата представителей, в таком же анонимном формате устного голосования. Несколько часов спустя Трамп подписал Закон о чрезвычайной помощи и обеспечению экономической безопасности в борьбе с коронавирусной эпидемией. На церемонии подписания закона не присутствовал ни один демократ.

ПОСЛЕДСТВИЯ: БЕЗРАБОТИЦА, ВЫБОРЫ, ФЕДЕРАЛИЗМ

К концу апреля 2020 г. катастрофическая ситуация с заболеваемостью в США начала постепенно выравниваться. На смену панике и сплоченности общества вокруг харизматичного Д. Трампа стало приходить обсуждение вопросов посткризисного развития: что будет со страной, людьми, экономикой, когда карантин закончится? Как изменится социальная организация общества, здравоохранение, политическая система, наконец, психология индивидов? Рейтинги президента снова начали опускаться (к 44.1%) [5].

Хотя последствия глобальной эпидемии пока только предстоит оценить, большинство экспертов сходятся в одном – они будут едва ли не более долгосрочными и трансформационными для общества, чем сама пандемия.

Соединенные Штаты ожидает так называемый экономический лимб. Он связан с двумя сопряженными факторами: социальным и экономическим. Социальный заключается в привычке к дистанцированию, которая неизбежно выработается у людей к окончанию карантина. Эта привычка, как отложенный психологический эффект, заставит большинство еще некоторое время избегать мест массового скопления. Речь идет не только об общественном транспорте, авиаперелетах и культурно-массовых мероприятиях, но даже о походах в ресторан и по магазинам. Такой эффект непременно отразится на экономике, особенно сильно ударив по малому бизнесу. Уже сегодня, несмотря на беспрецедентные суммы, выделяемые правительством для помощи пострадавшим отраслям, подсчеты показывают, что ассигнований не хватает на поддержку более 30 млн предприятий малого бизнеса, зарегистрированных в США. Объяснимое нежелание людей возвращаться к “привычному” образу жизни дольше, чем того требуют карантинные меры, усугубит положение предпринимателей, несмотря на планы правительства принять закон *Coronavirus 4.0*, по которому будет выделен четвертый транш финансовой помощи по борьбе с последствиями COVID-19.

На момент карантина без работы остались или зарегистрировали частичную занятость 22 млн американцев (6.7% населения). К концу года, учитывая отложенный психологический эффект от самоизоляции, уровень безработицы может достигнуть 15%, самого высокого показателя со времен Великой депрессии (24.9% населения) [9]. Это означает, что как минимум каждый десятый американец окажется нетрудоустроен. Такие цифры наблюдались только на пике рецессии во время глобального финансово-экономического кризиса, в 2009 г., и этот 10%-ный показатель удалось преодолеть лишь к 2016 г.

Для Трампа данный прогноз крайне неблагоприятен, поскольку одним из главных достижений первого срока своего правления президент называл рекордно низкую безработицу. Хотя структура безработицы, вызванная режимом самоизоляции, значительно отличается от естественного цикла, который формируется годами и преодолеть который значительно труднее, неясно, как бизнес переживет карантин и сколько времени займет преодоление других экономических и психологических последствий COVID-19.

С этим, в частности, связано стремление Трампа поскорее “запустить” национальную экономику, несмотря на жесткую критику и сопротивление как медиков, так и его политических оппонентов. Потенциально его инициативы могут привести к новой вспышке заболеваемости.

Помимо экономического кризиса, в Соединенных Штатах, пусть и в экстремальных условиях, полным ходом идет предвыборная гонка. Выборы президента впервые в истории страны проходят в период сразу и экономического упадка, и пандемии. Похожая ситуация наблюдалась в США только в 1918 г., но тогда выборы были промежуточными. Вероятным кандидатом от Демократической партии считается бывший вице-президент, 77-летний центрист Джо Байден, которого уже поддержали экс-президент Б. Обама, а также недавние соперники по гонке, демократы-социалисты Б. Сандерс и Э. Уоррен.

Козырем Байдена на грядущих выборах может стать его предшествующий политический опыт, в отличие от Трампа, чьим главным аргументом в 2016 г. было отсутствие такового. Байден в своей риторике основывается на предположении, что американский избиратель в условиях кризиса не захочет рисковать, снова выбирая миллионера-бизнесмена прежде всего потому, что политические задачи, стоящие сегодня перед страной, сильно изменились. Он же, Байден, обладающий опытом борьбы с вирусами Эболы и H1N1 (“свиным гриппом”) и преодоления финансово-экономического кризиса 2008 г., как нельзя лучше подойдет на роль “антикризисного” президента.

Помимо этого, демократы обвиняют Трампа в изначально недостаточно серьезном отношении к эпидемии [18]. В частности, в том, что в январе, получив первые расчеты экспертов – результаты симуляций департамента Министерства здравоохранения и социальных служб⁶ о готовности Соединенных Штатов к пандемии, и доклада сенатора Ричарда Бера, главы Комитета по разведке, о необходимости для бизнеса быть готовым к началу эпидемии, Трамп проигнорировал серьезность этих заявлений. А двумя годами ранее, в 2018 г. была распущена команда по Всемирной охране здоровья⁷, возглавляемая контр-адмиралом Тимоти Зиммером, покинувшим Совет национальной безопасности США в связи с кадровыми перестановками в администрации Трампа. Экспертиза, доведенная до сведения президента, констатировала неготовность Соединенных Штатов к глобальной пандемии или биологической атаке противника.

Кроме того, президент был больше обеспокоен экономической сделкой с Китаем, чем необходимостью изолировать американское общество от угрозы заражения. Трамп публично одобрял действия Си Цзиньпина по борьбе с пандемией, вопреки развернувшейся антикитайской информационной кампании, главным тезисом которой стал факт якобы заражения китайцами COVID-19 всего мира, а также фальсификация данных о заболевших и смертельных исходах в Поднебесной.

Вследствие этих нападок Трамп не только потерял с трудом набранный рейтинг одобрения в почти 50% избирателей, но и “неопределившиеся” штаты (Аризону, Флориду и Мичиган), от которых во многом зависит исход президентских выборов. Однако на его стороне статус и полномочия президента, позволяющие ему проводить чуть ли не ежедневные брифинги по мерам борьбы с коронавирусной инфекцией, благодаря которым Трамп поддерживает устойчивую связь с прессой и электоратом, в то время как Байден ведет свою кампанию в карантине, из далекого Делавера, сенатором которого являлся. Также в распоряжении Трампа весь финансовый ресурс страны, поддержка Сената, возможность использования налоговых стимулов для обеспечения граждан и бизнеса, лучшие аналитики и бизнес-стратегии Америки.

В связи с обвинениями президента в недостаточно оперативной реакции администрации на угрозу COVID-19, в частности, недостаточном обеспечении больниц необходимым оборудованием, проведении малого числа тестов, промедлении при объявлении ЧП, в США остро встала проблема федерализма и ответственности власти за

⁶ United States Department of Health and Human Services – федеральный департамент США, отвечающий за охрану здоровья граждан.

⁷ Global Health Security (National Security Council) – команда в составе СНБ США (распущена в 2018 г.).

сложившуюся ситуацию. Явление это отнюдь не новое, сопровождающее американское государство с момента его создания, и сознательно заложенное в механизм управления отцами-основателями [19]. Однако проявляющееся в кризисные периоды противоборство федерального центра и штатов всякий раз заканчивается новым интересным витком развития государственности в США. Это по сути поднимает извечный вопрос о пределе президентских полномочий, показывая, что даже в ситуации кризиса глава государства не имеет инструментов единоличного влияния на принятие решений на уровне властей штатов, кроме как финансовых и налоговых стимулов, приведение которых в действие требует, как правило, одобрения Конгресса.

Это подтверждает и нынешний кризис. Сначала Трамп не мог убедить некоторых губернаторов ввести режим самоизоляции, после чего горячие дебаты разгорелись вокруг даты отмены карантина, на которую президент, по мнению властей штатов, не имеет права влиять по Конституции. В преддверии выборов Трамп пробует различные тактики. Вначале он пытался в ультимативном ключе заставить губернаторов действовать согласованно в фарватере политики федерального центра, затем заявил об автономности штатов и их ответственности за введение и снятие режима самоизоляции и возвращение людей на рабочие места. Но есть у этой автономности и обратная сторона, ярко проявившая себя в условиях нехватки оборудования и материалов для снабжения региональных больниц – порядок финансирования, замкнутый во многих аспектах на федеральный центр.

Скандал разразился в начале апреля, когда главный советник Трампа и по совместительству зять президента Джаред Кушнер заявил, что запасы Национального стратегического резерва США являются федеральной собственностью и не обязаны предоставляться штатам по первому требованию, так как предполагается, что штаты сами создают свои резервы медоборудования и других запасов на случай чрезвычайного положения [20]. В сложившейся трагической ситуации с нехваткой в американских больницах аппаратов ИВЛ и средств барьерной защиты заявление прозвучало особенно неожиданно, поскольку в прошлом федеральный центр не раз оказывал помощь штатам из Национального стратегического резерва, последний раз уже при Трампе в 2017 г., после разрушений, вызванных ураганом Харви.

На следующий день Трамп опроверг такое заявление своего зятя, но проблема не потеряла актуальности: в сложной бюрократической системе США, со множеством пересекающихся функций министерств и ведомств, администрации понадобилось несколько недель на то, чтобы понять, какой комитет отвечает за цепочки поставок медицинского оборудования, продовольственных товаров и продуктов первой необходимости, почему возник дефицит и как быстро его восполнить. Путаница начала разрешаться только к 18 марта, когда Федеральное агентство по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (*Federal Emergency Management Agency, FEMA*) взяло на себя обязанности по координации поставок. Однако к тому времени ситуация с зараженными уже вышла из-под контроля.

География распространения коронавирусной инфекции также связана с проблемой федерализма и двухпартийного противостояния. Хотя изначально демократический электорат представлял собой рабочий класс, а республиканский – городской зажиточный, с течением времени роли поменялись. Сегодня демократические избиратели – не только меньшинства, но и либеральные, высокообразованные американцы, интеллектуальная элита и молодежь, проживающая в городах, в то время как электорат республиканцев – это не только богатая прослойка политиков и бизнесменов, но и белые американцы из среднего и рабочего класса, проживающие в глубине страны. Таким образом получилось, что распространение *COVID-19* затронуло сначала демократов, а затем уже республиканцев: в то время, как крупные города спешно запустили меры по самоизоляции, в глубинке продолжал функционировать бизнес, дети посещали школу, а социальное дистанцирование воспринималась как мера необязательная и даже надуманная [21]. Тогда и возникла идея делегировать полномочия по объявлению карантина по нисходящей. Трамп рассудил, что коль скоро губернаторы так сопротивляются его прямому указу, необходимо возложить эту ответственность, вкупе с ответственностью за падение экономики в штатах и, заодно, за количество смертей, на сами местные власти. Причем такая модель “опустилась” дальше на все остальные уровни – в графства, области, города.

По мере того как Соединенные Штаты достигают плато по заболеваемости, рождается обратная проблема: как снять карантинные меры максимально безопасно для общества, избегая новой эпидемической волны? Среди инструментов Трампа, подрывающих власть штатов, – твит-призывы к протесту и бойкотированию мер социальной изоляции. Это уникальный случай, когда действующий президент призывает своих граждан выйти на улицы против местных властей. Демонстрации уже прошли в Миннесоте, Огайо, Нью-Йорке, Вирджинии, Мичигане и Пенсильвании [22].

Одной из уже тестируемых менее радикальных мер могло бы стать создание “дружины” для отслеживания контактов вновь зараженных граждан. Пока федеральный центр не спешит анонсировать такие действия на государственном уровне. По подсчетам специалистов, даже после снятия карантина, для определения контактов и изоляции новых заболевших понадобится порядка 300 тыс. человек. Однако некоторые штаты действуют на опережение: например, Мичиган одним из первых основал такую “дружину”. Ее участники, после прохождения специального тренинга, предположительно смогут отслеживать до 20 тыс. контактов в день путем телефонных звонков. Штаты Юта и Сан-Франциско также привлекают граждан к подобной волонтерской работе.

Наконец, особую остроту обретает вопрос о социальной ответственности. С точки зрения психологии, американские горожане более склонны причислять себя к глобальному пространству и бережнее относиться к окружающим, в то время как жители американской глубинки, как правило, сосуществуют в более тесных социальных общностях. Иными словами, они могут позаботиться о здоровье своей семьи и ближайшего окружения, но не станут действовать в ущерб себе ради абстрактных сограждан. Поэтому по мере распространения COVID-19 в пригороды – где не столь развита система здравоохранения, не все граждане имеют страховку или привыкли обращаться к врачу, не хватает социальной ответственности для добровольного прохождения теста на наличие заболевания и соблюдения затем мер самоизоляции – Америку, вероятно, ждет следующая вспышка эпидемии с высоким коэффициентом смертности. В этой ситуации основной удар придется как раз на электорат Трампа в финальный период голосования, что, весьма вероятно, может обеспечить победу его основному сопернику.

Все описанные тенденции, возникшие в связи с эпидемией COVID-19, способны изменить лицо Соединенных Штатов не в ходе десятилетий, как это представлялось совсем недавно, а в течение нескольких месяцев. Одним из первых, вероятно, будет поднят вопрос о демократичности американской политической системы, которая и так подвергалась сомнению во все времена, но сегодня ее двойственная природа стала заметна особенно сильно. Если допустить, что правительство может анонимно и практически безотчетно принять решение о выделении суммы в более чем 2 трлн долл. на свое усмотрение, то возникает вопрос, почему в таком же или похожем формате нельзя провести президентские выборы в условиях кризиса, избегая вероятно фатального для Трампа географического партийного разделения? И где в таком случае здесь место “смотрящего за властью”, прозрачность и подотчетность политической системы, принцип сдержек и противовесов, свободы волеизъявления граждан – основ американской государственности? Если допустить, что в Соединенных Штатах происходит обусловленный механизмами развития государства отход от демократии и принципов общественного договора, встает другой вопрос – о социальном устройстве. Он касается не только адекватной существующим нуждам системы здравоохранения и страхования граждан, недостатки которых были наглядно продемонстрированы в ходе эпидемии COVID-19. Дело в принципиально новом технологическом витке, вход в который повлияет на принципы сбора и организации больших объемов данных в масштабах страны, на их использование правительством с целью воздействия на собственное население. То есть речь идет об основе основ американской нации – обеспечении ее прав и свобод.

Наконец, третий фундаментальный вопрос. Какое место займет Америка “с новым лицом”, после окончания эпидемии, в мире: будут ли перераспределены экономические мощности в пользу Азиатского региона, как это повлияет на глобальное управление, институты и систему

связей между союзниками, выстроенную Соединенными Штатами после окончания холодной войны, появятся ли новые центры силы в мире, какой внутри и внешнеполитический курс в связи с этим изберет новая администрация в 2021 г.?

Представляется, что именно научное сообщество будет искать ответы на эти, а также множество других вопросов, поднятых глобальной пандемией COVID-19 и ее последствиями. Пока же ясно одно, мы стоим на пороге глобальных перемен, смысл и последствия которых человечеству еще только предстоит осознать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). Available at: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html?fbclid=IwAR1ckXsPxSCMNbb8UzqlrGtGYhjiVGmIJht4LiCotFfHwQ6w-vbE54Fl4s#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (accessed 20.04.2020).
2. Neufeld D. The Hardest Hit Companies of the COVID-19 Downturn: The 'BEACH' Stocks. *Visual Capitalist*, 25.03.2020. Available at: <https://www.visualcapitalist.com/covid-19-downturn-beach-stocks/> (accessed 10.04.2020).
3. Public Law No: 116-136. Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act or the CARES Act by the 116th Congress of the United States. *Congress.gov*, 03.27.2020. Available at: <https://www.congress.gov/bills/116th-congress/house-bill/748> (accessed 03.04.2020).
4. Журавлева В.Ю. Избирательная кампания в условиях чрезвычайного положения. ИМЭМО РАН, 19.03.2020 [Zhuravleva V.Yu. Izbiratel' naya kampaniya v usloviyakh chrezvychainogo polozheniya [Presidential Election Campaign in a State of Emergency]. ИМЭМО РАН, 19.03.2020]. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/izbiratelynaya-kampaniya-v-usloviyah-chrezvichaynogo-polozheniya?ret=1101&specrub=5634> (accessed 20.03.2020).
5. How Unpopular is Donald Trump? *FiveThirtyEight Rating Calculator*. Available at: <https://projects.fivethirtyeight.com/trump-approval-ratings/> (accessed 20.04.2020).
6. Routley N. The Anatomy of the \$2 Trillion COVID-19 Stimulus Bill. *Visual Capitalist*, 30.03.2020. Available at: <https://www.visualcapitalist.com/the-anatomy-of-the-2-trillion-covid-19-stimulus-bill/> (accessed 10.04.2020).
7. Wallace G., Mattingly P., Atwood K., Isidore C. US Airline Industry Seeks about \$50 Billion in Federal Help. *CNN*, 17.03.2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/03/16/business/us-airlines-federal-bailout/index.html> (accessed 19.04.2020).
8. Gangitano A. Restaurant Industry Estimates \$225B in Losses from Coronavirus. *The Hill*, 18.03.2020. Available at: <https://thehill.com/business-a-lobbying/business-a-lobbying/488223-restaurant-industry-estimates-225b-in-losses-from> (accessed 10.04.2020).
9. Desjardins J. These Charts Put the Historic U.S. Job Losses in Perspective. *Visual Capitalist*, 17.04.2020. Available at: <https://www.visualcapitalist.com/charts-historic-u-s-job-losses-perspective/> (accessed 19.04.2020).
10. Reinicke C. Goldman Sachs Now Says US GDP Will Shrink 24% Next Quarter Amid the Coronavirus Pandemic – Which Would Be 2.5 Times Bigger than Any Decline in History. *Markets Insider*, 20.03.2020. Available at: https://markets.businessinsider.com/news/stocks/us-gdp-drop-record-2q-amid-coronavirus-recession-goldman-sachs-2020-3-1029018308?utm_source=msn.com&utm_medium=referral&utm_content=msn-slideshow&utm_campaign=bodyurl (accessed 10.04.2020).
11. Winck B. The Worst Global Recession Since World War II: Deutsche Bank Just Unveiled a Bleak New Forecast as the Coronavirus Rocks Economies Worldwide. *Markets Insider*, 19.03.2020. Available at: https://markets.businessinsider.com/news/stocks/coronavirus-recession-worst-wwii-economic-recovery-global-deutsche-bank-2020-3-1029012757?utm_source=msn.com&utm_medium=referral&utm_content=msn-slideshow&utm_campaign=bodyurl (accessed 11.04.2020).
12. Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act. Available at: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ123/PLAW-116publ123.pdf> (accessed 09.04.2020).
13. Families First Coronavirus Response Act. Available at: <https://www.congress.gov/116/bills/hr6201/BILLS-116hr6201enr.pdf> (accessed 09.04.2020).
14. Werner E., DeBonis M., Kane P. Senate Approves \$2.2 Trillion Coronavirus Bill Aimed at Slowing Economic Free Fall. *The Washington Post*, 26.03.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/business/2020/03/25/trump-senate-coronavirus-economic-stimulus-2-trillion/?utm_campaign=wp_the_5_minute_fix&utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_fix (accessed 01.04.2020).
15. Covington Team. The CARES Act: What You Need to Know. *Global Policy Watch*, 30.03.20. Available at: <https://www.globalpolicywatch.com/2020/03/the-cares-act-what-you-need-to-know/> (accessed 02.04.2020).
16. Trump D.J. Twitter Account, 27.03.2020. Available at: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1243534441772974081?lang=en> (accessed 05.04.2020).
17. Fang L., Chávez A. It's a Scandal That We Don't Know Who Supported the Coronavirus Bailout. Help Us Find Out. *The Intercept*, 09.04.2020. Available at: <https://theintercept.com/2020/04/09/coronavirus-stimulus-package-congress-vote/> (accessed 15.04.2020).
18. Schoen D. President Trump and Republicans Could Face Trouble this November. *The Hill*, 04.19.20. Available at: <https://thehill.com/opinion/campaign/493560-president-trump-and-republicans-could-face-trouble-this-november> (accessed 11.04.2020).

19. Журавлева В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие Президента и Конгресса США. Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 163 с. [Zhuravleva V.Yu. Peretyagivanie kanata vlasti: vzaimodeistvie Prezidenta i Kongressa SSHA [American Presidents and Congress in Tug-of-War for Power]. Moscow, IMEMO RAN, 2011. 163 p.]
20. Forgey Q. Strategic National Stockpile Description Altered Online After Kushner's Remarks. *Politico*, 03.04.2020. Available at: <https://www.politico.com/news/2020/04/03/strategic-national-stockpile-description-altered-after-kushners-remarks-163181> (accessed 18.04.2020).
21. Rodden J. How America's Urban-Rural Divide Has Shaped the Pandemic. The High Cost of Geographic Political Polarization. *Foreign Affairs*, 18.04.2020. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-04-18/how-americas-urban-rural-divide-has-shaped-pandemic?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Don't%20Let%20Great%20Powers%20Carve%20Up%20the%20World&utm_content=20200420&utm_term=FA%20Today%20-%20112017 (accessed 20.04.2020).
22. Tucker E. Gun-Rights Activists Are Reportedly Masterminding Anti-Coronavirus Lockdown Protests. *The Daily Beast*, 20.04.2020. Available at: <https://www.thedailybeast.com/pro-gun-activists-reportedly-masterminding-anti-coronavirus-lockdown-protests> (accessed 20.04.2020).

**NEW "SYMPTOMS" OF THE US SYSTEMIC CRISIS THROUGH
THE PRISM OF THE COVID-19 RESPOND
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 30-41)**

Received 21.04.2020.

Aleksandra R. BORISOVA (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Throughout the entire period of D. J. Trump's presidency, the United States has been experiencing an unfolding systemic crisis at all levels of its political process organization. It includes a conflict between the government and American society, between US business and political elites, between the President and the legislature, between Democratic and Republican parties, and even among citizens supporting two diametrically opposed "Americas".

A new round of the systemic crisis marked the beginning of 2020. The crisis expressed in an unexpected combination of oil prices reduction - a blow to shale companies, due to the withdrawal of Saudi Arabia and Russia from the 'OPEC +' agreement and the outbreak of coronavirus infection (COVID-19), which paralyzed the world economy, but more importantly, raised theoretical existential questions that seemed to have been resolved long ago.

What is the role of the State and social contract in the modern world? To what extent should it interfere in the life of citizens? What political system is most effective in its response to a crisis? Where the jurisdiction of the federal government ends and the authority of regional powers begins? Will there be a return to socialism within the framework of a Western democratic system and liberal values, or the authoritarian model will take its place as the most effective in solving the crisis, and also as a way to effectively manage society in peacetime. And most importantly, whether civilian support for this trend is a temporary phenomenon related to the shock and confusion that usually accompany a crisis, or is it a natural "rollback" after a long-term globalization and liberalization trend of the last thirty years?

The article explores current situation with coronavirus respond in the United States, trying to predict its social, political and economic aftermaths. The author shows how rapidly the political life is changing on the Capitol Hill, using as an example a complicated decision-making process about CARES Act – the most undemocratic in the US modern history.

Keywords: USA, coronavirus, COVID-19, CARES Act, systemic crisis, political decision-making process, D. Trump, federalism, forecasting studies.

About the author:

Aleksandra R. BORISOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-30-41

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ НА РУБЕЖЕ
ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

© ПАНКОВА Л.В., ГУСАРОВА О.В., 2020

ПАНКОВА Людмила Владимировна, доктор экономических наук, заведующий Отделом военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (Lpankova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-3500-4741.

ГУСАРОВА Ольга Владимировна, научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (OlguSarova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5414-0365.

Панкова Л.В., Гусарова О.В. Военно-экономические сдвиги на рубеже третьего десятилетия XXI века. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 42-54.

DOI: 10.20542/afij-2020-2-42-54

DOI: 10.20542/afij-2020-2-42-54

УДК: 338.245

Статья поступила в редакцию 22.05.2020.

В статье обсуждаются актуальные вопросы современного мирового военно-экономического развития, многие из которых не имеют аналогов в прошлом. Выделяются наиболее важные проблемы, сдвиги и основные мегатенденции. Подчеркивается парадигмальность сдвигов в сфере военной экономики и взаимосвязь этих процессов с изменениями в области обеспечения безопасности на фоне динамичного инновационно-цифрового развития. Обсуждается тренд доминирования США в ресурсном обеспечении военно-экономической деятельности в ближайшее десятилетие при относительном ослаблении глобального лидерства и влияния США в мире.

Ключевые слова: военно-экономическая деятельность, военные расходы, НИОКР, инновационные прорывы, парадигмальные сдвиги, военно-экономические дисбалансы, риски, мировые индексы, прогноз, безопасность.

Тематика военно-экономического развития сегодня исключительно актуальна, многомерна и обширна. Более того, современная ситуация в сфере военно-экономической деятельности (ВЭД), по мнению большинства экспертов, не имеет аналогов в прошлом. В совокупности эти обстоятельства не позволяют сегодня детально ответить на многие важнейшие вопросы в данной области. Однако в повестке дня уже стоят задачи следующего уровня: оценки нарастающих тенденций и взаимосвязей военной экономики, новейших технологий, с одной стороны, и военной политики и политики безопасности, с другой, причем через призму динамичного инновационно-цифрового развития [1].

Основополагающий тезис данной статьи: парадигмальность сдвигов в военной экономике и в системе безопасности (как национальной, так и международной). Под парадигмой в военно-экономической науке понимается система исходных научных положений, которая в течение определенного исторического периода является моделью постановки и решения научных проблем [2]. Совокупность парадигмальных сдвигов в этих двух сферах – военная экономика и безопасность – требует особого внимания, так как, на

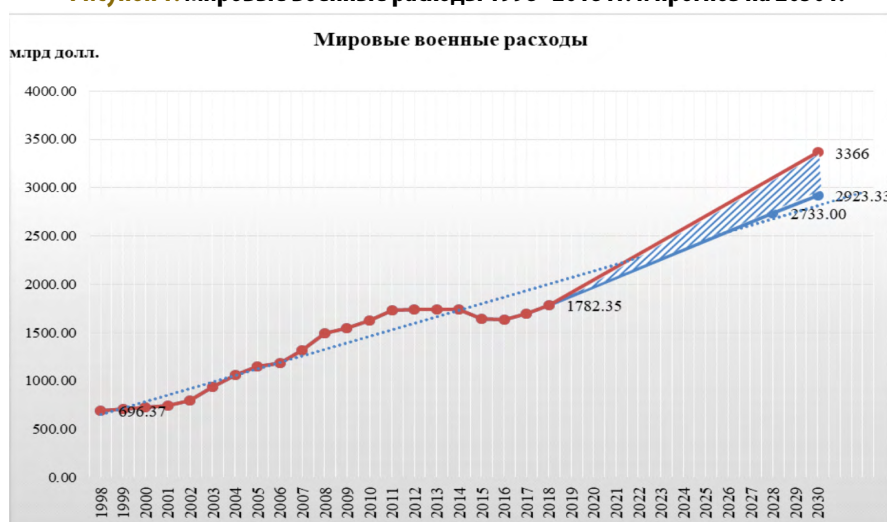
наш взгляд, ведет к новому качественному состоянию системы обеспечения глобальной безопасности. Центральным и первоочередным вопросом становится возможность использования и оценка влияния военной силы и военной мощи в системе обеспечения национальной и международной безопасности в новом десятилетии и в долгосрочной перспективе.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИРОВОГО ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Военная экономика – это важная составная часть глобальной системы хозяйствования. Хотя ее доля в мировой экономике составляет чуть больше двух процентов – 2.1% (по данным 2018 г.) [3, р. 9], тем не менее и сейчас, и на обозримый период (2030–2040 гг.) значение военно-экономической деятельности остается важным фактором обеспечения национальной безопасности во всех ее аспектах. Более того, объемы военных расходов, оборонные возможности и взаимосвязи являются важными категориями различных мировых рейтинговых исследований, сопоставляющих международное влияние той или иной страны, ее мощь и национальную силу, роль в международных организациях, регионах, альянсах и т.д. В частности, это индексы влияния (*Foreign Bilateral Influence Capacity Index, FBIC*), индексы военной мощи (*Global Fire Power Index, GFP*), глобальный индекс мощи (*Global Power Index, GPI*), Азиатский индекс мощи (*Asia Power Index*) и др. На протяжении последних десятилетий непрерывно усиливалась и укреплялась взаимосвязь экономики и безопасности. В новом столетии все чаще говорят уже о “конвергенции национальной безопасности и экономики” [4], более того, об ускорении этого процесса, “подогреваемого” экономическими взаимосвязями, высокой динамикой развития во многом разрушительных технологий, появлением новых сфер (доменов) вооруженного противостояния, таких как космос и киберпространство.

Известно неоднозначное отношение к военной экономике. Спектр взглядов по вопросу о том, является ли она локомотивом национальной экономики, достаточно широк. Однако какие бы времена не наступали, государства по-прежнему сталкиваются с необходимостью решать следующие проблемы: сколько ресурсов следует выделить на оборону, каким должен быть облик вооруженных сил, какой должна быть система их экономического обеспечения [5, с. 7]. Последние два десятилетия общемировые военные расходы неуклонно растут. Их объем, по данным на 2018 г., составил 1.782 трлн долл. США, что в 2.5 раза превышает показатель 1998 г., когда глобальные военные расходы достигли минимума после холодной войны (рис. 1).

Рисунок 1. Мировые военные расходы 1998–2018 гг. и прогноз на 2030 г.

Источник: график мировых военных расходов 1998–2018 гг. составлен авторами по данным [6; 7].

Прогноз на 2030 г. составлен авторами без учета влияния пандемии COVID-19:

- составлено на основе предположения о том, что доля расходов на оборону от ВВП страны первых 10 крупнейших военных экономик мира останется неизменной до 2030 г., а также доля этих стран в общемировых военных расходах останется на уровне 2018 г.;
- составлено на основе предположения о сохранении темпов роста военных расходов на уровне первого десятилетия текущего века;
- линия тренда — график аппроксимирующей функции, позволяющий спрогнозировать тенденцию.

Максимальный вклад в рост военных расходов вносят США, хотя в то же время их доля снизилась с половины мировых военных расходов в 2010 г. до 41% уже в 2011 г. Это было обусловлено принятием 11 августа 2011 г. Бюджетного контрольного акта (*Budget Control Act, BCA*) – закона о контроле над бюджетом, который закрепил решение о секвестре военного бюджета на период 2012–2021 гг. в виде поправок к законодательным актам *P.L.112-75, P.L.112-240 и P.L.113-67* [8]. Несмотря на рост военных расходов США с 2017 г., их доля в общемировых военных расходах продолжала падать, и с 2015 г. данный показатель остается на уровне 36%, что связано с увеличением военных бюджетов ряда стран, прежде всего – Китая.

Таблица 1. Изменения в глобальных бюджетах на оборонные НИОКР и в глобальных закупочных процессах (2014–2018 гг)

Страны	Изменения в глобальных бюджетах на НИОКР		Изменения в глобальных закупочных бюджетах	
Весь мир	+8%	8.4 млрд долл.	+16%	46.3 млрд долл.
Страны с высоким доходом на душу населения	+15%	1.3 млрд долл.	+43%	20.2 млрд долл.
в том числе США		0.2 млрд долл.		12.8 млрд долл.
Страны с низким доходом на душу населения	+85%	7.1 млрд долл.	+57%	26.1 млрд долл.
в том числе:				
Россия		1.5 млрд долл.		5.9 млрд долл.
Китай		3.9 млрд долл.		11.0 млрд долл.

Источник: составлено по данным [9; 10].

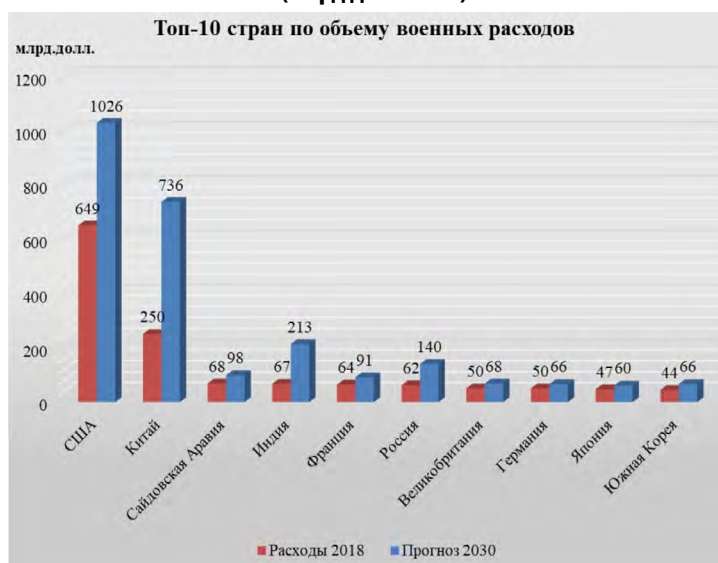
Данные табл. 1 показывают, что за 2014–2018 гг. соотношение между странами с низким уровнем дохода на душу населения (куда включены Россия и Китай) и странами с высоким уровнем дохода на душу населения относительно их вклада в рост глобальных расходов на исследования и разработки составил 85% / 15%. И эти данные не только свидетельствуют о важном тренде – возможном качественном сдвиге в географии исследовательского ландшафта, но и подкрепляют утверждения, что расходы на военные НИОКР в Китае могут превысить соответствующие расходы США в середине следующего десятилетия.

Несмотря на вышеизложенные факты, до сих пор доминирующие позиции в мировой военной экономике принадлежат США, далеко опережающими все другие страны по абсолютной величине военных расходов (рис. 2). Исключительно важно, что США являются безусловным лидером по такому важнейшему показателю инновационного характера обороны, как ассигнования на военные НИОКР: 75% мировых военных НИОКР на начало 2010-х годов [1]. Тенденция доминирования США в ресурсном обеспечении военно-экономической деятельности, согласно большинству исследований, сохранится и на перспективу, по крайней мере, до 2030 г. (рис. 2).

Расчеты на основании данных, представленных на рис. 2, говорят о том, что если в 2018 г. доля Соединенных Штатов в совокупных военных расходах США, Китая и России составляла 68%, то к 2030 г. она снизится до 54%. Интересно также отметить, что к 2030 г. совокупные военные расходы США и Японии (1.086 трлн долл.), подписавших договор о сотрудничестве в военной сфере, практически сравняются с аналогичными данными Китая, Индии и России (1.089 трлн долл.).

За последние три десятилетия в мировом военном секторе произошли радикальные изменения, которые определили его нынешнюю конфигурацию, алгоритмы развития и основные параметры. Одним из основополагающих драйверов развития явилось динамичное движение к инновационной экономике. Прежде всего, сюда относится первый инновационный, включая и военно-инновационный прорыв, который был совершен в США в последние два десятилетия прошлого века [1].

Рисунок 2. Военные расходы 10 крупнейших военных экономик мира в 2018 г. и прогноз на 2030 г.
(млрд долл. США)

Источник: [11].

В значительной степени основные составляющие этого прорыва (особенно в области создания кластеров критически важных двойных технологий, формирующих в рамках кардинальных изменений в законодательно-правовой базе инновационной деятельности фундамент синтеза военной и гражданской экономик) были скопированы другими странами мира, что привело «к определенной стандартизации в институциональной сфере инновационной деятельности (как в военном, так и в гражданском секторах национального хозяйства)» [12]. Этому в значительной степени содействовала глобализация сферы НИОКР, включая интенсивное развитие аутсорсинга исследований и разработок. Данные обстоятельства способствовали движению к смене парадигмы военно-экономического развития.

В нулевые годы процесс трансформации военной экономики значительно активизировался, прежде всего в США, где со второй половины 2010-х годов в рамках Оборонной инновационной инициативы *DII (Defense Innovation Initiative)*, объявленной в 2014 г., предпринимаются усилия по реализации нового, второго инновационного и военно-инновационного прорыва. Министерство обороны США считает важнейшими составляющими этого прорыва активизацию участия частного капитала в разработках, в том числе военно-ориентированных, и использование коммерческих ресурсов для решения ключевых проблем военно-технической деятельности, включая интенсивное развитие нового кластера двойных технологий, особенно в цифровой сфере (большие данные, машинное обучение, виртуальная реальность, искусственный интеллект, квантовые компьютеры и др.).

Можно утверждать, что кардинальные сдвиги в военно-экономической сфере произошли к началу нулевых годов, что явилось результатом первого инновационного прорыва. «Уже в первое десятилетие нового столетия в рамках процесса трансформации американской военной сферы была жестко закреплена ориентация на инновационность развития военного сектора экономики и использование всех возможных преимуществ, которые обеспечила реализация инновационного прорыва в экономике в целом. И этот новый взгляд на «инновационность» военного сектора непосредственно коррелировал с новым подходом к планированию в военном ведомстве США, базирующимся на будущих возможностях. В военно-ориентированном секторе состоялся кардинальный пересмотр критериев создания инноваций: от минимизации риска и рутинных конструкторских разработок к высокорисковым исследованиям по широкому спектру научно-технических направлений. Было признано, что инновации не только меняют структуру и качество военного спроса и потребления, где растет роль НИОКР и двойных инноваций, но и оказывают все более серьезное воздействие на сам процесс формирования спроса. В

системе военно-государственного хозяйствования была значительно расширена элементная база “рыночного механизма” [13]. В целом изменялась модель встроенности военного сектора в структуру национального хозяйства, меняя механизм и повышая устойчивость национальной инновационной системы. Использование позитивного опыта США в реализации инновационного прорыва в военном секторе, его “копирование” как развитыми, так и развивающимися странами мира, привели к крупным, по сути, мегаизменениям и, в конечном счете, как сегодня утверждают многие эксперты, к смене парадигмы мирового военно-экономического развития.

Основные аспекты меняющейся парадигмы военной экономики заключаются в следующем. Прежде всего, это интенсификация движения к синтезу военных и гражданских секторов экономики и усиление рыночных отношений в военном секторе. Сюда следует отнести активизацию процессов кооперирования, интеграции и интернационализации, расширение военно-технического сотрудничества (причем не только в сфере готовой продукции, но и в области новых разработок). Также нельзя не отметить стремительное распространение информационных технологий в производственных системах, что привело к кардинальному изменению материально-технической базы по созданию оборонной продукции и серьезным организационно-управленческим преобразованиям. Особое внимание стало уделяться процессам диффузии технологий и их коммерциализации [13]. Постепенно усиливалось движение к планируемому созданию новых возможностей науки и техники. Это привело к тому, что концепция инновационной способности как в военной, так и в гражданской экономике, стала фокусироваться уже не на конкурентоспособности национальной экономики в настоящий момент, а на способности поддержать ее в будущем. Что важно, смещение инновационной способности военной экономики США в область обеспечения будущих технологических возможностей закрепило приоритетность обеспечения глобального технологического и военно-технического лидерства на долгосрочную перспективу.

Однако незавершенность трансформационного процесса в военном секторе американской экономики в связи с началом активной фазы борьбы с терроризмом после событий 11 сентября 2001 г., в конечном итоге, на наш взгляд, стала одним из важных факторов роста геополитической неопределенности и напряженности в мире в 2010-х годах. Этому, безусловно, способствовало и “быстрое образование новой конфигурации мировых центров силы благодаря опережающему развитию китайской, индийской, а также других развивающихся экономик” [14], что в дальнейшем закладывало основы изменений в конструкции мирового военно-экономического блока.

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЭД

Каковы же важнейшие изменения, оказывающие влияние на ВЭД?

Во-первых, нарастает соперничество крупных держав: США, Китай и Россия находятся в состоянии так называемой ПЭВТ-конкуренции – конкуренции в области политики, экономики, военном деле и технологиях. То есть их противостояние носит все усложняющийся, комбинированный или даже интегральный характер, где приоритеты во все большей степени принадлежат не количественным, а качественным характеристикам. Данное обстоятельство не только способствует переносу борьбы в новые области (домены), такие как киберпространство и космос, но и значительно усиливает риски и расширяет спектр угроз в сфере глобальной безопасности, углубляя противоречия в международной системе в целом. Во-вторых, качественно изменился формат проектирования Соединенными Штатами Америки – лидером военно-экономического развития, каковым эта страна является на протяжении по крайней мере трех последних десятилетий – своего места и роли в мире. Об этом, в частности, свидетельствуют индексы влияния (*FBIC*) и глобальные индексы мощи (*GPI*), рассчитываемые на основе большого количества показателей по широкому спектру тематических направлений (табл. 2)¹.

¹ Например, индекс влияния *FBIC*, измеряющий двустороннее взаимодействие государств, использует 42 индикатора в сфере экономики, политики и безопасности. Для его подсчета было проведено около 200 млн соответствующих наблюдений с 1963 г. по настоящее время, что стало возможным благодаря использованию новой технологии обработки “больших данных”. Что касается *GPI*, этот индекс разработан разведывательным сообществом США.

Таблица 2. Динамика индекса влияния и глобального индекса мощи США, Китая и России (по доле в глобальной мощи, %)

Страны		1963	1980	2000	2016
США	GPI Index	35.5	26.1	28.6	23,6
	FBIC Index	25.1	18.8	16.1	11,2
Китай	GPI Index	–	–	5.0	13,4
	FBIC Index	–	–	–	6.0
СССР/РФ	GPI Index	10.2	14.3	6.2	6.4
	FBIC Index	5.8	3.8	4.0	4.0

Источник: составлено авторами на основе данных [15].

Риски относительного ослабления позиций США как мирового лидера, связаны, по мнению зарубежных экспертов, во-первых, с неэффективностью глобального проектирования силы [16], являющейся, как отмечал председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Дж. Данфорд, критическим компонентом безопасности США.

Второй фактор – преимущественная ориентация США на “мягкую силу”, что в определенной степени оказалось ущербным для развития “жесткой силы”. В то же время отмечается и эрозия американской “мягкой силы” [17] в рамках концепции “Америка прежде всего” (*America First*). Одновременно, со второй половины текущего десятилетия, наблюдается консолидация государств – членов Европейского союза по усилению “мягкой силы” и все более частое использование ее инструментов странами Азии. В результате впервые с 1940 г. США столкнулись с перспективой равных конкурентов в АТР и в Европе, что может бросить вызов возможностям Вашингтона в этих регионах. Ряд экспертов полагает, что восприятие относительного ослабления США является дестабилизирующим фактором для многих держав и их союзников, для различных регионов мира и, более того, способствует эрозии эффекта сдерживания.

В-третьих, снижение американских военных и военно-технологических преимуществ в совокупности с наращиванием военно-технологических и военно-экономических возможностей Китая, ростом ресурсов России в этих же сферах актуализирует вопрос о возможности и необходимости глобального управления в области ПЭВТ-конкуренции, особенно если иметь в виду и других игроков. В частности, эксперты аналитического центра глобальной разведывательной компании *Strategic Forecasting (Stratfor)* отмечали в конце 2018 г., что “усиление соперничества между США, Китаем и Россией станет определяющей характеристикой международной системы, создав затруднительную ситуацию для средних держав, попавших в тиски великодержавного соперничества” [18]. Разработка новых систем вооружений в совокупности с торговыми войнами, санкциями, изменениями в стратегиях обороны, кибератаками закладывают основы “новой и достаточно некомфортной глобальной реальности” [18], что неизбежно ведет к необходимости пересмотра международно-правовой основы поддержания безопасности.

В-четвертых, экономические тренды с конца 1990-х годов (точнее, с 1998 г.) изменили всемирный ландшафт оборонных расходов. Удельный вес Азии в глобальных оборонных расходах более чем удвоился с 1990 г. – с 10% до 26%. В то время как доля Европы упала с 44% до 21% [7]. Экономическое развитие продолжает подпитывать увеличение оборонных бюджетов Азии. Если в 2018 г. прирост глобального оборонного ресурса составил 5%, то соответствующий прирост оборонных бюджетов Азии превысил 8%. По данным на 2018 г., на долю азиатских стран приходится 42% мировых военных расходов без учета США.

Несмотря на рост военных расходов Китая и постепенное приближение по этому показателю к США, следует отметить, что преимущества в качестве научно-исследовательских работ в значительной степени принадлежит Соединенным Штатам. Так, сравнение соответствующих статей двух держав показывает соотношение производительности НИОКР

США и Китая как 66.5% / 30.5%; качества НИОКР – 80.0% / 20.0% (фундаментальные исследования – 60.5% / 30.5%; прикладные исследования – 59.0% / 40.0%; разработки – 62.5% / 37.5%.) Что касается расходов на НИОКР, то здесь соотношения США / Китай во второй половине текущего десятилетия составили 100.0% / 77.0% [19, р. 22].

В данной связи интересно следующее замечание бывшего заместителя министра обороны США, профессора Гарвардского университета (а также автора книги “Будущее власти” [20]) Дж. С. Ная. При интерпретации роста китайской экономики как явления, соответствующего фундаментальному сдвигу в балансе глобальных сил, часто не учитывается военная мощь, которая, безусловно, “требует преуспевающей экономики.... Но производят ли экономические или военные ресурсы больше могущества в современном мире, зависит от контекста” [1, с.26].

Что представляет данный контекст сегодня? Чтобы определить его конфигурацию, на наш взгляд, необходимо исследование, изучение и оценка во взаимосвязи трех важнейших сфер: военной экономики – инноваций – безопасности. Это позволит в дальнейшем упреждающе выделить и оценить факторы возможной конфликтности и вероятных дисбалансов [1]. В этой связи следует обратить внимание на исследования американских экспертов, отмечающих, например, что глубокие сдвиги в количестве и качестве оборонных ресурсов в Азии не соответствуют изменениям в институциональной среде и в механизме процессов, используемых для управления вызовами безопасности, “открывая путь к недопониманию, кризисам и конфликтам” [21]. В целом следует заметить, что контекст, в котором будут действовать США как глобальная сила, кардинально меняется [22, р. 15].

В-пятых, заслуживает внимания мнение о том, что новые коммерческие технологии (особенно цифровые), которые становятся все более важным драйвером научно-технологического развития, “изменяют общество и, в конечном счете, характер войны” [23, р. 3]. В этих условиях установление технологического преимущества военного ведомства США потребует изменений в промышленной культуре, источниках инвестирования, а также защиты инновационной базы в области безопасности [23, р. 3]. Однако к чему приведет подобная цифровая коммерческая эйфория, сегодня не совсем ясно.

В-шестых, возрастает значимость исследований, определяющих сдвиги в процессе мирового военно-экономического развития в долгосрочном плане. И здесь следует обратить внимание на движение в направлении второго инновационно-цифрового прорыва в США (а также в других странах мира), переход к новой – четвертой промышленной революции. При этом развитие технологий опережает развитие соответствующих политических и военно-политических исследований и создание прогнозов в области безопасности, что ведет к рискам в сфере национальной и международной безопасности. В свою очередь эти риски дополняются невозможностью экономики быстро адаптироваться к изменениям в промышленной базе, связанным с динамичным развитием цифровых технологий.

В-седьмых, инкрементальные (то есть последовательно-реализуемые или эволюционные) достижения в области развития боевых платформ и первого этапа информационной революции (на рубеже XX–XXI вв.) привели к интенсификации исследований и разработок новых видов вооружений: лазеры, гиперзвуковые системы, электромагнитное оружие. Несомненно, это нарушает сложившиеся балансы, повышает риски в области безопасности (национальной и международной), что еще раз подтверждает необходимость модернизации соответствующей международно-правовой основы.

В-восьмых, помимо появления новых сфер вооруженной борьбы (новых доменов), в частности, киберпространства и космоса, меняются ее способы и методы. Например, бригадный генерал США Д. Кумаширо отметил, что подключение космического самолета X-37B к истребителям F-35 и F-22 показало бы “способность действовать из всех доменов одновременно” [24, с. 2]. То есть самолеты пятого поколения и космический беспилотный “шаттл” смогут действовать как единый боевой организм. Использование орбитальных аппаратов расширит возможности реализации уже существующей концепции удаленного управления через авиационные платформы, в том числе и беспилотные [24, с. 2].

Нельзя забывать об Арктике, особенно в условиях просматриваемых климатических изменений. Как отмечал заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А.В. Загорский, с конца первого десятилетия XXI века в Арктической зоне Российская Федерация реализует масштабную программу усиления военного присутствия. Данное обстоятельство, по мнению эксперта, “все чаще воспринимается другими игроками (США и рядом других арктических стран–членов НАТО. – **Прим. авторов**) как программа милитаризации региона, ведущая в обозримой перспективе к развертыванию здесь гонки вооружений, которая, заметим, окажется для России весьма затратной” [25, с. 33].

В совокупности новые домены, новые области (регионы), а также средства вооруженной борьбы, на наш взгляд, неотвратимо ведут не только к изменениям структуры военных arsenалов в предстоящие десятилетия, но и к сдвигам в системе сдерживания. В частности, как отмечали американские эксперты, возможен переход от сдерживания, основанного на страхе возмездия, к сдерживанию, базирующемуся на опасности эскалации конфликтов [26, р. 221]. В свою очередь все это обуславливает дополнительные стимулы и факторы неизбежности совершенствования международно-правовой базы, ведет к необходимости широких дискуссий в рассматриваемых областях.

В-девятых, намечается активизация движения к новым военным союзам, неизбежным в условиях высокой динамики инновационно-цифрового развития, усиления его коммерческой составляющей и общего довольно заметного роста доступности высоких технологий, критически важных для военной сферы. Например, укрепляются военные союзы США и Японии, Германии и Франции и др. Японский министр обороны (2018–2019 гг.) Такэси Ивая, в частности, отмечал, что, ориентируясь на существенное повышение боевых возможностей сил самообороны, его страна в то же время будет и в дальнейшем прилагать необходимые усилия по укреплению военного союза с США [27, с. 2].

И, наконец, десятая позиция. Наблюдаются сдвиги в военно-техническом сотрудничестве и торговле вооружением и военной техникой. Как известно, Россия и США лидируют в мировых продажах оружия. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), пятью главными мировыми экспортерами оружия в 2014–2018 гг. оставались США, Россия, Китай, Франция и Германия. При этом за данный период на долю Москвы и Вашингтона пришлось 57% мировых продаж, тогда как пятерка в целом заняла 75% мирового рынка [28]. Однако объем продаж российского оружия, по сравнению с аналогичными показателями за предыдущую пятилетку, снизился на 17%. Причина этого связана с сокращением поставок техники в Индию, которая, оставаясь главным покупателем российского оружия, все больше интересуется, в том числе и западной, главным образом американской, техникой. В итоге, по прогнозу британского издательства *Jane's Information Group*, специализирующегося на военной, а также транспортной тематике, Россия уже в 2020 г. может уступить Франции второе место по экспорту вооружений: Париж продаст оружия на 6.96 млрд долл. США, тогда как Москва – на 6.85 млрд [29].

Эксперты в России полагают, что Франция, если и вырвется вперед, то всего на один-два года (за счет поставок истребителей *Rafale* в Катар и Индию). В то же время заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий К. Макиенко отмечал тенденцию нарастающего несоответствия российских предложений новым технологическим стандартам (или технологической “моде”) на мировом рынке вооружений [30]. В частности, “в сегменте истребительной авиации стандартом де-факто стало предложение истребителей, оснащенных исключительно бортовыми радиолокационными станциями с активной фазированной антенной решеткой. В то же время Россия такого предложения до сих пор не имеет”. Более того, в связи с угрозой введения вторичных санкций против импортеров российских вооружений в соответствии с американским ограничительным актом *CAATSA* (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*), подписанным президентом США Дональдом Трампом 2 августа 2017 г., продвижение РФ продукции военного назначения на мировой рынок будет, скорее всего, сталкиваться со все возрастающими трудностями.

Говоря о странах Ближнего Востока, следует отметить “успехи в развитии научно-технической базы, гражданских отраслей производства и планомерный рост ВВП”, что, как отмечал ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН С.М. Иванов, “позволяет Израилю, Ирану, Турции и большинству арабских стран развивать и дальше свои военные экономики, каждый по-своему, с учетом средств и амбиций, внешних стимулов и ограничителей. В частности, постепенно снижать зависимость от поставок вооружений из-за рубежа и увеличивать свою долю в экспорте вооружений на мировой рынок” [31, с. 40].

Усиливается конкуренция на глобальном военном рынке. Это происходит в силу либерализации экспорта, в связи с тем, что местные компании (как отмечалось в очередном докладе *“The Global Defense Outlook”*) работают над расширением базы покупателей при поддержке своих правительств. Традиционные рынки закупок оборудования коммерческих полков (*Commercial off the Shelf – COTS*) начинают диктовать модель стратегического партнерства в сфере оборонных закупок, где зарубежные производители должны больше инвестировать в местные оборонные программы и активнее вовлекать местную промышленность в их реализацию. “Новые бизнес-модели, такие как лицензирование платформ, аутсорсинг неключевых функций и другие инновационные сервисные модели пользуются все большим успехом” [21].

Нельзя не отметить возможность ужесточения контроля над технологиями, оборудованием и услугами двойного назначения, особенно в преддверии активной цифровизации военного и гражданского секторов экономики. По мнению большинства экспертов, это может оказаться губительным для многих корпораций [18], как на Западе, так и на Востоке. США, ограничивая доступ российским компаниям в рамках санкционных мероприятий, а также Китаю, к технологиям двойного назначения якобы в целях снижения рисков национальной безопасности, не только ведут к ослаблению технологических взаимосвязей на общемировом уровне, но и создают препятствия для китайских инвестиций и исследований в стратегически важных высокотехнологичных секторах США [18]. Кроме того, компании Соединенных Штатов в связи с проверкой американо-китайских цепочек поставок на предмет угроз национальной безопасности будут подвергаться более жесткому регуляторному надзору. Не исключена активизация “лоббистской работы в третьих странах (особенно в Японии, Канаде, государствах Европы, Австралии, Новой Зеландии, Южной Корее и на Тайване), с целью ослабления связей последних с рядом ведущих технологических компаний КНР, заявляя, что те создают огромные риски для их национальной безопасности” [18].

Совокупность вышеописанных ключевых изменений, помимо нарастания ПЭВТ-конкуренции между основными игроками в военно-экономической и военно-технологической сферах, обуславливает усиление секьюритизации экономики в целом. Все это требует детальных обсуждений, глубокого осмысления и выработки критериев оценки происходящих изменений, в том числе совсем новых, порожденных пандемией COVID-19. Представляется, что методологической основой исследования вышеизложенных аспектов должен стать системно-синергетический подход к выявлению и прогнозированию развивающихся и нарождающихся взаимосвязей между технологией и безопасностью для определения ключевых вызовов и необходимых усилий, которые следует предпринять в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе для обеспечения готовности ответа на нарождающиеся вызовы, которые на сегодня выявить и сформулировать затруднительно. Именно это является необходимым условием противостояния рискам неопределенности будущего, в том числе касательно возможных кризисных явлений мирового военно-экономического развития.

МЕГАТЕНДЕНЦИИ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Что можно отнести к мегатенденциям военно-экономического развития на пороге третьего десятилетия XXI в.?

Во-первых, неуклонный рост мировых военных расходов как общий тренд, хотя на сегодня эта тенденция не является вполне установившейся (рис. 1). В краткосрочной и

среднесрочной перспективе даже с учетом кризиса, порождаемого COVID-19, не следует ожидать снижения военных расходов США и Китая – мировых лидеров по данному показателю. По мнению американских военных, без устойчивого, эффективного, и предсказуемого финансирования США могут потерять способность к глобальному проецированию силы [16]. На преодоление последствий пандемии в соответствии с законодательным актом CARES (*Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act*), на поддержку оборонных отраслей США было направлено 17 млрд долл. и еще 80 млрд – в аэрокосмическую индустрию в виде заемных средств [32]. Что касается Китая, то несмотря на трудности, вызванные пандемией, военные расходы, по утверждению китайских экспертов, сокращаться не будут. В краткосрочной перспективе уменьшатся лишь темпы их ежегодного прироста [33].

Во-вторых, повышение значимости частного капитала в сфере военных и военно-ориентированных НИОКР, что создает для военно-экономического сектора национального хозяйства как положительные, так и отрицательные моменты, потенциал и значение которых пока трудно оценить. По мнению американских экспертов, если не наращивать государственное финансирование военных расходов на НИОКР темпами, сопоставимыми с коммерческим сектором, неизбежно возникновение заметных трудностей для оборонной сферы. Например, это не только понижает опыт проектирования вооружений и военной техники, но и создает недопонимание относительно роли военных в реализации жизненно важных интересов США, ответа на угрозы национальной безопасности и того международного контекста, в рамках которого США могут или вынуждены будут использовать жесткую силу. Следует ожидать и усиления конкуренции между частным сектором и федеральным правительством за новые технологии, последствия которой на сегодня не совсем ясны.

В-третьих, интенсивное развитие цифро-технологической революции и реализация инновационных прорывов, особенно в области больших данных, роботизации, автономизации, виртуальной реальности, искусственного интеллекта, важность которых признается и в России, и за рубежом. Возрастает риск межстрановых технологических разрывов и, соответственно, опасность военно-технологических дисбалансов, которые в дальнейшем могут привести к изменениям на мировом военно-экономическом и военно-стратегическом ландшафте, меняя природу конфликтов и содержание понятия мощи государства. При этом следует обратить внимание на тот факт, что, как отмечала Карлота Перес (автор книги «Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания»), «технологические революции приносят плоды с временным запаздыванием. Требуются два или три десятилетия бурной адаптации и ассимиляции, прежде чем новые технологии, продукты, отрасли и инфраструктуры начнут способствовать наступлению «золотого века» (*belle époque*), или «эры процветания»». Дополним: или эры устойчивого эколого-экономического развития при геополитической стабильности и снижении международной напряженности.

В-четвертых, расширение спектра угроз, их многообразие, усложнение и комплексность в условиях ослабления возможностей США с одной стороны, и нарастания возможностей Азии, с другой.

В-пятых, переход на качественно новый уровень партнерских отношений при движении к многополярному миру.

И наконец, в-шестых, неуклонный рост значимости таких показателей, как «упругость» к экономическим и военно-экономическим шокам, своевременность реакции на технологические и военно-технологические «сюрпризы».

К чему приведет пересечение и синергия вышеперечисленных изменений и мегатенденций – вопрос достаточно важный, значимый и требующий неотложных научных дискуссий.

России в целях дальнейшего сокращения технологического разрыва с ведущими странами мира, повышения устойчивости к экономическим и военно-экономическим шокам, обеспечения необходимой реакции на технологические неожиданности необходимо, как мы уже подчеркивали выше, обратить самое пристальное внимание на сферу НИОКР. Требуются эффективные и активные меры по созданию действенного механизма инновационного развития экономики с учетом тесного взаимодействия ее военного и гражданского секторов. Одновременно следует расширять кооперацию и интеграцию в сфере высоких, критически важных, в том числе цифровых, технологий как на национальном, так и на международном уровнях. Требуются дальнейший глубокий системный анализ изменений в

военно-экономической сфере, выработка новых критериев оценки этих перемен, активный поиск ответов на широкий спектр нарождающихся проблем и вызовов. В частности, в условиях крайней неопределенности будущей архитектуры формирующегося миропорядка необходимо понять, возможна ли борьба (например, со стороны западных стран) и в какой форме за поддержание существующего статус-кво? В любом случае, можно ожидать, что характерной чертой последующего десятилетия в рамках общего периода 2011–2030 гг. станет постепенное движение к выравниванию военно-экономических дисбалансов. Первоначально между странами с высоким и низким доходом на душу населения (куда в настоящее время относят и Китай, и Россию) с постепенным переходом к балансу между формирующимися межстрановыми союзами. По всей видимости, это важный фактор влияния на будущее системы глобальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Панкова Л.В. *Военная экономика, инновации, безопасность*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 149 с. [Pankova L.V. *Voennaya ekonomika, innovatsii, bezopasnost'* [Military Economics, Innovation and Security]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 149 p.] DOI:10.20542/978-5-9535-0481-2
2. Пожаров А.И. О формировании новой парадигмы военно-экономической науки. *Вестник академии военных наук*, 2006, № 1(14), сс. 39–42. [Pozharov A.I. O formirovani novoi paradigmy voenno-ekonomicheskoi nauki [On the Formation of a New Paradigm of Military-Economic Science]. *Vestnik akademii voennykh nauk*, 2006, no. 1(14), pp. 39–42.]
3. Lineberger R. 2019 Global Aerospace and Defense Industry Outlook. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Manufacturing/gx-eri-2019-global-a-and-d-sector-outlook.pdf> (accessed 02.01.2020).
4. McCormick D.H., Luftig Ch.E., Cunningham J.M. Economic Might, National Security, and the Future of American Statecraft. *Texas National Security Review*, Summer 2020, vol. 3, iss. 3. Available at: <https://tnsr.org/2020/05/economic-might-national-security-future-american-statecraft/> (accessed 02.01.2020).
5. Фарамазян Р.А., Борисов В.В. Стратегия военно-экономической безопасности России: усложняющиеся проблемы и трудные решения. *Некоторые проблемы национальной безопасности России*. Москва, ИМЭМО РАН, 1998, сс. 3–14. [Faramazyan R.A., Borisov V.V. *Strategiya voenno-ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: uslozhnyayushchiesya problemy i trudnye resheniya* [Russia's Military and Economic Security Strategy: Growing Challenges and Difficult Solutions]. *Nekotorye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Some Problems of Russia's National Security]. Moscow, IMEMO RAN, 1998, pp. 3–14.]
6. Military Expenditure (Current USD). The World Bank Database. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.CD> (accessed 15.01.2020).
7. SIPRI Military Expenditure Database. Stockholm International Peace Research Institute, 2019. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2018_0.xlsx (accessed 15.01.2020).
8. Budget Control Act of 2011. Available at: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-112publ25/html/PLAW-112publ25.htm> (accessed 10.02.2020).
9. 2016's \$1.57 Trillion Global Defence Spend to Kick off Decade of Growth, IHS Markit Says. 12.12.2016. Available at: https://news.ihsmarkit.com/prviewer/release_only/slug/2016s-15-trillion-global-defence-spend-kick-decade-growth-ihs-markit-says (accessed 15.11.2019).
10. Панкова Л.В. Инновационно-цифровая составляющая военного строительства в ведущих государствах мира. *Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности*. Арбатов А.Г., Бубнова Н.И., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2018, сс. 223–235. [Pankova L.V. *Innovatsionno-tsifrovaya sostavlyayushchaya voennogo stroitel'stva v vedushchikh gosudarstvakh mira* [Innovation-Digital Constituent of Military Construction in The Leading Countries of The World]. *Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoi stabil'nosti* [Security and Arms Control 2017–2018: Overcoming the Imbalance of the International Stability]. Arbatov A.G., Bubnova N.I., eds. Moscow, IMEMO RAN, Politicheskaya entsiklopediya, 2018, pp. 223–235.]
11. Wang B. Infographic – Top Ten Countries Military Spending in 2030. *Next Big Future*, 02.02.2018. Available at: <https://www.nextbigfuture.com/2018/02/infographic-top-ten-countries-military-spending-in-2030.html> (accessed 15.11.2019).
12. Панкова Л.В. Инновационно-цифровая составляющая военно-экономического развития (практика США). *Московский экономический журнал*, 2019, № 2, сс. 89–106. [Pankova L.V. *Innovatsionno-tsifrovaya sostavlyayushchaya voenno-ekonomicheskogo razvitiya (praktika SShA)* [Innovation-Digital Constituent of the Military-Economic Development (Experience of the USA)]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 89–106.] DOI 10.24411/2413-046X-2019-12005
13. Панкова Л.В. *Военная экономика и инновации: мировой опыт и возможности России. Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 1 апреля 2015 г.* [Pankova L.V. *Voennaya ekonomika i innovatsii: mirovoi opyt i vozmozhnosti Rossii. Tезисы doklada k zasedaniyu Uchenogo sojeta IMEMO RAN* [Military Economy and Innovations: World Experience and Opportunities for Russia. Abstract of the Report for the Meeting of the IMEMO RAS Academic Council on April 1, 2015]. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2015/01042015_tez.pdf (accessed 15.11.2019).
14. Клейнер Г.Б. Концепция переключающегося лидерства в международном сообществе как ответ на глобальные вызовы современности. *Современные глобальные вызовы и национальные интересы*.

- Материалы XVI Международных Лихачевских научных чтений. Санкт-Петербург, СПбГУП, 2016, сс. 127-131. [Kleiner G.B. Kontsepsiya pereklyuchayushchegosya liderstva v mezhdunarodnom soobshchestve kak otvet na global'nye vyzovy sovremennosti [The Concept of Switching Leadership in the International Community as a Response to the Global Challenges of Our Time]. *Sovremennye global'nye vyzovy i natsional'nye interesy. Materialy XVI Mezhdunarodnykh Likhachevskikh nauchnykh chtenii* [Modern Global Challenges and National Interests. Materials of the XVI International Likhachevsky Scientific Readings]. Saint-Petersburg, SPbGUP, 2016, pp. 127-131.]
15. Moyer J.D., Sweijts T., Burrows M.J., Van Manen H. *Power and Influence in a Globalized World*. Washington, The Atlantic Council of the United States, 2018. 36 p. Available at: <https://pardee.du.edu/sites/default/files/Power%20and%20Influence%20V7.pdf> (accessed 15.11.2019).
 16. Wood D.L., ed. *2018 Index of U.S. Military Strength*. Davis Institute for National Security and Foreign Policy. Washington, The Heritage Foundation, 2018. 450 p. Available at: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-10/2018_IndexOfUSMilitaryStrength-2.pdf (accessed 10.02.2020).
 17. *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power*. Portland and USC Center on Public Diplomacy, 2018. 180 p. Available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (accessed 11.01.2020).
 18. Stratfor (США): прогноз на 2019 год (1 часть). ИноСМИ, 10.12.2018. [Stratfor (USA): Forecast for 2019 (1 part). *InoSMI*, 10.12.2018. (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20181210/244199871.html> (accessed 15.01.2020).
 19. Nye J.S. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 2011. 300 p.
 20. *Global Defense Outlook 2015. Defense and Development*. Deloitte Development, 2015. 23 p. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Public-Sector/gx-2015-deloitte-global-defense-outlook.pdf> (accessed 25.02.2020).
 21. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке, 2012. [*Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Publication of the National Intelligence Council, 2012 (In Russ.)] Available at: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf> (accessed 15.01.2020).
 22. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America*. Sharpening the American Military's Competitive Edge. US Department of Defense. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 15.01.2020).
 23. Американские ВВС стремятся расширить боевые возможности ВС США. Независимое военное обозрение, 2019, № 42, с. 2. [Amerikanskie VVS stremyatsya rasshirit' boevye vozmozhnosti VS SSHA [The US Air Force is Seeking to Expand the Combat Capabilities of the US Armed Forces]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2019, no. 42, p. 2.]
 24. Загорский А.В. Арктика: военная безопасность и ее экономическое обеспечение. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Панкова Л.В., Казеннов С.Ю., Гусарова О.В., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2019, сс. 28-33. [Zagorskii A.V. Arktika: voennaya bezopasnost' i ee ekonomicheskoe obespechenie [The Arctic: Military Security and Its Economic Support]. *Voенно-ekonomicheskoe razvitie v svete global'nykh transformatsii* [Military and Economic Development in the Light of Global Transformations]. Pankova L.V., Kazennov S.Yu., Gusarova O.V., eds. Moscow, IMEMO RAN, 2019, pp. 28-33.]
 25. *Global Trends: Paradox of Progress*. National Intelligence Council, January 2017. Available at: <https://publicintelligence.net/odni-nic-paradox-progress/> (accessed 15.01.2020).
 26. Возрождение империи. Новые угрозы заставляют Японию наращивать военные расходы. *Независимое военное обозрение*, 2019, № 4, с. 2. [Vozrozhdenie imperii. Novye ugrozy zastavlyayut Yaponiyu narashchivat' voennye raskhody [Rebirth of the Empire. New Threats Force Japan to Increase Military Spending]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2019, no. 4, p. 2.]
 27. *SIPRI Arms Transfers Database*. Stockholm International Peace Research Institute, 2019. Available at: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 10.03.2020).
 28. Борисов А. Россия выбыла из пятерки лидеров по расходам на оборону. *Lenta.ru*, 29.04.2019. [Borisov A. Rossiya vybyla iz pyaterki liderov po raskhodam na oboronu [Russia Dropped Out of the Top Five in Defense Spending]. *Lenta.ru*, 29.04.2019.] Available at: <https://lenta.ru/brief/2019/04/29/sipri> (accessed 10.02.2020).
 29. Макиенко К. Россия на мировом рынке вооружений в 2014–2018 годах. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Панкова Л.В., Казеннов С.Ю., Гусарова О.В., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2019, сс. 70-71. [Makienko K. Rossiya na mirovom rynke vooruzhenii v 2014–2018 godakh [Russia on the Global Arms Market in 2014–2018]. *Voенно-ekonomicheskoe razvitie v svete global'nykh transformatsii* [Military and Economic Development in the Light of Global Transformations]. Pankova L.V., Kazennov S.Yu., Gusarova O.V., eds. Moscow, IMEMO RAN, 2019, pp. 70-71.]
 30. Иванов С.М. Развитие военной экономики стран Ближнего Востока. *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. Панкова Л.В., Казеннов С.Ю., Гусарова О.В., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2019, сс. 38-40. [Ivanov S.M. Razvitie voennoi ekonomiki stran Blizhnego Vostoka [Military Economy Development of the Middle Eastern Countries]. *Voенно-ekonomicheskoe razvitie v svete global'nykh transformatsii* [Military and Economic Development in the Light of Global Transformations]. Pankova L.V., Kazennov S.Yu., Gusarova O.V., eds. Moscow, IMEMO RAN, 2019, pp. 38-40.]
 31. Tirkak J.A. The Defense Industry After COVID-19. *Air Force Magazine*, 01.05.2020. Available at: <https://www.airforcemag.com/article/the-defense-industry-after-covid-19/> (accessed 25.05.2020).
 32. Liu Xuanzun. COVID-19 May Hit Military Budget, Only Mildly. 28.04.2020. Available at: <https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/china/2020/china-200428-globaltimes01.htm> (accessed 30.04.2020).
 33. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. Маевский Ф.В., пер. с англ. Москва, Дело, 2011. 231 с. [English edition: Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: the Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Edward Elgar, Cheltenham, 2002. 198 p.]

**MILITARY-ECONOMIC SHIFTS AT THE TURN
OF THE THIRD DECADE OF THE XXI CENTURY**
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 42-54)

Received 22.05.2020.

Lyudmila V. PANKOVA (Lpankova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-3500-4741,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Olga V. GUSAROVA (Olgusarova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5414-0365,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article addresses the actual issues of the modern world military-economic development, many of which are unparalleled in the past. The most important problems, shifts and the main megatendencies are highlighted.

The authors examine the paradigm of shifts in military economics, as well as mutual influence between these shifts and the changes in the security field in the context of rapidly expanding digital technologies and innovations.

The accelerated development of disruptive technologies, especially the digital ones, is outpacing the ability for the political and economic adaptations to the changes. Such a situation creates additional risks, including in the field of security.

The mega-trends of the military-economic activities in the coming decade are determined.

In the context of the growing rivalry, especially between great powers, the main contest criteria becomes more complex, combined and even integral, where the priorities belong for the most part not to quantities, but to quality factors as in the case of PEMT-competition (political, economic, military and technological – competition).

The trend for the US domination in terms of the volume of resources for military-economic activities in the next decade, considering the US may no longer be able to maintain its leading role and influence in the world, is also discussed.

Keywords: military-economic activity, military expenditures, R&D, innovation breakthroughs, paradigm of shifts, military-economic disbalances, risks, world indexes, foresight, security.

About the authors:

Lyudmila V. PANKOVA, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security.

Olga V. GUSAROVA, Research Associate, Sector of Military Economy and Innovations, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-42-54

О БАЛАНСЕ И СЦЕНАРИЯХ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

© ДВОРКИН В.З., 2020

ДВОРКИН Владимир Зиновьевич, профессор, доктор технических наук, главный научный сотрудник Сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (Vldvorkin@gmail.com).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

Дворкин В.З. О балансе и сценариях ядерного сдерживания.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 55-62. DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62

DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62

УДК: 327.37→355.019.1

Статья поступила в редакцию 17.06.2020.

Сложившаяся за несколько десятилетий концепция взаимного ядерного сдерживания между СССР/Россией и США остается в действии и сохранится в обозримой перспективе. Общий баланс ядерного оружия и потенциалов сдерживания сторон сохраняется в условиях договорных отношений, однако может быть нарушен после окончания действия Договора СНВ-3 и отсутствия нового договора. Но и в этих условиях потенциал ядерного сдерживания России останется на таком уровне, который исключает всякую мотивацию нападения на нее.

Сценарии обмена ядерными ударами предусматривают нанесение ответного удара в течение ограниченного отрезка времени. Существующая и модернизируемая триада стратегических ядерных сил России в обозримой перспективе без участия декларируемых новейших систем вооружения типа "Посейдона" и "Буревестника" обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

Если эти новые системы будут представлять препятствия для успешных переговоров и подтолкнут гонку ядерных вооружений, целесообразно заморозить дальнейшую их разработку, сохранив конструкторский и производственный задел на случай непредвиденных изменений.

Ключевые слова: неприемлемый ущерб, потенциал ядерного сдерживания, договоры по СНВ, баланс потенциалов сдерживания, стратегические ядерные силы, новые вооружения.

Политика ядерного сдерживания декларируется всеми девятью ядерными государствами (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея) вне зависимости от времени создания ими ядерных вооружений различного типа, реально обладаемого потенциала ответных действий и реакции на ядерное нападение или агрессию с применением конвенционных вооружений.

Вместе с тем родоначальниками этой политики со всеми определениями, теорией, принципами и формальными нормами были Советский Союз и США, отработавшие за несколько десятилетий на практике все особенности ее реализации в процессе договоров по контролю стратегических наступательных вооружений (СНВ). Попытки других ядерных государств использовать подобный опыт пока не получили развития. Поэтому альтернативные

возможности трансформации политики ядерного сдерживания ниже рассматриваются прежде всего по отношению России и США.

НАКОПЛЕННЫЙ ОПЫТ

В условиях холодной войны и противостояния между СССР и США при относительном выравнивании ядерных потенциалов сторон, начиная с середины 60-х годов прошлого века, в качестве одной из главных задач формирования триады стратегических ядерных сил (СЯС) в СССР/России и США считалось и остается обеспечение гарантированного сдерживания. Это означало демонстрацию противнику такого потенциала ответного удара в случае его атаки, который способен подорвать жизнеспособность государства-агрессора на длительный период из-за колоссальных потерь населения и разрушения административно-промышленных центров.

По отношению к потенциалу ответного удара формировалось ранее и до настоящего времени представление о так называемом неприемлемом ущербе, начало которому было положено оценками Р. Макнамары и А. Сахарова. В соответствии с этими оценками такой ущерб мог быть обеспечен доставкой на территорию агрессора 400–500 ядерных боезарядов мегатонного класса сохранившимися средствами жертвы нападения.

История дискуссий по подобным оценкам, последовательно снижаемым, изложена во многих трудах [1; 2; 3; 4].

Вне зависимости от тенденции постепенного снижения уровня неприемлемого ущерба, в середине 70-х годов прошлого столетия исследователи пришли к окончательному пониманию того, что величина неприемлемого ущерба всегда будет неопределенной, поскольку зависит от исторических, экономических, социальных, психологических и других факторов, различных для всех государств, и предложили рассматривать в качестве задачи ядерного сдерживания примерный баланс потенциалов ответных ударов двух противостоящих ядерных государств – СССР и США.

Кроме того, в СССР считалось необходимым поддерживать примерный баланс сил в первом (разрушающем) и ответно-встречном ударах.

В условиях действия договорных ограничений между СССР и США, наряду с выполнением положений по сокращению СЯС до установленных уровней и вводу в боевой состав ядерной триады новых носителей и ракетных комплексов, в полной мере сохраняются требования к гарантированному ядерному сдерживанию, то есть к потенциалу ответного удара. На различных этапах и условиях договорных отношений, как показывают оценки, примерный баланс потенциалов ответных ударов сторон обеспечивается.

Как показали конкретные расчеты [5], при уровне стратегических вооружений, установленном Пражским договором (в СЯС сторон до 1550 боезарядов на 700 развернутых носителях), США могли бы планировать для разрушающего удара по российским стратегическим ядерным объектам около 900 боезарядов (80% МБР “Минитмен-3” и примерно 50% БРПЛ “Трайдент-2”). Из них для поражения находящихся на базах подводных ракетноносцев, аэродромов рассредоточения тяжелых бомбардировщиков и находящихся в стационарных укрытиях мобильных ракетных комплексов могут быть выделены до 100 боезарядов. Для поражения с приемлемой вероятностью всех шахтных пусковых установок необходимо планировать примерно 320–340 боезарядов. Следовательно, из 900 американских боезарядов разрушающего удара 460–480 боезарядов остаются для поражения мобильных ракетных комплексов на маршрутах боевого патрулирования. С учетом их высокой выживаемости в ответном ударе российских СЯС смогли бы участвовать выжившие мобильные и стационарные МБР РВСН и подводные ракетноносцы на боевом дежурстве в море. Как было показано ранее [5], общее количество боезарядов в ответном ударе составило бы 700–750 единиц. Подобный гипотетический сценарий делает полностью невозможным нанесение американского разрушающего удара без сокрушительного возмездия России.

Можно произвести аналогичные расчеты и для сценария, при котором будут осуществлены взаимные сокращения стратегических ядерных вооружений России и США до уровней 1000 боезарядов на 500 развернутых носителях. В этом случае для ответного удара российские СЯС использовали бы до 450 боезарядов, что также делает бессмысленным планирование безнаказанного американского разоружающего удара.

Необходимо подчеркнуть, что при сокращении СНВ России и США до уровня порядка 1000 боезарядов и рациональной структуре СЯС разоружающий удар вообще теряет всякий смысл, поскольку у стороны, подвергающейся нападению, остается больше ракет и боезарядов для ответного удара, чем у агрессора. Результаты оценки гипотетического сценария, при котором СЯС России нанесли бы разоружающий удар по стратегическим силам США, показывают, что как в условиях Пражского договора, так и при сокращении СНВ сторон на одну треть порядка 750 боезарядов в первом случае и 400 боезарядов во втором случае было бы доставлено на территорию России. Это свидетельствует о невозможности разоружающего удара и по США.

Таким образом, в условиях действия между Россией и США договорных отношений устойчивый стратегический баланс ядерного сдерживания обеспечивается в полной мере. При этом сокращение СНВ сторон до 1000 боезарядов на 500 развернутых носителях допускает для России значительную экономию затрат по сравнению с теми, которые необходимы для поддержания уровней вооружений, определенных Договором СНВ-3.

Очевидно, что следующий договор, как и ныне пока еще действующий, привел бы по существу к сокращению только ядерных сил США, поскольку Россия, начиная с Договора СНВ-1, затрачивает ресурсы на достижение договорных уровней только путем ввода новых стратегических систем взамен выводимых из боевого состава вооружений, выработавших эксплуатационный ресурс.

Все приведенные выше расчеты не учитывают возможности сторон по применению ответно-встречного удара, крайне рискованные решения по которому принимаются на основе информации от космических и наземных средств систем раннего предупреждения о ракетном ударе. Неприемлемость подобных рисков изложена ранее [6].

НОВЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В случае отсутствия договорных ограничений возможны как минимум два варианта развития ситуации. Первый – при отсутствии формальных ограничений на потолки стратегических вооружений стороны не станут стремиться к заметному наращиванию боезарядов и носителей, сосредоточившись в основном на совершенствовании отдельных образцов СНВ и разработке новых типов. Частичную замену подробной информации о состоянии СНВ, включая перемещения, вывод из боевого состава и ввод новых объектов, которая в условиях договорных отношений предоставлялась сторонами инспекциями и уведомлениями, могут обеспечить национальные космические средства разведки и мониторинга. Информацию в отношении ряда новых данных о процессах изменений СНВ США можно будет получать из открытых источников о проводимых разработках, испытаниях, финансировании и других действиях. В России многие подобные данные традиционно остаются закрытыми.

Тем не менее примерный баланс потенциалов ядерного сдерживания сохраняется. Второй вариант – США приступают к наращиванию своих СНВ, начиная с увеличения количества боезарядов на МБР “Минитмен-3” от одного до трех единиц и на БРПЛ “Трайдент-2” с четырех до восьми или до 12 единиц. Российские возможности в этом отношении существуют в ограниченных пределах. Баланс потенциалов ядерного сдерживания будет нарушен, однако, как показывают оценки, 300–350 боезарядов в СЯС России могут быть доставлены на территорию США в ответном ударе. Практически никакого влияния системы ПРО США или обсуждаемые периодически угрозы разоружающего удара высокоточными неядерными средствами на этот потенциал ответного удара не окажут.

Однако постоянное повторение неопровержимых результатов многочисленных расчетов независимых экспертов, свидетельствующих о невозможности создания системы ПРО для защиты территории США и России от массированного ракетного удара, и о том, что относительно плотной может быть противоракетная защита только от одиночных или нескольких атакующих ракет, так же, как и невозможность разоружающих ударов с применением неядерных высокоточных средств не препятствует политикам различного ранга периодически запугивать общественность воображаемой катастрофой. Все это способно привести к реальному возобновлению гонки ядерных вооружений со всеми крайне негативными последствиями для режима нераспространения ядерного оружия, его главной опоры – ДНЯО, для международной безопасности в целом.

Вместе с тем избежать развития событий по второму варианту можно было бы на начальном этапе при продлении Договора СНВ-3 на пять лет и в обозримой перспективе при заключении нового договора. Однако если абсурдная политика президента Д. Трампа и его администрации в сфере международной безопасности еще оставляет шансы продления Договора СНВ-3, то требования включить в новый договор КНР при их сохранении полностью исключают возможность новых соглашений по контролю над СНВ.

Изменения сложившейся обстановки могли бы произойти при смене администрации США. В расчете на подобные изменения можно рассматривать условия согласования новых договоренностей по ограничению СНВ, приводимые ниже.

НОВЫЕ ВООРУЖЕНИЯ РОССИИ. ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ПРИМЕНЕНИЯ СНВ

Из всех периодически декларируемых президентом В. Путиным новых образцов вооружений к стратегическим ядерным типам можно отнести МБР “Сармат”, ракетный комплекс “Авангард” с планирующим крылатым блоком, супер-торпеду (или атомный дрон) “Посейдон” и крылатую ракету неограниченной дальности полета “Буревестник” с ядерной энергетической установкой (ЯЭУ).

Первые два образца вполне вписываются в действующий Договор СНВ-3. МБР “Сармат” предназначены для замены в шахтных пусковых установках МБР “Воевода”, находящихся в боевом составе РВСН, комплекс “Авангард”, в котором в качестве разгонного блока планирующего крылатого блока используется МБР УР-100Н УТТХ, также размещается в шахтных пусковых установках МБР “Воевода”. Подтверждением того, что США и Россия согласовали включение “Авангарда” в рамки Договора СНВ-3, служит происшедший непосредственный осмотр на боевой позиции этого комплекса американскими инспекторами в соответствии с договорными процедурами.

Таким образом, ракетные комплексы “Сармат” и “Авангард” формально не препятствуют продлению Договора СНВ-3, как и переговорам по новому договору.

Другое дело – комплексы “Посейдон” и “Буревестник”. Их испытания находятся в начальной стадии и сроки возможного принятия на вооружение, скорее всего, будут за пределами времени действия продленного Договора СНВ-3. Но включение их в гипотетически возможный новый договор представляет крайне сложную проблему.

Договоры по СНВ предусматривали до настоящего времени одинаковые количественные потолки боезарядов и их носителей в ядерных триадах, состоящих из наземных МБР, морских БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков с бомбами и крылатыми ракетами. При этом структура триады каждой стороны по соотношению наземных, морских и авиационных систем всегда была различной. Включение российских комплексов “Посейдон” и “Буревестник” в следующий договор по СНВ гипотетически возможно при условии существования в США подобных систем или каких-либо других новых образцов, подлежащих контролю и не нарушающих общий баланс потенциалов сдерживания. На сегодняшний день достичь решения этой проблемы исключительно сложно, если вообще возможно.

Если для российского руководства важно заключить новый договор по СНВ с американцами, то целесообразно оценить вклад комплексов "Посейдон" и "Буревестник" в потенциал ядерного сдерживания с учетом того, что существующая и модернизируемая триада СЯС России в обозримой перспективе и без этих новейших комплексов обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание, на которое не способно повлиять ПРО и высокоточное неядерное оружие США.

Планами предусмотрено развернуть 32 суперторпеды "Посейдон" на четырех атомных подлодках типа "Белгород", одна из которых уже спущена на воду в Северодвинске в присутствии В. Путина. Идет сборка суперторпеды. Есть различные оценки ее возможностей с учетом диапазона скорости и глубины движения, набора американских антиторпед, систем обнаружения и других характеристик [7]. Наиболее развернутые оценки представлены в статье А. Тимохина «Атомный дрон "Посейдон": бесполезное сверхоружие» [8].

В качестве различных задач "Посейдона" с ядерным и обычным оснащением экспертами рассматривается возможность поражения американских авианосцев, двух военно-морских баз, где дислоцируются подводные ракетоносцы, прибрежной инфраструктуры и других ключевых объектов.

Подобные задачи требуют ответа на центральный вопрос: для каких сценариев обычной или ядерной войны возможно применение "Посейдона"? Если речь идет о широкомасштабной войне обычным оружием, то какая сторона первой способна ее начать – Россия или США? Очевидно, что ни та, ни другая: если агрессором выступают США, то в соответствии с Военной доктриной России они получают в ответ ядерный удар, а для России начинать такую войну – самоубийственное безумие.

Взаимное ядерное сдерживание базируется, как известно, на демонстрации потенциала гарантированного ответного удара как в условиях договорных отношений, так и при их отсутствии. Возможности удара возмездия при массированном ядерном нападении иллюстрируются выше оценками в разделе "Накопленный опыт". В отличие от таких сценариев периодически рассматриваются возможные варианты использования ограниченных ударов в целях деэскалации неядерного военного конфликта с применением нестратегического ядерного оружия (см., например, "Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности", утвержденной в 2017 г. [9]). Кроме того, что такая "ядерная деэскалация" противоречит условиям применения ядерного оружия, изложенным в Военной доктрине России, существует достаточно устойчивое убеждение, что ограниченный обмен ядерными ударами незамедлительно трансформируется в массированный. Правда, для сдерживания подобной деэскалации американцы оснастили несколько БРПЛ "Трайдент-2" ядерными зарядами малой мощности.

Теперь можно задать вопрос о месте "Посейдона" со сверхмощным ядерным оснащением в этих сценариях и целесообразности его применения. Ответный удар планируют нанести в течение ограниченного отрезка времени после завершения первого удара агрессора. Как отмечено выше, существующая и модернизируемая триада СЯС России в обозримой перспективе и без участия "Посейдона" обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

Тогда какова же цель его разработки, кроме демонстрации того, что Россия еще способна реанимировать давнюю идею академика А. Сахарова на новой технологической основе, с применением малогабаритных ЯЭУ, с новыми материалами? Одно из объяснений может состоять в том, что в некоторой перспективе американцы совершат колоссальный скачок в разработке и развертывании сплошной космической, воздушной, морской и наземной ПРО, реанимируя на новой технологической базе программу "Звездных войн", смогут надежно поражать не только российские стационарные, но и мобильные МБР, подводные ракетоносцы и тяжелые бомбардировщики. Тогда "Посейдон" станет последней системой ядерного сдерживания (если американцы не изобретут защиту от него). Однако такое развитие событий представляется крайне маловероятным. Если же "Посейдон" будет представлять серьезное препятствие для весьма желательных переговоров по новому договору СНВ и подтолкнет гонку ядерных вооружений, может быть целесообразно

заморозить дальнейшую его разработку и строительство подлодок типа “Белгород”, сохранив конструкторский и производственный задел на всякий случай.

Кроме сохранения средств, целесообразно также учитывать исторический опыт попыток создания новых систем без учета ответных действий оппонента. Например, во второй половине 1970-х годов стали разрабатывать орбитальные противоспутниковые станции “Каскад” и “Скиф” с ракетным и лазерным оружием. В 1985–1986 гг. предполагалось провести их испытания, однако от этого отказались не столько по технологическим и финансовым причинам, сколько по военно-политическим. Специалисты смогли убедить советское руководство в том, что вывод на орбиты и испытания подобных боевых космических систем вызовет такой мощный и непропорциональный ответ США в области боевого космоса, который станет крайне невыгоден СССР. Трудно прогнозировать, что американцы с их ресурсами способны создать в ответ на “Посейдоны”, но лучше не создавать для этого предпосылки.

Точно также ни в каком реальном сценарии никакого вклада в потенциал ядерного сдерживания России, обеспечиваемый имеющейся триадой СЯС, крылатая ракета “Буревестник” внести не сможет. При этом следует учитывать, что вероятность успешного полета крылатых ракет с гораздо меньшей продолжительностью движения заметно ниже по сравнению с образцами оружия в СЯС. Более ценным может быть опыт создания малогабаритных ядерных силовых установок в невоенных сферах.

* * *

Основные выводы предлагаемой статьи состоят в следующем.

1. В действующей до настоящего времени системе договорных отношений по контролю стратегических наступательных вооружений между Россией и США баланс ядерного сдерживания, то есть взаимная способность осуществить сопоставимый по эффективности ответный удар, сохраняется. Однако этот баланс может быть нарушен после окончания действия Договора СНВ-3 и отсутствия нового договора. Но и в этих условиях потенциал ядерного сдерживания России, как показывают приведенные результаты расчетов, останется на таком уровне, который исключает всякую мотивацию нападения на нее. Практически никакого влияния систем ПРО США или обсуждаемые периодически угрозы разоружающего удара высокоточными неядерными средствами на этот потенциал ответного удара не окажут.

2. При отсутствии договорных отношений, то есть формальных ограничений на потолки стратегических вооружений, вероятны варианты как без заметного наращивания сторонами боезарядов и носителей, ограничиваемые в основном совершенствованием отдельных образцов СНВ и разработкой новых типов, так и наращивание США своих СНВ, например, за счет увеличения количества боезарядов на МБР и на БРПЛ. Российские возможности в этом отношении существуют в ограниченных пределах. В подобном случае возникнут реальная угроза возобновления гонки ядерных вооружений и проблема устойчивости всего режима ядерного нераспространения.

3. Возможность избежать развития событий по угрожающему сценарию существует на начальном этапе при продлении Договора СНВ-3 на пять лет и в обозримой перспективе при заключении нового договора.

Однако при нынешней администрации США вероятность такого развития событий крайне низка. Варианты условий очередных договоренностей по ограничению СНВ целесообразно рассматривать на перспективу, для их обсуждения при возможной смене американского руководства.

4. Сценарии обмена ядерными ударами предусматривают нанесение ответного удара в течение ограниченного отрезка времени после завершения первого удара агрессора. Существующая и модернизируемая триада стратегических ядерных сил России в обозримой перспективе без участия декларируемых новейших систем вооружения типа “Посейдона” и “Буревестника” обеспечивает гарантированное ядерное сдерживание США.

5. Новые российские ракетные комплексы “Сармат” и “Авангард” формально не препятствуют продлению Договора СНВ-3, как и переговорам по новому договору. Однако включение комплексов “Посейдон” и “Буревестник” в гипотетически возможный новый договор проблематично. Кроме того, эти комплексы не вписываются в вероятные сценарии обмена ядерными ударами и в этом отношении представляются бесполезными.

Если эти новые системы будут препятствовать успеху переговоров по новому договору СНВ и подтолкнуть гонку ядерных вооружений, целесообразно заморозить их дальнейшую разработку, сохранив конструкторский и производственный задел на случай непредвиденных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дворкин В., Торбин В. О реальной достаточности обороны. *Московские новости*, 21.06.1989. [Dvorkin V., Torbin V. O real'noi dostatochnosti oborony [On the Real Sufficiency of Defense]. *Moskovskie novosti*, 21.06.1989].
2. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2. *Независимое военное обозрение*, 1997, № 3. [Dvorkin V.Z. Yadernoe sderzhivanie i Dogovor SNV-2 [Nuclear Deterrence and the START-2 Treaty]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 1997, no. 3.]
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., ред. *Россия и дилеммы ядерного разоружения*. Москва, ИМЭМО РАН, 2012. 290 с. [Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K., eds. *Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya* [Russia and the Dilemmas of Nuclear Disarmament]. Moscow, IMEMO RAN, 2012. 290 p.]
4. Буренок В., Печатнов Ю. Неприемлемый ущерб. *Независимое военное обозрение*, 08.02.2013. [Burenok V., Pechatnov Yu. Nepriemlemyi usherb [Unacceptable damage]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 08.02.2013].
5. Дворкин В.З. Россия и США: перспективы сокращения ядерных вооружений. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 4, сс. 24-30. [Dvorkin V.Z. Rossiya i SShA: perspektivy sokrashcheniya yadernykh vooruzhenii [Russia and the United States: Prospects for Reducing Nuclear Weapons]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, no. 4, pp. 24-30].
6. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание: концепции и риски. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 12, сс. 50-55. [Dvorkin V.Z. Yadernoe sderzhivanie: kontseptsii i riski [Nuclear Deterrence: Concepts and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 50-55]. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-50-55
7. Закваскин А. “Перехват практически невозможен”: какие преимущества получит ВМФ России с появлением “Посейдона”. *Russia Today*, 23.04.2019. [Zakvaskin A. “Perekhvat prakticheski nevozmozhen”: kakie preimushchestva poluchit VMF Rossii s poyavleniem “Poseidona” [“Interception Is Almost Impossible”: What Advantages Will the Russian Navy Get with the Appearance of “Poseidon”]. *Russia Today*, 23.04.2019]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/624281-poseidon-podlodka-yadernoe-oruzhie> (accessed 15.06.20).
8. Тимохин А. Атомный дрон “Посейдон”: бесполезное сверхоружие. *Военное обозрение*, 16.01.2019. [Timokhin A. Atomnyi dron “Poseidon”: bespoleznoe sverkhоружие [“Poseidon” Nuclear Drone: Useless Super Weapon]. *Voennoe obozrenie*, 16.01.2019]. Available at: <https://topwar.ru/152577-poseidon-bespoleznoe-sverhoruzhie-atomnyj-dron-ne-tak-uzh-i-polezen-dlja-strany.html> (accessed 15.06.20).
9. Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 “Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года” [Decree of the President of the Russian Federation Dated July 20, 2017 No. 327 “On Approving the Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Naval Activities for the Period up to 2030” (In Russ.)] Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/> (accessed 15.06.2020).

ON NUCLEAR DETERRANCE BALANCE AND SCENARIOS
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 55-62)**Received 17.06.2020.**Vladimir Z. DVORKIN (Vldvorkin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Scientific Foundation No. 18-18-00463.

The concept of mutual nuclear deterrence between the United States and the Soviet Union/Russia, which accompanied and outlasted the Cold War, is likely to remain in place in the foreseeable future. Up until now, the two states have been able to maintain the balance in their deterrence capabilities through a series of bilateral agreements; however, this balance can easily become upset if the New START Treaty expires and no follow-on agreement is reached. It can either cause the United States and Russia to focus on developing new types of strategic nuclear weapons and making qualitative improvements in the existing weapons systems instead of furiously building up their nuclear arsenals, or result in the United States increasing the number of its strategic nuclear weapons (for example, through multiplying warheads on their ICBMs and SLBMs). At the same time, Russian nuclear deterrence capabilities, according to the estimation results, will remain at the level that would rule out any incentives to launch a first strike against it.

The US anti-ballistic missile systems and high-precision conventional weapons would have little to no impact on Russia's second-strike nuclear capability. However, they will have the potential to set off a new nuclear arms race and destabilize the entire international nuclear nonproliferation regime. It might be possible to avoid the worst-case scenario by extending the New START Treaty and starting negotiations on a follow-on treaty in the near future; however, while US President Donald Trump and his administration's international security policy leaves open some possibility for New START extension and negotiations of new strategic arms control agreements, their persistent demands to include China in the talks to replace New START effectively nips this possibility in the bud.

The current situation might evolve as a result of a change in the US administration. In such case, various conditions for strategic arms control negotiations could be considered.

The emergence of Russian missile systems Sarmat and Avangard does not technically serve as a limiting factor for the extension of the New START, as well as for negotiations on a follow-on treaty. On the other hand, the inclusion of Poseidon and Burevestnik systems in a new arms control treaty shall present a daunting challenge.

Scenarios for a nuclear exchange are based on the idea that a retaliatory strike is launched within a very short time after the first strike is carried out by an aggressor. The Russian triad of strategic nuclear forces, the way it exists now and after its modernization, is and will be able to provide assured nuclear deterrence against the United States without the help of new weapons systems such as Poseidon and Burevestnik. These weapon systems do not fit into plausible nuclear exchange scenarios, and therefore provide no valuable contribution to them.

If these new systems present obstacles to the successful negotiation of a follow-on START treaty and create a risk of a nuclear arms race, it will be appropriate to freeze their further development, while also maintaining the groundwork that has been laid for their research and production for contingency reasons.

Keywords: unacceptable damage, nuclear deterrence potential, Strategic Arms Reduction Treaties, balance of deterrent capabilities, strategic nuclear forces, new weapons.

About the author:

Vladimir Z. DVORKIN, Professor, Doct. Sci. (Technology), Principal Researcher, Sector of Military-Political Analysis and Research Projects, Center of International Security.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-55-62

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АВСТРАЛИИ:
СРЕДНЯЯ ДЕРЖАВА В ВЫСОКОКОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ**

© АЛЕШИН А.А., 2020

АЛЕШИН Александр Андреевич, младший научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298.

Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 63-75.
DOI: 10.20542/afj-2020-2-63-75

DOI: 10.20542/afj-2020-2-63-75

УДК: 327(94)

Статья поступила в редакцию 30.04.2020.

На основании теоретических разработок представителей политического реализма выявляются модели внешнеполитического поведения Австралии как средней державы. Усиливающаяся геополитическая конкуренция великих держав вынуждает Австралию сместить фокус внимания на Индо-Тихоокеанский регион. В ответ на экономическую и военно-политическую экспансию Китая и относительное ослабление позиций США Австралия стремится сохранить свое влияние в Океании, балансировать Китай, сближаясь с государствами – членами АСЕАН, принимая участие в Четырехстороннем диалоге по безопасности (*Quad*), но сохраняя одновременно сотрудничество с КНР. Анализ системы союзов и договоров Австралии позволяет говорить о диверсификации ее внешней политики и стремлении соблюдать баланс сил в регионе.

Ключевые слова: стратегия внешней политики Австралии, Океания, безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе, средняя держава, политический реализм, теория международных отношений.

Внешнеполитическая стратегия Австралии обусловлена динамично меняющейся внешнеполитической и экономической средой. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является быстро развивающимся: в нем находится половина государств "Группы двадцати", в 2019 г. экспорт стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества составил почти половину мирового экспорта (9.4 трлн из 18.9 трлн долл. США) [1]. В АТР и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) находится шесть ядерных держав, восемь стран из 15 с наибольшими в мире расходами на оборону [2, р. 2], 11 из 20 крупнейших импортеров вооружений [3, р. 6], шесть из 10 государств с мощнейшими армиями [4].

Как следствие динамичного экономического и военного развития в этой части мира наблюдается усиление конкуренции между государствами и рост конфликтности. Осью системы международных отношений в регионе в последнее десятилетие стало американо-китайское соперничество за экономическое, политическое и военное превосходство. Стратегическое значение приобрели морские и наземные торговые пути и ключевые торговые порты, используемые Китаем для развития проекта "Пояс и путь". В этой связи региональные акторы стремятся получить контроль над стратегически важными проливами и целыми районами. В регионе имеют место конфликты из-за морского и воздушного пространств, несущие, в частности, угрозы судоходству. Среди наиболее серьезных – территориальные споры целого ряда стран из-за островов Спратли, между КНР и Японией из-за островов Сенкаку,

противоречия между КНДР с одной стороны и Республикой Корея и ее союзником США, с другой, индо-пакистанский конфликт, милитаризация Южно-Китайского моря. Большие опасения вызывает присутствие значительных вооруженных сил двух сильнейших противостоящих друг другу держав – Китая и США. Важнейшим фактором, влияющим на стратегический динамизм, является глобальный проект КНР. В его рамках китайские инвесторы увеличивают свою долю на региональных рынках, приобретая и политическое влияние.

В такой нестабильной среде Австралия вынуждена перестраивать внешнеполитическую стратегию, десятилетиями основанную на второстепенности Азии в мировой политике и безусловном лидерстве главного союзника – Соединенных Штатов. В условиях усиления геополитического и экономического противостояния в регионе между ведущими державами – США, КНР, Индией, Японией, Индонезией – Австралия, будучи средней державой, ищет свое место между ними. В этой связи и вследствие ограниченности ресурсов, фокус ее внимания смещается с глобальных интересов в сторону региональных.

Задача данного исследования – рассмотреть внешнеполитическую стратегию Австралии на современном этапе, выделить в ней ключевые направления и на ее примере дать характеристику политике средней державы в высококонкурентной международной среде.

В исследовании использован дискурс-анализ для анализа изменений политического дискурса, а также контент-анализ для исследования стратегических документов. Основой работы послужил системно-исторический подход.

Фундамент источниковой базы исследования составили официальные стратегические документы правительства Австралии, среди которых “Сильная и защищенная: стратегия национальной безопасности Австралии” 2013 г. [5], Белая книга обороны 2016 г. [6], Белая книга внешней политики 2017 г. [7], предвыборные программы ведущих политических партий 2019 г. – Либеральной, Национальной и Лейбористской, а также выступления и заявления членов правительства.

СРЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Термин “средняя держава” определяет статус государства в качестве актора международных отношений. Он обозначает страны, равноудаленные как от великих, так и от малых держав. Однако концептуализация статуса “средняя держава” представляется проблематичной: среди исследователей не существует единого подхода ни к определению самого термина, ни к критериям средней державы.

По мнению представителей реализма, под средними державами подразумеваются государства со средними значениями ВВП и совокупной военной мощи. Сторонники либеральной теории считают определяющими соответствующее поведение страны на международной арене – следование принципам дипломатии средней державы, а также тип политической системы [8, с. 173]. С точки зрения конструктивизма, имеет значение признание за страной статуса средней державы другими государствами, а также самопозиционирование средних держав. В марксистской теории аналогом средних держав могут послужить, в соответствии с классификацией И.М. Валлерстайна, государства “полупериферии”, состоящие в экономических отношениях со странами “центра” – в качестве эксплуатируемых, и со странами “периферии” – в качестве эксплуататоров.

Учитывая разницу подходов, можно констатировать наличие различных инструментов для классификации государств на малые, средние и великие державы (а также сверхдержавы). Исследователи выделяют три базовые модели такой классификации: иерархическая (позиционная), нормативная (функциональная) и поведенческая [8; 9]. В иерархической модели рассматриваются, в основном, подсчитываемые показатели, такие как ВВП, военная мощь, численность населения и др. Нормативная модель берет в расчет политическую культуру, регулятивные аспекты дипломатии, отношение других международных акторов, определяя степень вовлеченности государства в международные процессы, его национальные интересы и способность оказывать влияние в соответствии с ними. В поведенческой модели для

средней державы характерно соответствующее позиционирование себя в мировой политике, определенное внешнеполитическое кредо: стремление к многосторонним решениям международных проблем, компромиссные позиции, использование принципа “хорошего международного гражданства” (*Good international citizenship*), означающего лояльность установившимся в мировой политике правилам и выполнение международных обязательств [9, p. 75].

Ни одна из трех моделей не является универсальной и объективной. В иерархической показатели не связаны друг с другом, из-за чего сложно сравнивать разные государства. Нормативная модель субъективна, показатели в ней размыты и трудноизмеримы. Поведенческая построена на анализе общепризнанных средних держав, при этом не ясно, как их охарактеризовать при изменении внешнеполитического поведения. Многие исследователи сходятся на том, что лишь сочетание всех трех моделей наиболее объективно. Однако их баланс зависит от целей и задач исследования.

Австралия – одна из общепризнанных средних держав. Сами австралийские политики неоднократно высказывали соответствующие суждения, начиная с 1940-х годов [10, p. 70]. Лишь правительство премьер-министра Джона Говарда, возглавлявшего правящую Либеральную партию с 1996 по 2007 г., стремилось избежать термина “средняя держава”, заменив его на “ведущая держава” [8, с. 175]. Однако сменившее его правительство лейбористов под руководством Кевина Радда (2007–2010 гг., 2013 г.) и Джулии Гиллард (2010–2013 гг.) вновь вернуло его в обиход, говоря о дипломатии средней державы [11]. Действующий премьер-министр (с 2018 г.) и лидер Либеральной партии Скотт Моррисон разделяют такой подход к внешнеполитическому позиционированию Австралии [12]. Сегодня можно говорить о единстве в данном вопросе среди ведущих политических партий страны – Лейбористской, Либеральной и Национальной.

В научном сообществе также существует консенсус. В последнее десятилетие целый ряд авторов рассматривали “среднедержавность” Австралии [10; 11; 13; 14; 15]. Среди недавних работ примечательны две. Первая – исследование, выпущенное голландским Институтом международных отношений Клингендал (*Instituut Clingendael*) в конце 2019 г. [16] Его авторы анализируют все государства мира, используя вышеназванные модели. Австралия входит в группу средних держав по следующим группам критериев: численность населения, экономическая и военная мощь (иерархическая модель); размер дипломатической сети и членство в ключевых международных организациях (нормативная модель); приверженность глобальному развитию и соблюдению прав человека (поведенческая модель). Также Австралия была отнесена к четырем группам средних держав (из шести), вносящих значительный вклад в мировое развитие, а именно преуспевающих в сферах миротворчества, гуманитарной помощи, выполнения обязательств по проблемам беженцев, предотвращения конфликтов дипломатическими методами.

Вторая примечательная работа – исследование сотрудника Австралийского национального университета Эндрю Карра, опубликованное в сентябре 2019 г. Французским институтом международных отношений (*Institut Français des Relations Internationales, IFRI*) под названием “Больше не средняя держава. Стратегия Австралии в 21 веке” [17]. Автор утверждает, что сегодня внешнеполитическая и военная стратегии страны претерпевают изменения, а именно внимание концентрируется на “внутреннем кольце” – южной части Тихого океана (ЮТР – Южно-Тихоокеанский регион) и морском регионе Юго-Восточной Азии, и ослабляется на “внешнем” – ИТР целиком и остальном мире. По его мнению, это – свидетельство трансформации Австралии из средней в региональную державу. Называя данные изменения “нормализацией подхода к миру”, исследователь усматривает их причины в усилении конкуренции великих держав в Азии и Океании и в необходимости для Австралии балансирования между Китаем и США посредством схем торгового и стратегического партнерства в регионе.

Для анализа внешнеполитической стратегии Австралии как средней державы необходима концептуализация внешнеполитического поведения средних держав вообще. Реалистская теория международных отношений предлагает наиболее разработанный подход к классификации поведенческих моделей средних держав, выделяя две – политики балансирования и примыкания. Первая предполагает сдерживание сильного оппонента

путем противопоставления ему политических, военных или экономических инструментов, механизмов или организаций, а вторая – сближение с ним. После окончания холодной войны и ослабления военно-стратегического противостояния великих держав малые и средние державы получили больше возможностей балансирования внешних угроз и выгодного примыкания, использования различных инструментов международного права и институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их в военном и экономическом плане игроков [18, с. 90].

В соответствии с теорией баланса угроз Стивена Уолта, балансирование – это создание альянса против источника угрозы, а примыкание – сближение с таковым [19]. Рэндалл Швеллер выделил четыре типа балансирования: собственно балансирование (создание противовеса государству-угрозе), сверхбалансирование (для повышения государством своей безопасности), небалансирование (пассивная дипломатия, а также примыкание) и недобалансирование (неэффективное балансирование либо бездействие) [20]. В своем исследовании мы постараемся выявить вышеназванные модели поведения Австралии как средней державы.

“ВНЕШНЕЕ КОЛЬЦО”

Австралия является развитым государством, 13-м в мире по размеру ВВП (в 2018 г.) [21] и расходам на оборону [2], четвертым в мире импортером вооружений [3], членом “Группы двадцати”, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и других международных объединений. Вследствие исторической культурной близости с англосаксонскими странами она состоит в тесных экономических и политических отношениях с англоговорящими государствами, в первую очередь, с Соединенным Королевством, США, Новой Зеландией и Канадой. В этой связи закономерен ее статус военного союзника США, что подтверждается как двусторонними, так и многосторонними договорами и соглашениями в сфере безопасности.

Основными задачами национальной безопасности Австралии, согласно государственной доктрине, признаются защита и усиление суверенитета страны; безопасность и “стрессоустойчивость” населения; защита активов, инфраструктуры и институтов; развитие благоприятной для Австралии международной среды. Главные риски – шпионаж и иностранное вмешательство, нестабильность в развивающихся и слабых государствах, киберпреступность, распространение оружия массового уничтожения, организованная преступность, влияющие на интересы Австралии межгосударственные конфликты, терроризм [5]. Кроме этого, к основным факторам, которые будут влиять на внешнюю стратегическую среду до 2035 г., относятся отношения США и Китая, вызовы стабильности основанного на правилах миропорядка, усиление конкуренции великих держав, совершенствование военных технологий [6, pp. 40-41].

Правительство выделяет пять внешнеполитических задач. Первая – открытость и процветание Индо-Тихоокеанского региона, в котором соблюдаются права всех государств. Вторая – получение больших выгод для австралийского бизнеса во всем мире и противодействие протекционизму. Третья – защита австралийцев от угрозы терроризма. Четвертая – продвижение и защита международных правил, способствующих стабильности и процветанию и позволяющих государствам объединяться для противостояния глобальным угрозам. Пятая – “стрессоустойчивость” ЮТР и Восточного Тимора [7, р. 3].

Для решения этих задач Австралия стремится к кооперации со своими глобальными союзниками как на двусторонней основе, так и в международных организациях. Среди них – США, Великобритания, Европейский союз, Япония, Канада и Новая Зеландия. Австралия сотрудничает с НАТО, солидарна со своими союзниками в отношении России. Взаимодействие со странами Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки имеет большое значение в контексте укрепления многосторонности в международных отношениях [7, pp. 80-81].

В Белой книге внешней политики в качестве главной долгосрочной цели указывается обеспечение мирного развития ИТР без размывания существующих основополагающих принципов сотрудничества [7, р. 37]. При этом отмечается, что стратегический ландшафт Азии

трансформируется под влиянием стремительного экономического роста. С точки зрения правительства Австралии, будущий баланс сил в регионе зависит, в первую очередь, от стратегических устремлений США и Китая, во вторую очередь – от политики Японии и Индии, в третью – от внешнеполитических намерений достаточно влиятельных государств Юго-Восточной Азии, таких как Индонезия и Вьетнам.

Как развитая торговая экономика Австралия стремится к открытости рынков и к коммерческим отношениям, основанным на международных правилах, в первую очередь – условиях ВТО. Приоритетной считается поддержка следующих тенденций в ИТР: диалога и сотрудничества между государствами, разрешения споров в соответствии с международным правом, без применения силы или принуждения; развития открытости рынков; инклюзивности экономической интеграции и ее открытости для всех стран региона; соблюдения свободы навигации и полетов, защиты прав малых государств; глубокого вовлечения США в региональную экономику и безопасность, их участия в формировании региональных институтов и норм; признание ведущей роли Китая в укреплении регионального порядка, основанного на вышеперечисленных принципах [7, p. 38].

Использование региональными акторами экономического влияния в собственных стратегических целях противоречит интересам Австралии. В Белой книге внешней политики делается вывод о том, что торговля и инвестиции, которые в прошлом способствовали ограничению стратегического соперничества, теперь стимулируют его, что опосредованно ведет к милитаризации региона [7, p. 27].

Ключевым региональным конфликтом является противостояние США и Китая. Обострение их конкуренции представляет серьезную угрозу стабильности в этой части света. КНР все активнее претендует на роль не просто региональной, а супердержавы. Китай – важнейший торговый партнер и инвестор для большинства государств Индо-Тихоокеанского региона. Рост его политического и экономического влияния, а также увеличение и военно-техническое укрепление китайских вооруженных сил ведут к усилению и усложнению конкуренции. В ряде частей ИТР влияние и мощь КНР уже соизмерима или даже превосходит США. Несмотря на это политическое руководство в Канберре уверено, что Вашингтон в обозримом будущем сохранит свое глобальное лидерство, подкрепленное “жесткой” и “мягкой” силой, а долгосрочные интересы США будут способствовать стабилизации в ИТР, в частности, благодаря прочным военным альянсам с Японией, Южной Кореей и Австралией [7, pp. 25-27].

Союз с Соединенными Штатами принципиально важен для австралийской экономики, безопасности и обороны. В 2019 г. США заняли пятое место по экспорту Австралии и второе – по импорту. Товарооборот составил 35.1 млрд долл. США, увеличившись за 10 лет на 4.1 млрд [22]¹. Американцы обеспечивают 25% прямых иностранных инвестиций в Австралии, занимая по этому показателю первое место. Обе страны являются членами договора о коллективной безопасности АНЗЮС², разведывательного альянса “Пять глаз”³ а также Четырехстороннего диалога по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*)⁴. Ежегодно проводятся двусторонние министерские консультации *AUSMIN*. Вооруженные силы Австралии принимали участие в операциях США в Ираке и Афганистане. Между партнерами действует Соглашение о положении силы (*Force Posture Agreement*), по которому военнослужащие армии США проходят службу в Австралии. Стороны организуют ежегодные совместные учения с участием союзников *Talisman Sabre*. В соответствии с Договором о сотрудничестве в области торговли вооружениями активное взаимодействие ведут оборонные предприятия обеих стран [6, pp. 121-124]. Помимо Австралии, США поддерживает союзные отношения с рядом других государств в ИТР, в том числе Японией и Республикой Корея. В результате

¹ Здесь и далее статистика торговли взята с сайта *International Trade Centre*. Данные обновляются, дата обращения автора – 28.04.2020.

² *ANZUS* или Тихоокеанский пакт безопасности – военный союз Австралии, Новой Зеландии и США.

³ *Five Eyes* – разведывательный альянс специальных служб пяти государств: Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии и США.

⁴ *Quadrilateral Security Dialogue* – международный стратегический диалог в формате регулярных встреч по проблематике безопасности. Включает Австралию, Индию, США и Японию.

“создана сеть альянсов, играющая значительную роль в региональной безопасности” [7, р. 39]. Укрепляется и трехстороннее сотрудничество с Японией. Перечисленные факторы делают США не только главным союзником Австралии, но и гарантом ее безопасности. Этим объясняется солидарность Канберры с Вашингтоном по большинству международных вопросов.

Однако между сторонами существуют и противоречия. Так, в 2017 г. США вышли из Транстихоокеанского партнерства⁵. Напористая антикитайская политика администрации президента Дональда Трампа и ослабление позиций США в ИТР в связи с усилением КНР создают для Австралии необходимость коррекции внешнеполитического курса [23].

Япония считается “особым стратегическим партнером” Австралии. В 2019 г. она заняла второе место по экспорту Австралии и третье по импорту. Товарооборот составил 39.4 млрд долл. США, уменьшившись за 10 лет на 3.2 млрд. Страны сотрудничают в рамках единой зоны свободной торговли. Оба государства разделяют универсальные демократические ценности, выступают за открытую региональную экономику и верховенство закона, их также роднит стратегический союз с США. Австралия и Япония взаимодействуют по таким вопросам, как борьба с организованной преступностью, терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, решение гуманитарных проблем, морская и воздушная безопасность, охрана границ, разработка вооружений. В соответствии с Совместной декларацией о сотрудничестве в области безопасности 2007 г. (*Joint Declaration on Security Cooperation*) страны организуют совместные учения, обмен специалистами, ведут диалог по обороне и международным делам в формате “2 + 2” (министры обороны и иностранных дел), а также укрепляют трехсторонние сотрудничества с США и Индией [7, р. 41]. Несмотря на активные двухсторонние контакты, ключевую роль в военно-стратегическом взаимодействии Австралии и Японии играют их двухсторонние и трехсторонние отношения с США.

Индия является доминирующей морской державой в Индийском океане и играет значительную роль в морской безопасности, стабильности и противодействии терроризму в ИТР, что совпадает с интересами Австралии. В 2019 г. она заняла шестое место по экспорту Австралии и 16 место по импорту. Товарооборот составил 12.2 млрд долл. США, сократившись за 10 лет на 4.8 млрд. Двусторонняя торговля сталкивается с рядом препятствий, в первую очередь, правового характера. Много лет Индия стремилась инициировать переговоры о закупках австралийского урана, в итоге начавшиеся в 2017 г. Стороны до сих пор не пришли к единой позиции о будущей зоне свободной торговли. Индийским интересам противоречит развитие торговых отношений Австралии с Пакистаном, товарооборот между которыми вырос за 10 лет в 1.4 раза (с Индией же уменьшился в 1.4 раза), составив, однако, всего 0.7 млрд долл. США. Индия отказала Австралии в участии в учениях *Malabar 2018*, в которых Австралия участвовала в 2007 г., из-за китайских опасений возникновения “антикитайской коалиции” [24].

Тем не менее обе страны придерживаются демократических ценностей, имеют контакты в сфере образования, в Австралии проживает большая индийская диаспора. В 2014 г. между Австралией и Индией было заключено Рамочное соглашение по сотрудничеству и безопасности (*Framework for Security Cooperation*) в соответствии с которым раз в два года проводятся морские учения *AUSINDEX*, ведется сотрудничество в области морской безопасности, борьбы с терроризмом, разработки военных технологий [6, pp. 134-135]. С 2017 г. практикуются встречи по вопросам обороны в формате 2+2. Также укрепляется трехстороннее сотрудничество с Японией. Важным инструментом для повышения стабильности в регионе и достижения Австралией своих внешнеполитических целей стал упомянутый выше Четырехсторонний диалог по безопасности – неформальный стратегический диалог между Австралией, США, Японией и Индией, укрепляющий совместный военный потенциал. *Quad* был инициирован в 2007 г., однако приостановлен в 2008 г. после выхода из него Австралии (о причинах этого временного разрыва – ниже). Параллельно с диалогом проводились военные учения “Малабар”, и Австралия не принимала в них участия с момента выхода из *Quad*. В 2017 г. диалог был возобновлен, и с тех пор состоялось пять встреч. Согласно прогнозу динамики ВВП стран – участниц *Quad*, который представлен в

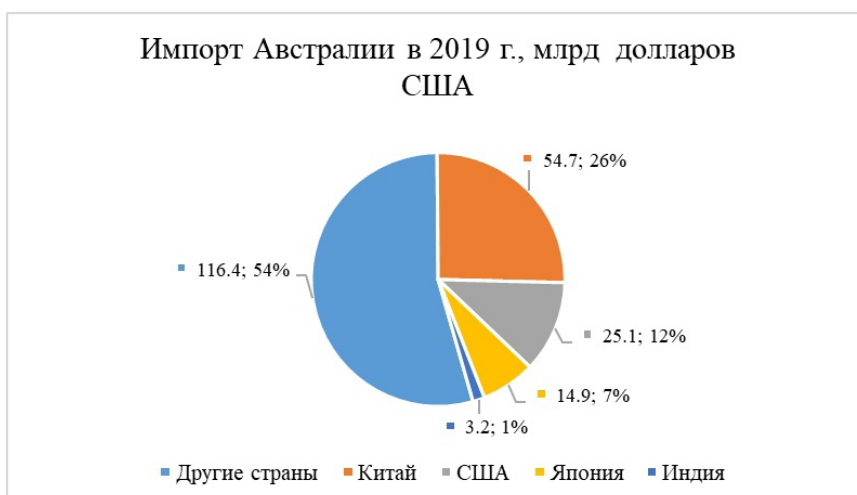
⁵ Преференциальное торговое соглашение между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

австралийской Белой книге внешней политики, объединенные экономические потенциалы четырех стран к 2030 г. на 10.5 трлн долл. США превысят ВВП Китая. Важным шагом стало подписание в 2018 г. соглашения о трехстороннем инфраструктурном сотрудничестве между Австралией, США и Японией (*Commitment to Indo-Pacific Infrastructure Development*). Оно позволило концентрировать и направлять инвестиции в сферы энергетики, транспорта, туризма и технологий. Несмотря на учреждение относительно небольшого инвестиционного фонда — 113 млн долл. США (для сравнения: рост расходов Китая на инициативу “Один пояс, один путь” в ближайшее десятилетие прогнозируется до 1.3 трлн долл.), у этого партнерства есть потенциал для развития [25].

По мнению многих аналитиков, главной, но не декларируемой открыто задачей *Quad* является создание противовеса Китаю. Однако исследование, опубликованное 16 марта 2020 г. американским Центром стратегических и международных исследований (*Center for strategic and international studies, CSIS*), показало неготовность политических элит государств – участников *Quad* к созданию постоянной общей военной группировки и секретариата. При этом поддержкой пользуются встречи лидеров на высшем уровне и координация региональной помощи в области экономики и развития [26, р. 2]. Данные опроса австралийских политических элит показали солидарность с союзниками по последним двум пунктам и несовпадение по первым двум. В частности, австралийцы, скорее, поддерживают создание секретариата *Quad* и заняли срединную позицию по вопросу создания постоянной общей военной группировки под единым командованием [26, pp. 5-6].

Отношения Австралии с Китаем складываются неоднозначно, что также свидетельствует о неопределенности положения страны-континента в регионе. В Белой книге внешней политики отмечено, что КНР способна оказывать влияние практически на все внешнеполитические и внешнеэкономические интересы Австралии. Китай в 2019 г. занял первое место по экспорту Австралии (33%) и первое по импорту (26%). Товарооборот составил 144 млрд долл. США, увеличившись за 10 лет в 1.6 раза или на 52 млрд. Между странами существуют соглашения о свободной торговле и о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Стороны тесно сотрудничают по вопросам борьбы с транснациональной преступностью, в сферах научных связей, студенческого обмена, туризма, миграции [7, р. 40]. Австралия является одним из учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Сторонами создан ежегодный Стратегический диалог по обороне (*Defence Strategic Dialogue*), происходят обмены специалистами, обсуждения стратегической политики, практические занятия военных, участие в контроле за морским судоходством, обсуждение проблем поддержания мира в регионе. С участием США в Австралии ежегодно проводятся трехсторонние военные учения “Ковари” [6, р. 133]. Австралия стремится продолжать сотрудничество с Китаем, начиная с вопросов энергетики и заканчивая правоохранительной деятельностью и безопасностью, а также развивать сеть министерских и других диалогов высокого уровня и использовать соглашение о свободной торговле для расширения возможностей бизнеса [7, р. 40].

Рисунок 1. Торговля Австралии со странами *Quad*, Китаем и остальным миром

Источник: составлено автором по данным: [22].

В 2008 г. Австралия выходила из формата *Quad* именно из-за опасения ухудшения отношений с Китаем. Избранный уже после учреждения *Quad* премьер-министр Кевин Радд стремился к перезагрузке отношений с Пекином. Он усмотрел перспективу превращения Австралии в посредника между Китаем и США путем налаживания партнерских связей с обеими странами. В действительности, влияние китайской экономики на Австралию является наибольшим среди стран четверки (рис. 1). Можно говорить даже о зависимости Австралии от экспорта в КНР, которая и делает нежелательным политическое охлаждение.

Однако в отношениях Австралии с Китаем существуют противоречия, которые после 2008 г. только нарастали. Все большее влияние на внутреннюю политику Австралии стали оказывать обучающиеся там китайские студенты и китайские спонсоры, входящие в контакт с местными политическими партиями [27]. В Белой книге внешней политики отражена негативная позиция по поводу китайского строительства в Южно-Китайском море. Это, а также намеки на нарушение Китаем международного права, вызвали недовольство у представителей КНР [28]. Об идеологических расхождениях двух стран высказалась в марте 2017 г. тогдашний министр иностранных дел Австралии Джулия Бишоп, заявив, что Китай – недемократическая страна, и поэтому нельзя ожидать от него разрешения внешнеполитических проблем в соответствии с международным правом [29]. Австралия опасается и китайского присутствия на юге Тихого океана. Также важно отметить, что с 2008 г. экономическая зависимость Австралии от Китая продолжала расти.

Четырехсторонний диалог по безопасности может помочь Австралии решить несколько политических проблем во “внешнем кольце”, учитывая первостепенность ИТР для ее стратегии. Во-первых, риторика *Quad* соответствует австралийскому видению проблем региона и способствует укреплению международного права, морской безопасности и противодействия терроризму, в особенности в Южно-Китайском море. Во-вторых, *Quad* поможет усилить в регионе влияние США, будущее которого стало неопределенным. В-третьих, *Quad* содействует углублению связей с Индией, чей растущий экономический потенциал позитивно отражается на диверсификации австралийской торговли и ведет к снижению зависимости от Китая. В-четвертых, в составе *Quad* Австралия может способствовать развитию инфраструктурных и инвестиционных проектов в ЮТР, например, в рамках или по аналогии с японской Стратегией свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (*Free and Open Indo-Pacific*), и создавать при этом более тесные связи между государствами [30].

Австралия не готова идти на провокации по отношению к Китаю или на открытую конфронтацию с ним. Среди австралийских политиков ведутся серьезные споры по поводу целесообразности участия в *Quad*. Много зависит и от позиций других союзников, в первую очередь от США. При этом в случае развития невоенного сотрудничества членов диалога Австралия получит неперенные экономические и политические выгоды от *Quad*, а ее подход к формату станет менее осторожным.

“ВНУТРЕННЕЕ КОЛЬЦО”

В условиях высококонкурентной международной среды и роста противоречий в АТР Австралия стремится к достижению роли регионального лидера в ЮТР. Важное значение здесь играют взаимоотношения с государствами – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Новой Зеландией, а также позиции в Океании.

Австралия претендует на позиции ведущего и стратегического партнера АСЕАН и ее членов в сферах экономики и развития. Ее товарооборот с участниками ассоциации составил в 2019 г. 56.3 млрд долл. США, сократившись за 10 лет на 2.4 млрд. Австралия занимает седьмое место по импорту и экспорту для объединения среди третьих государств. Стороны заинтересованы в развитии Всестороннего регионального экономического партнерства⁶ – крупной зоны свободной торговли в регионе, переговоры о создании которой ведутся с 2012 г. Австралия является участницей Восточноазиатского саммита, Совещания министров обороны АСЕАН+8. Между сторонами заключено соглашение о стратегическом партнерстве, раз в два года проводятся саммиты на уровне глав государств и правительств. Сегодня в диалоге с АСЕАН Австралия позиционирует себя в качестве движущей силы “высококачественного и всеобъемлющего” торгово-инвестиционного сотрудничества в АТР [31, с. 82]. Нейтральная повестка многостороннего диалога как основа заседаний АСЕАНцентричных диалоговых площадок является одним из ключевых механизмов, позволяющих ей удерживать свою политику от сильного крена в сторону США в ущерб сотрудничеству с Китаем [31, с. 86].

Главными партнерами Австралии в АСЕАН выступают Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Филиппины. С Индонезией заключено Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement*, 2019 г.), Соглашение об оборонительной кооперации (*Cooperation Agreement*, 2012 г.), Договор о взаимодействии в разведывательной сфере (*Joint Understanding on a Code of Conduct*, 2014 г.). Стороны проводят встречи министров обороны и иностранных дел в формате 2+2 и диалоги представителей вооруженных сил на разных уровнях.

Сингапур и Малайзия являются членами Оборонительного соглашения пяти держав (*Five Power Defence Arrangements*)⁷. С Сингапуром у Австралии существует Всеобъемлющее стратегическое партнерство (*Comprehensive Strategic Partnership*, 2015 г.), а с Малайзией подписана Совместная декларация по стратегическому партнерству (*Joint Declaration of Strategic Partnership*, 2015 г.) [6, pp. 125-131].

Глубокие экономические, политические и оборонительные связи Австралия поддерживает с Новой Зеландией, которая, как и сама Австралия, в прошлом была британской колонией, а сейчас входит в Содружество. Их сближает культурная общность и схожие внешнеполитические интересы. В импорте и экспорте Новой Зеландии Австралия занимает второе место после Китая. Обестраны являются членами зоны свободной торговли AANZFTA⁸, Всестороннего регионального экономического партнерства, Тихоокеанского соглашения о близком экономическом партнерстве плюс⁹, Транстихоокеанского партнерства, Совещания министров обороны АСЕАН+8, Оборонительного соглашения пяти держав, состоят в союзнических отношениях с США, будучи членами договора АНЗЮС и альянса “Пять глаз”. Два государства совместно участвовали в операциях в Ираке, на Соломоновых островах и гуманитарных миссиях.

Стабильность и процветание островных государств ЮТР и Восточного Тимора имеют стратегическое значение для Австралии, защиты ее северной границы и исключительной экономической зоны. Три приоритета страны в субрегионе: развитие экономической кооперации и интеграции как между островными государствами ЮТР, так и вместе с

⁶ Участники Всестороннего регионального экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*): государства – члены АСЕАН, Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония.

⁷ Пакет оборонных соглашений Австралии, Великобритании, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура.

⁸ Включает страны АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию.

⁹ PACER, включает Австралию, Новую Зеландию, Тихоокеанские островные государства.

Австралией и Новой Зеландией; противостояние вызовам безопасности с акцентом на проблемах на морях; укрепление связей между людьми, их профессиональных и лидерских качеств [7, р. 99].

Австралия стремится играть ведущую роль в субрегионе, контролировать происходящие в нем процессы. В Белой книге внешней политики, в частности, сказано, что Австралия будет привлекать внешних партнеров и побуждать их работать для укрепления сотрудничества, строительства устойчивой экономики и поддержания стабильности в регионе; поощрять ответственное кредитование и соблюдение приоритетов, определенных региональными правительствами и Форумом тихоокеанских островов (ФТО) [7, р. 100].

Для влияния на государства ЮТР Австралия использует экономические, политические и военные инструменты. К первым относится работа в рамках Форума тихоокеанских островов, двусторонние соглашения с государствами, многостороннее участие в гуманитарных миссиях или полицейских операциях (например, полицейской части Миссии региональной поддержки Соломоновых островов¹⁰), образовательные программы и обмен опытом государственного управления. Ко вторым – финансовая помощь, инвестиции, Тихоокеанское соглашение о близком экономическом партнерстве плюс, Тихоокеанская схема труда¹¹ и другие программы. Военные инструменты основываются на работе ФТО и встречах министров обороны ЮТР и реализуются в Программе оборонительного сотрудничества, Программе тихоокеанских патрульных кораблей, межправительственных договоренностях и многосторонних военных операциях. Однако сегодняшний подход Канберры к государствам ЮТР недостаточно эффективен. По мнению австралийского исследователя Джоанны Уэллис, Австралия – скорее, партнер региона, а не региональная держава. Она называет три причины этого: нацеленность местных государств на сохранение суверенитета, недостаточное стремление Австралии к обретению влияния и растущая независимость государств региона в период геополитических изменений [32].

Если первые два фактора субъективны, то третий актуализируется в процессе потери США своих позиций в субрегионе и активизации здесь Китая [33]. Сегодня китайский капитал играет значительную роль в этой зоне, вытесняя конкурентов из США и Австралии. Предоставление китайских кредитов сопровождается массовой миграцией китайцев в островные государства. Пекин инициирует переговоры о стратегическом партнерстве и военном сотрудничестве. Увеличение китайских диаспор и бизнеса может подтолкнуть КНР к необходимости обеспечения безопасности своих граждан, как продемонстрировали примеры эвакуаций на Соломоновых островах, в Восточном Тиморе и в Тонга [34], что приведет к очередным попыткам укрепиться в регионе. С аналогичным вызовом сталкивается и сама Австралия.

* * *

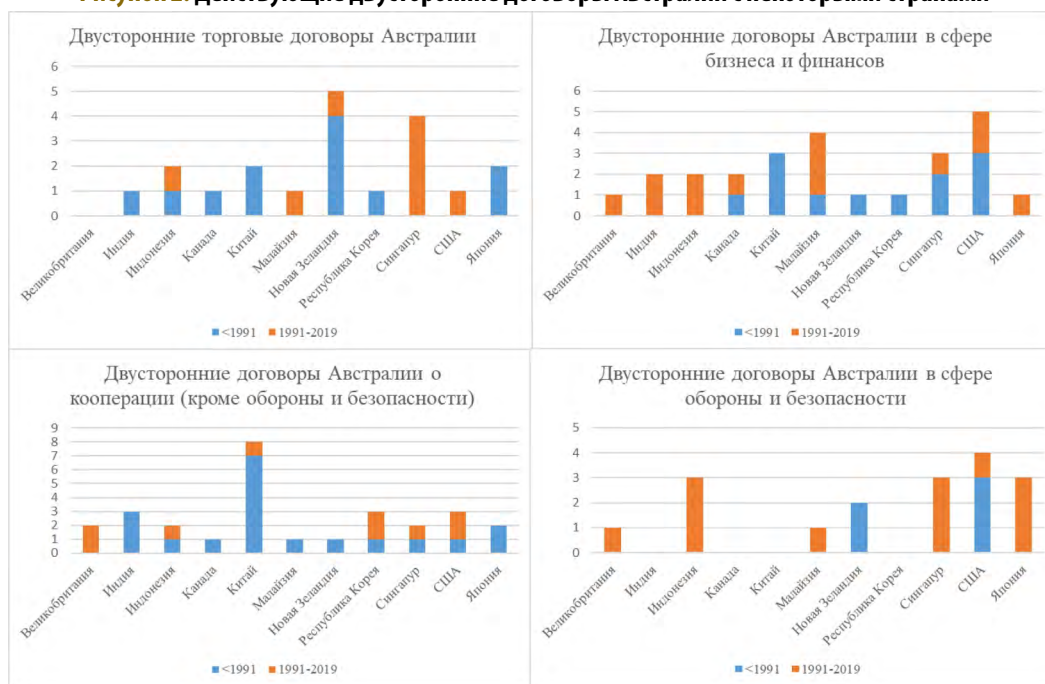
Сегодня АТР в целом и ИТР в частности являются зоной политической турбулентности, высокой экономической динамики и потенциальных военных конфликтов. В условиях усиливающегося геополитического противостояния ключевых держав региона, в число которых входят два экономически сильнейших государства мира, Австралия вынуждена менять свою внешнеполитическую стратегию и политику безопасности и обороны. Концентрация на внутрирегиональной трансформации негативно сказывается на ее глобальном статусе средней державы. В статье 2014 г. А. Карр сформулировал следующее определение средней державы: это государство, способное самостоятельно обеспечивать собственную оборону, не имеющее при этом достаточных возможностей для принуждения других государств; способное формировать отдельные части системы международных отношений таким образом, чтобы они отвечали его интересам, но не всю структуру мировой политики [10]. Вывод о понижении статуса Австралии как актора международных отношений, сделанный в вышеупомянутом исследовании автора 2019 г. [17], говорит о том, что возможности Австралии существенно изменились.

¹⁰ *Regional Assistance Mission to Solomon Islands (RAMSI)*, 2003–2017 гг.

¹¹ *Pacific Labour Scheme*, позволяет работникам из государств региона работать в Австралии.

При этом в регионе Австралия демонстрирует все модели внешнеполитического поведения средней державы, описанные в первом разделе настоящей статьи. Главным государством-угрозой для Австралии является Китай. Ее военные союзы с США, Новой Зеландией и Великобританией стали проявлением сверхбалансирования. Участие в *Quad*, отношения с АСЕАН – это балансирование Китая. Примыкание Австралия демонстрирует своим стратегическим партнерством как с США, так и с КНР. Квинтэссенцией этой политики можно назвать учения “Ковари” на ее территории с участием обеих великих держав. Политику же в ЮТР можно охарактеризовать как недобалансирование, так как Австралия не справляется с ролью субрегионального лидера без поддержки США.

Рисунок 2. Действующие двусторонние договоры Австралии с некоторыми странами

Источник: составлено автором по данным: [35].

Исходя из данных рис. 2, можно сделать вывод о диверсификации австралийской политики и стремлении Канберры соблюдать баланс, не допуская ни крена собственной политики в сторону какого-либо партнера, ни усиления одной из держав в регионе. Обострение конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе требует концентрации усилий австралийской внешней региональной политики в ущерб глобальным связям. Однако данный подход органичен для Австралии: на протяжении своей истории ее глобальное влияние строилось в основном на поддержке великих держав – сначала Великобритании, потом США. С ослаблением позиций США в ИТР и усилением Китая Австралия, вероятно, частично потеряет влияние в мире. Одновременно она получит дополнительные возможности в ИТР, выступая – от случая к случаю – нейтральной державой, последовательным партнером, верным союзником, драйвером экономического развития, инициатором многостороннего политического взаимодействия. В любом случае сегодня Австралия по большинству критериев остается средней державой с соответствующей этому статусу моделью и стратегией внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. WTO Data Portal. Available at: <https://timeseries.wto.org/> (accessed 24.04.2020).
2. Tian N., Kuimova A., Da Silva D.L., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in World Military Expenditure, 2019. SIPRI Fact Sheet, April 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf (accessed 27.04.2020).
3. Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Da Silva D.L., Tian N., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2019. SIPRI Fact Sheet, March 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf (accessed 24.04.2020).

4. 2020 Military Strength Ranking. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed 24.04.2020).
5. Strong and Secure. A Strategy for Australia's National Security. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/167267/Australia%20A%20Strategy%20for%20National%20Securit.pdf> (accessed 27.04.2020).
6. Defence White Paper 2016. Available at: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/docs/2016-defence-white-paper.pdf> (accessed 27.04.2020).
7. Foreign Policy White Paper 2017. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2017/australia_2017_foreign_policy_white_paper.pdf (accessed 27.04.2020).
8. Жуковская Н.Ю. "Средние державы" как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта. *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2018, т. 23, № 1 (171), сс. 172-178. [Zhukovskaya N.Yu. "Srednie derzhavy" kak element sovremennoi mirovoi sistemy: k voprosu o teoreticheskom osmyslenii kontsepta ["Middle Powers" as an Element of the Modern World System: on the Issue of Theoretical Understanding of the Concept]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 23, no. 1 (171), pp. 172-178.]
9. Chapnik A. The Middle Power. *Canadian Foreign Policy Journal*, 1999, vol. 7, no. 1, pp. 73-82. DOI: 10.1080/11926422.1999.9673212
10. Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 1, pp. 70-84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264
11. Beeson M. Can Australia Save the World? The Limits and Possibilities of Middle Power Diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*, 2011, vol. 65, no. 5, pp. 563-577. DOI: 10.1080/10357718.2011.607149
12. Morrison S. "Where We Live" Asialink Bloomberg Address. Speech 26 Jun 2019. Available at: <https://www.pm.gov.au/media/where-we-live-asialink-bloomberg-address> (accessed 22.04.2020).
13. Gilley B. Middle Powers during Great Power Transitions China's Rise and the Future of Canada-US Relations. *International Journal*, 2011, vol. 66, no. 2, pp. 245-264. DOI: 10.1177/002070201106600202
14. Manicom J., O'Neil A. China's Rise and Middle Power Democracies: Canada and Australia Compared. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 199-228. DOI: 10.1093/irap/lcs002
15. Tow W.T., Rigby R. China's Pragmatic Security Policy: The Middle Power Factor. *The China Journal*, 2011, vol. 65, pp. 157-179. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25790562> (accessed 22.04.2020).
16. Oosterveld W., Torossian B. Balancing Act The Role of Middle Powers in Contemporary Diplomacy. Available at: <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/> (accessed 20.04.2020).
17. Carr A. No Longer a Middle Power. Australia's Strategy in the 21st Century. Ifri, Septembre 2019. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/carr_australia_middle_power_2019.pdf (accessed 23.04.2020).
18. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств. *Международные процессы*, 2014, т. 12, № 4 (39), сс. 88-100. [Skriba A.S. Balansirovanie malykh i srednikh gosudarstv [Balancing Small and Medium States]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2014, vol. 12, no. 4 (39), pp. 88-100.]
19. Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press, 1990. 336 p.
20. Schweller R.L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton University Press, 2006. 200 p.
21. World Bank Open Data. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 23.04.2020).
22. International Trade Centre. Available at: <https://www.trademap.org> (accessed 28.04.2020).
23. Schreer B. Why US-Sino Strategic Competition is Good for Australia. *Australian Journal of International Affairs*, 2019, vol. 73, no. 5, pp. 431-448. DOI: 10.1080/10357718.2019.1632261
24. Sundaramurthy A. India Keeps Australia Out of the Malabar Exercise – Again. *The Diplomat*, 08.05.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/05/india-keeps-australia-out-of-the-malabar-exercise-again/> (accessed 27.04.2020).
25. Japan, U.S. and Australia Plan Infrastructure Push to Counter China in Indo-Pacific. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/07/31/national/politics-diplomacy/japan-u-s-australia-plan-infrastructure-push-counter-china-indo-pacific/#.W5jS5ugzaUk> (accessed 12.04.2020).
26. Buchan P.G., Rimland B. *Defining the Diamond: The Past, Present, and Future of the Quadrilateral Security Dialogue*. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200312_BuchanRimland_QuadReport_v2%5B6%5D.pdf?fuRA6mwjWYKqROtSmJD4u5ct.vjldkZv (accessed 28.04.2020).
27. Eisentraut S., Gaens B. *The US-Japan-India-Australia Quadrilateral Security Dialogue*. FIIA, 21.05.2018. Available at: <https://www.fia.fi/en/publication/the-us-japan-india-australia-quadrilateral-security-dialogue> (accessed 12.04.2020).
28. Needham K. Australian White Paper "Irresponsible" Says Chinese Foreign Ministry. *The Sydney Morning Herald*, 23.11.2017. Available at: <https://www.smh.com.au/world/australian-white-paper-irresponsible-says-chinese-foreign-ministry-20171123-gzretp.html> (accessed 12.04.2020).
29. Laurenceson J. Australia-China Bilateral Relations: How Did We Get Here? Available at: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/australia-china-bilateral-relations/> (accessed 12.04.2020).
30. Brewster D. A. "Free and Open Indo-Pacific" and What It Means for Australia. 07.03.2018. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/free-and-open-indo-pacific-and-what-it-means-australia> (accessed 12.04.2020).
31. Канаев Е.А., Бумки Б. Сотрудничество АСЕАН с Австралией и безопасность на морях АТР. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2018, т. 1, № 1 (38), сс. 76-88. [Kanaev E.A., Bumki B. Sotrudnichestvo ASEAN s Avstraliei i bezopasnost' na moryakh ATR [ASEAN Cooperation with Australia and Asia-Pacific Security]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2018, vol. 1, no. 1 (38), pp. 76-88.]

32. Wallis J. *Pacific Power? Australia's Strategy in the Pacific Islands*. Clayton, Melbourne University Publishing, 2017. 488 p.
33. Пале С.Е. Закат "Тихоокеанской державы": США стремительно теряют вес в Океании. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2017, № 36, сс. 58-68. [Pale S.E. Zakat "Tikhookeanskoi derzhavy": SShA stremitel'no teryayut ves v Okeanii ["Pacific Power": US Is Rapidly Losing Weight in Oceania]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2017, no. 36, pp. 58-68.]
34. Brewster D. China's Moves in Vanuatu: What Should Australia Do? *The Diplomat*, 12.04.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/chinas-moves-in-vanuatu-what-should-australia-do/> (accessed 12.04.2020).
35. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/> (accessed 22.04.2020).

**AUSTRALIAN FOREIGN POLICY STRATEGY:
MIDDLE POWER IN A HIGHLY COMPETITIVE ENVIRONMENT
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 63-75)**

Received 30.04.2020.

Alexander A. ALESHIN (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Australia's foreign policy strategy is driven by the dynamically changing foreign and economic environment in the Asia-Pacific region. The increasing geopolitical competition of great powers is forcing Australia to shift its focus to the Indo-Pacific region (IPR). At the same time, the concentration on intraregional transformation negatively affects its global status as a middle power. With the weakening in the IPR position of its main military-political ally – the United States – Australia is looking for a new place in regional politics. In response to China's economic and military-political expansion, Australia seeks to maintain its influence in Oceania and balance China in IPR, drawing closer to ASEAN member states on economic and security issues. One of the most effective tools of deterrence China is Quad. This format contributes to the intensification of economic and political cooperation of Australia with its participants, primarily with India. However, Australia is not ready to go for provocations against China or for an open confrontation with it due to the existence of deep economic ties between the parties, therefore its approach to Quad remains cautious. At the same time, Australia is strengthening dialogue and political cooperation with China, despite contradictions on ideology, regional security and competition for influence in Oceania.

The article conceptualizes the status of "middle power" and proves the possession of Australia by this status. Based on the theoretical developments of the representatives of political realism in the theory of international relations, the foreign policy behavior of Australia as a middle power is revealed. An analysis of Australia's system of alliances and treaties allows us to talk about diversifying its foreign policy and striving to maintain a balance, avoiding either a roll of its own policy towards any partner, or strengthening one of the powers in the region. With the weakening of the United States, Australia is gaining additional opportunities in IPR, acting from case to case – as a neutral power, a consistent partner, a loyal ally, a driver of economic development, initiator of multilateral political interaction. Despite the decrease in Australia's subjectivity in the global system of international relations, today, by most criteria, it remains a middle power with a corresponding to this status model and foreign policy strategy.

Keywords: Australian foreign policy strategy, Oceania, security in the Indo-Pacific, middle power, political realism, theory of international relations.

About the author:

Alexander A. ALESHIN, Junior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems.

DOI: 10.20542/afij-2020-2-63-75

ВЛИЯНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА РЕЖИМ КОНТРОЛЯ
НАД ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ В ЕВРОПЕ

© РАСТОЛЬЦЕВ С.В., 2020

РАСТОЛЬЦЕВ Сергей Владимирович, младший научный сотрудник Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Отдела разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (sergej-ras@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-3238-1832.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

Растольцев С.В. Влияние локальных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве на режим контроля над обычными вооружениями в Европе.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 76-86. DOI: 10.20542/afj-2020-2-76-86

DOI: 10.20542/afj-2020-2-76-86

УДК: 327.5→355.019.1(4)+(47+57)

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

В статье анализируется взаимное влияние и взаимосвязь двух вызовов европейской безопасности – неурегулированных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве и режима контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ), в частности, Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Отмечается, что затяжные конфликты воздействовали на современный режим КОВЕ уже в момент его становления с начала 1990-х годов, создавая локальные исключения, на территории которых обеспечение контроля над вооружениями оказывалось невозможным. Это влияние усилилось в 2000-е годы, когда конфликты такого рода стали одним из основных препятствий трансформации ДОВСЕ, а в 2010-е годы привело к полномасштабному кризису системы КОВЕ, что в свою очередь осложнило урегулирование самих затяжных конфликтов.

Ключевые слова: европейская безопасность, затяжные конфликты, контроль над обычными вооружениями в Европе, постсоветское пространство, Договор об обычных вооруженных силах в Европе, Соглашение об адаптации ДОВСЕ, НАТО, статусно-нейтральный контроль над вооружениями.

В последнее время европейская безопасность переживает системный кризис. В этой области возрастают объем и сложность проблем, на которые накладываются новые вызовы. Многие вопросы, возникшие с момента окончания холодной войны в процессе формирования современной архитектуры безопасности в Европе, остаются нерешенными, некоторые трудности только усугубляются. Особенно выделяются два серьезных вызова: неурегулированность “замороженных” – затяжных конфликтов (в первую очередь на постсоветском пространстве) и эрозия режима контроля над обычными вооружениями в Европе, которые несут существенную угрозу общеевропейской стабильности.

Даже на первый взгляд видна формальная взаимосвязь этих двух проблем, поскольку продолжающиеся конфликты препятствуют осуществлению контроля над вооружениями, снижая его эффективность. При этом следует учитывать специфику нынешних конфликтов затяжного характера в разных европейских регионах и динамику

их развития, равно как и особенности устройства и функционирования режима КОВЕ, усложняющих эту взаимосвязь.

Хорошо известно, что проблема затяжных конфликтов на постсоветском пространстве на рубеже 1990–2000-х годов стала одним из камней преткновения реформирования системы КОВЕ, в частности, его ключевого элемента – Договора об обычных вооруженных силах в Европе. В то время оба вызова одновременно обозначились в качестве значимых в общеевропейской повестке. События этого периода весьма подробно освещались в исследовательской литературе, в том числе давалась оценка политической дискуссии участников системы КОВЕ с различных точек зрения [1; 2, сс. 278–383; 3, сс. 29–36]. Однако до настоящего времени уделялось недостаточно внимания влиянию затяжных конфликтов на режим КОВЕ и общей динамике их взаимодействия в более широкой сравнительно-исторической перспективе – с момента возникновения этих вызовов в современном виде в начале 1990-х годов по сегодняшний день. Этот вопрос остается малоизученным, поскольку до сих пор основной акцент в исследованиях делался на отдельные события конца 1990-х и 2000-х годов, когда проблема такого рода конфликтов обрела политическую актуальность и значимость для режима КОВЕ и архитектуры европейской безопасности в целом. Недостаточно исследован также вопрос об обратном влиянии состояния режима КОВЕ на процесс урегулирования затяжных конфликтов.

Именно поэтому представляется важным детально рассмотреть степень, механизмы и динамику влияния затяжных конфликтов на постсоветском пространстве на эволюцию режима КОВЕ, а также оценить его обратное воздействие на затяжные конфликты и в итоге – их совместный эффект на состояние европейской безопасности. Данная статья также призвана раскрыть взаимосвязь двух важных проблем европейской безопасности – неурегулированных затяжных конфликтов и неэффективности режима КОВЕ. Для этого используется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить динамику разноуровневых политических процессов и определить, каким образом менялось взаимодействие затяжных конфликтов и режима контроля над вооружениями в Европе в исторической перспективе на протяжении всех трех десятилетий с момента окончания холодной войны, с 1990 по 2020 г.

В первом разделе статьи приводится общий обзор динамики взаимодействия затяжных конфликтов и КОВЕ как вызовов для системы европейской безопасности. В следующих трех разделах оцениваются детали влияния затяжных конфликтов на трансформацию режима КОВЕ и их взаимосвязь на каждом из трех отдельных этапов развития с 1990 до 2020 г. В заключительной части сформулированы выводы о характере взаимодействия и даны предложения по выходу из системного кризиса, порождаемого нерешенностью и усугублением этих двух проблем безопасности на современном этапе.

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ И РЕЖИМА КОВЕ

В своем нынешнем виде затяжные конфликты на постсоветском пространстве и режим КОВЕ возникли в период перехода от биполярной к постбиполярной системе международных отношений на рубеже 1980–1990-х годов. Прекращение блокового противостояния и холодной войны открыло Европе возможность воплотить в жизнь на качественно новом уровне принципы и механизмы системы безопасности, основанной на сотрудничестве. Эта система разрабатывалась в ходе длительных и сложных переговоров между Советским Союзом и Западом с середины 1970-х годов.

Одним из центральных элементов новой архитектуры безопасности в Европе становился контроль над обычными вооружениями, в котором непосредственно участвовало большинство европейских стран, а также США и Канада. Был заключен ряд новаторских договоров, призванных существенно снизить напряжение на континенте, укрепить стабильность и повысить прозрачность в военно-политической сфере. В первую очередь следует выделить три соглашения – Договор об обычных вооруженных силах в Европе, который выступает основным предметом данной статьи, а также Венский документ (ВД) и Договор об открытом небе (ДОН). Параллельно с конструктивным процессом повышения открытости и доверия в области контроля над вооружениями на европейском континенте после смены политических режимов в ряде стран на востоке Европы возникли и деструктивные процессы, сопровождавшиеся

ростом сепаратистских настроений. Некоторые из них переросли во внутренние вооруженные конфликты, препятствующие выполнению режима КОВЕ. Много такого рода конфликтных зон появилось на постсоветском пространстве. Здесь, с одной стороны, новые независимые государства взяли на себя принятые ранее в рамках Советского Союза обязательства по контролю над вооружениями, а с другой, часть из них не смогла обеспечить этот контроль в полной мере. Несмотря на то, что вооруженное противостояние удавалось остановить и таким образом “заморозить” ситуацию, споры противоборствующих сторон крайне трудно поддавались дальнейшему урегулированию, прежде всего в военно-политической области. По мере того, как их решение все больше оттягивалось и усложнялось, конфликты постепенно превратились из “замороженных” в затяжные, что более точно характеризует их актуальное состояние [4]. Нерешенные вопросы таких “болевых точек” на постсоветском пространстве привели к возникновению автономных территорий – де-факто государственных образований, неподконтрольных центральным правительствам [5] и располагающих значительным арсеналом вооружений. При этом они оказывались за пределами формирующегося режима КОВЕ.

Таким образом, затяжные конфликты стали проблемой для новой системы контроля еще во время ее становления и усложняли полноценную имплементацию режима в 1990-е годы. На рубеже 1990–2000-х годов на постсоветском пространстве они превратились в одно из наиболее существенных препятствий уже в процессе реформирования механизмов КОВЕ, прежде всего ДОВСЕ. В дальнейшем, по мере того как в условиях нерешенности этих конфликтов не удавалось трансформировать и ДОВСЕ, кризисные тенденции в системе контроля над вооружениями усиливались. В результате 2010-е годы ознаменовались деградацией режима КОВЕ вкупе с отрицательной динамикой ситуации вокруг затяжных конфликтов – осложнением прежних противоречий и возникновением нового серьезного очага на Украине. Все это привело к системному кризису архитектуры общеевропейской безопасности, наблюдаемому в настоящее время.

В целом динамика взаимодействия этих двух вызовов на общем уровне архитектуры европейской безопасности демонстрирует своеобразный феномен негативного обоюдного влияния. С одной стороны, отсутствие комплексного и окончательного решения затяжных конфликтов негативно отражается на взаимодействии ключевых акторов общеевропейской безопасности (таких как Россия и НАТО), в том числе в сфере режима контроля над обычными вооружениями в Европе. С другой стороны, общий кризис системы европейской безопасности и отсутствие позитивных сдвигов в перестройке ее архитектуры, включая нынешний тупик в реформировании режима КОВЕ, препятствуют диалогу по многим важным отдельным вопросам локального и регионального характера, среди которых – урегулирование затяжных конфликтов.

1990-Е ГОДЫ: УСПЕХ ДОВСЕ И РОЛЬ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО РЕЖИМА КОВЕ

Первый обозначенный этап взаимовлияния затяжных конфликтов и обновленного режима КОВЕ в 1990-е годы характеризовался успешным достижением новых договоренностей по контролю над обычными вооружениями. Прежде всего – Договора об обычных вооруженных силах в Европе, который стал краеугольным камнем современного режима КОВЕ. ДОВСЕ был заключен в 1990 г. и вступил в силу в 1992 г. Главной целью договора была ликвидация “потенциала для внезапного нападения и начала крупномасштабных наступательных операций в Европе” [6]. Устанавливались квоты по пяти видам тяжелых вооружений и военной техники, а превышающий соответствующие пороги арсенал подлежал сокращению и утилизации. В ДОВСЕ он обозначался как ограничиваемые договором вооружения и техника (ОДВТ). Кроме того, были согласованы механизмы взаимных инспекций для взаимного контроля над исполнением договора. Эти усилия были призваны исключить возможность нанесения массированного удара друг против друга.

В момент заключения ДОВСЕ был подписан между странами – участницами двух военно-политических блоков – НАТО и тогда еще существовавшей Организации Варшавского договора (ОВД). Участие нейтральных или неприсоединившихся государств не предполагалось,

договор носил закрытый характер. Тем не менее в связи с тектоническими изменениями геополитической обстановки в Европе, которые привели к скорому распаду ОВД и СССР, процесс корректировки ДОВСЕ начался уже в 1991–1992 гг. Бывшие советские республики – новые независимые государства, на территории которых оказались вооружения, договорились между собой о разделе предельных уровней ОДВТ. Страны Балтии, не претендовавшие на статус правопреемников СССР и раздел советского военного имущества, получили нейтральный статус [3, сс. 18-19].

За несколько следующих лет благодаря ДОВСЕ в Европе не только существенно сократилось присутствие воинских контингентов и тяжелых вооружений, но и образовалась атмосфера беспрецедентной открытости военной деятельности. Всего за период действия ДОВСЕ страны-участницы сумели примерно в два раза снизить число обычных вооружений и ликвидировать почти 60 тыс. единиц тяжелых вооружений, провести около 60 тыс. инспекций [7].

В то же время в момент заключения и начала исполнения договора на периферии распадающегося Советского Союза вспыхнули несколько вооруженных конфликтов, которые в дальнейшем стали оказывать существенное воздействие на военно-политическую обстановку в Европе. Несмотря на приостановку боевых действий, противоречия враждующих сторон не удалось решить должным образом – конфликты были “поставлены на паузу”, а урегулирование вопроса об их статусе отложено на будущее. В результате внутри некоторых постсоветских республик образовались квазигосударства, находящиеся вне предела контроля центральных правительств, участвующих в ДОВСЕ, и таким образом – вне режима контроля над вооружениями (наиболее устойчивые – Приднестровье в Молдавии, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Нагорный Карабах в Азербайджане). В этих регионах оставалось большое количество неподконтрольных ДОВСЕ вооружений, а также сохранялась военно-политическая нестабильность, что создавало проблемы при исполнении режима КОБЕ.

К середине 1990-х годов, в условиях быстро меняющихся военно-политических реалий, страны – участницы ДОВСЕ осознали необходимость существенных изменений его изначальных принципов. С одной стороны, с распадом ОВД прекратила существование “восточная” группа государств, для которой устанавливались не только индивидуальные, но и групповые уровни сокращения вооружений. С другой стороны, был запущен процесс расширения НАТО на Восток за счет вступления в Североатлантический альянс бывших членов ОВД, а также нейтральных и неприсоединившихся государств. Результатом стал значительный дисбаланс в области обычных вооружений в Европе [8]. Кроме того, в связи с обострением обстановки на Северном Кавказе Россия выступила с требованием об отмене фланговых ограничений (дополнительных лимитов вооружений вблизи бывших границ НАТО и ОВД) особенно на южном направлении. Наконец, те постсоветские страны, где оставались российские войска, стали добиваться исключения возможности использовать ДОВСЕ для легализации военного присутствия РФ и настаивать на необходимости вывода российских войск, если это не было включено в соответствующие договоренности [9, с. 50].

Ситуация осложнялась тем, что на части постконфликтных территорий после прекращения боевых столкновений и установления перемирия были переформатированы или введены вооруженные силы России – как в составе совместных миротворческих сил, так и отдельных групп войск или военных баз. С одной стороны, это позволило стабилизировать ситуацию, особенно на начальном этапе урегулирования затяжных конфликтов. С другой, со временем породило дискуссии о необходимости вывода второй из упомянутых категорий вооруженных сил РФ (отдельных военных групп/баз) из Молдавии и Грузии. Эти споры оказали существенное воздействие на переговоры по адаптации ДОВСЕ на рубеже 1990–2000-х годов. Таким образом, влияние затяжных конфликтов на реализацию режима КОБЕ постепенно стало возрастать.

**2000-Е ГОДЫ: ЗАТЯЖНЫЕ КОНФЛИКТЫ
КАК ПРЕПЯТСТВИЕ АДАПТАЦИИ ДОВСЕ**

Основные переговоры по трансформации ДОВСЕ проходили в 1996–1999 гг., их результатом стал проект Соглашения об адаптации ДОВСЕ (АДОВСЕ). Главным вопросом для устойчивости режима КОВЕ в 1990-е годы являлось военно-политическое взаимодействие России и НАТО, поэтому адаптированный договор был призван снять озабоченности Москвы, касающиеся приближения военной инфраструктуры альянса к российским границам. В новом документе были учтены всесторонние интересы и очередные вызовы, что обеспечивало переход от устаревших принципов блокового баланса к индивидуальным страновым и территориальным региональным ограничениям, а также открывало возможности вступления в договор нейтральных и неприсоединившихся государств.

В то же время в процессе подготовки и принятия Соглашения об адаптации ДОВСЕ фактор затяжных конфликтов на постсоветском пространстве стал играть все более важную роль. В 1999 г. параллельно с заключением данного соглашения Россия договорилась на двустороннем уровне с Грузией и Молдавией о согласовании порядка и сроков вывода своих вооруженных сил (за исключением миротворческих контингентов), в том числе из зон затяжных конфликтов в Приднестровье и Абхазии в начале 2000-х годов. Эти договоренности были включены в итоговый Стамбульский документ, частью которого стало АДОВСЕ¹.

После его принятия государства НАТО во главе с США и при поддержке ряда постсоветских государств (к Грузии и Молдавии также присоединились Азербайджан и Украина) стали настаивать, что эти двусторонние обязательства являются неотъемлемой частью общих договоренностей по адаптации договора и поставили их выполнение в качестве предварительного условия для ратификации АДОВСЕ со своей стороны. Это означало, что реализация так называемых стамбульских обязательств по выводу российских войск с территорий затяжных конфликтов в Грузии и Молдавии рассматривалась теперь как необходимый первый шаг для перехода к адаптированному ДОВСЕ, ожидаемый западными странами – участниками договора от России [1, pp. 15-16]. С этого момента затяжные конфликты стали важным фактором, от которого непосредственно зависела трансформация режима ДОВСЕ, а невозможность разделить и решить оба эти чувствительные для европейской безопасности вопроса привела в итоге к серьезному кризису всего режима КОВЕ [10, сс. 62-63].

Россия со своей стороны выступила против политической увязки вывода части собственных вооруженных сил из постконфликтных регионов и переходу к АДОВСЕ. Кроме того, войска РФ продолжали поддерживать соблюдение перемирия в затяжных конфликтах, присутствуя в качестве миротворцев в Молдавии и Грузии на основании специальных двусторонних соглашений, что осложняло процесс демилитаризации проблемных зон [11, р. 8]. Тем не менее в начале 2000-х годов Россия ратифицировала Соглашение об адаптации ДОВСЕ и стала активно выводить свои вооружения из Молдавии и Грузии, в первую очередь ликвидировав там все подпадавшие под ограничения по ДОВСЕ вооружения [12]. Однако провал российского проекта урегулирования в Приднестровье (меморандум Козака) из-за противоречий с Западом привел к приостановке этого процесса в 2004 г., который до сих пор так и не возобновился. На грузинском направлении, несмотря на некоторую задержку, демилитаризация продолжилась, и Россия вывела все свои войска из Грузии к концу 2007 г. [13]

Несмотря на усилия РФ, страны НАТО не торопились с ратификацией ДОВСЕ. В этих обстоятельствах еще в середине 2007 г. Россия приняла решение приостановить свое участие в договоре, чтобы противостоять приближению к своим границам военной инфраструктуры НАТО и игнорированию ее озабоченностей по другим вопросам безопасности в меняющейся геополитической обстановке [14]. По вопросу о “стамбульских обязательствах” Москва

¹ Стамбульский документ был принят VI Саммитом глав государств и правительств государств – участников СБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. Он включает в себя Хартию европейской безопасности, Декларацию Стамбульской встречи на высшем уровне, Заявление, касающиеся декларации Стамбульской встречи на высшем уровне, Венский документ 1999 года переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности, Решение относительно распространения легкого и стрелкового оружия, Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Заключительный акт Конференции государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе, а также несколько приложений. Вопросы вывода российских войск из Грузии и Молдавии упомянуты в Декларации Стамбульской встречи и в приложениях 13 (Заявление от имени Республики Молдова) и 14 (Совместное заявление Российской Федерации и Грузии). В самом Соглашении об адаптации ДОВСЕ эти вопросы не затронуты.

официально сформулировала свою позицию, отделив исполнение собственных двусторонних договоренностей с Грузией и Молдавией от Соглашения об адаптации ДОВСЕ как “не относящиеся к Договору элементы”, указав при этом, что страны НАТО под надуманными предложениями “взяли курс на затягивание процесса введения этого документа в действие” [15]. В силу данных обстоятельств приостановка участия России в ДОВСЕ становилось вынужденной симметричной мерой.

Запад и некоторые постсоветские страны продолжали настаивать на полном выполнении “стамбульских обязательств” (на тот момент оставалось только два вопроса – возврат к выводу российских военных складов из Приднестровья и урегулирование дальнейшей судьбы военной базы РФ в Гудауте с Грузией) [10, сс. 107-108], которое должно было предшествовать ратификации адаптированного ДОВСЕ [16]. Таким образом, оставшиеся нерешенные вопросы вокруг затяжных конфликтов на постсоветском пространстве стали препятствием для дальнейшей реформы КОВЕ.

Уже в следующем, 2008 г., сложилась новая конфронтация вокруг затяжных конфликтов в Южной Осетии и Абхазии, что привело к признанию Россией их независимости. Это перечеркнуло предшествующие усилия по разоружению в рамках международных договоренностей, способствовавшего как урегулированию самих конфликтов, так и достижению договоренностей с Западом, приближавших возможность перехода к адаптированному ДОВСЕ. Проверки в рамках ДОВСЕ в этих регионах стали практически невозможны, поскольку их статус оказался теперь еще более спорным с точки зрения международного права. Дискуссия по трансформации договора вновь осложнилась.

2010-Е ГОДЫ: КРИЗИС РЕЖИМА КОВЕ И ЭСКАЛАЦИЯ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Несмотря на кризис реформы ДОВСЕ, достигший особого накала в 2007–2008 гг., период 2009–2011 гг. ознаменовался новой попыткой возврата к трансформации договора. Постсоветские страны, на территории которых продолжались неурегулированные конфликты (Азербайджан, Грузия и Молдавия), также участвовали в переговорах. В целом процесс шел довольно успешно, однако отдельные пункты так и не удалось согласовать из-за разногласий России с вышеупомянутыми государствами. Вновь камнем преткновения оказалась проблема неурегулированных затяжных конфликтов, которая приобрела новое измерение после “пятидневной” Кавказской войны 2008 г. Грузия настаивала на необходимости согласия принимающего государства на размещение иностранных войск в международно признанных границах, тогда как Россия отказывалась согласиться с подобной формулировкой во избежание будущих споров о пребывании российских войск на территории Абхазии и Южной Осетии. Кроме того, усугубились разногласия между РФ и Североатлантическим альянсом по вопросу о военно-политическом неравенстве [17]. Дополнительным фактором, существенно повлиявшим на переговоры в этот период, стало уменьшение роли обычных вооружений и появление новых типов оружия. Произошла переоценка иерархии угроз и, соответственно, снизилась значимость темы КОВЕ в повестке европейской безопасности [18, сс. 34-35]. В итоге переговоры о трансформации режима ДОВСЕ вновь зашли в тупик.

С началом украинского кризиса и вооруженного конфликта на юго-востоке страны в 2014 г. военно-политическая обстановка в Европе обострилась, породив новые вызовы для функционирования КОВЕ. Осенью 2014 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что для России ДОВСЕ “мертв, и возвращения к нему не будет” [7]. В марте 2015 г. РФ покинула Совместную консультативную группу по ДОВСЕ (работу в которой она продолжала, несмотря на приостановку своего участия в договоре в 2007 г.) и таким образом полностью заморозила для себя участие в договоре [19; 20]. Утраченные из-за этого шага функции контроля над вооружениями и мер доверия на фоне кризиса смогли частично компенсировать два других элемента КОВЕ – Венский документ (обновленный в 2011 г.) и Договор по открытому небу [18, сс. 33, 36]. Благодаря задействованию этих механизмов в 2014 г. удалось несколько снизить напряжение вокруг вооруженного конфликта на Украине, но его эскалации на Донбассе в конечном счете избежать не удалось [21, pp. 7-10]. В результате конфронтации возник еще один нестабильный регион, наполненный разными типами вооружений, в том числе тяжелых,

который оказался вне формального контроля центральной украинской власти (Киев сохранил участие в договоре несмотря на конфликт) и, соответственно, ДОВСЕ. Продолжающиеся уже в течение шести лет боевые действия, постоянные нарушения режима прекращения огня привели к перерастанию украинского противостояния в статус затяжного без ясной перспективы урегулирования.

Кроме того, обострилась ситуация вокруг “старого” затяжного конфликта – нагорно-карабахского – между Арменией и Азербайджаном, которые являются участниками ДОВСЕ. Еще с начала 2010-х годов стороны стали официально превышать свои предельные национальные уровни вооружений в некоторых категориях, причем Армения допускала небольшие превышения, а Азербайджан почти двукратные (например, в категориях танки и артиллерийские системы). На фоне растущего военного напряжения в апреле 2016 г. на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе вспыхнула настоящая война с применением тяжелых вооружений, которую удалось остановить только благодаря активным дипломатическим усилиям России [22, сс. 126-130].

Ереван и Баку оправдывают нарушение своих пределов ДОВСЕ неутрачивающим противоборством в Нагорном Карабахе, из-за чего они пребывают на грани войны в ожидании новых столкновений. Это делает территорию самого Нагорного Карабаха и вокруг него “серой зоной” для ДОВСЕ, где невозможен достоверный контроль ни армянских/карабахских, ни азербайджанских вооруженных сил. На сегодняшний день Армения формально привела количество ОДВТ в соответствие лимитам (хотя, вероятно, последние могут быть нарушены с учетом расположения армянских тяжелых вооружений в Нагорном Карабахе). В свою очередь, Азербайджан остается единственной страной – участницей ДОВСЕ, которая не скрывает, что нарушает пороговые ограничения вооружений в течение последних нескольких лет [23]. Затяжной нагорно-карабахский конфликт в результате стал основной причиной нарушения режима ДОВСЕ двумя его подписантами, находящимися в состоянии конфронтации.

Таким образом, ослабление ДОВСЕ и деградация режима КОВЕ в целом в 2010-е годы привели к ухудшению условий для урегулирования затяжных конфликтов. В то же время на фоне общей дестабилизации военно-политической обстановки в Европе проблемы нерешенных конфликтов продолжают подрывать механизмы КОВЕ. Уже в период редактирования данной статьи пришла новость о том, что конце мая 2020 г. США официально решили покинуть Договор по открытому небу, и одной из основных причин выхода стали разногласия с Россией по поводу наблюдательных полетов над спорными, с точки зрения ДОН, территориями Южной Осетии и Абхазии [24; 25].

* * *

По причине невозможности учета и проверки вооружений, находящихся в конфликтных “серых зонах”, тема нерешенных затяжных конфликтов всегда оставалась крайне чувствительной для современного режима КОВЕ с начала 1990-х годов. Вместе с тем за три истекших десятилетия динамика их влияния и взаимодействия постепенно менялась. В развитии этого процесса можно выделить три условных этапа. На первом, в 1990-е годы, затяжные конфликты оказались одной из серьезных проблем для обновленного режима КОВЕ, тем не менее его динамика в целом была позитивной. На втором этапе, в 2000-е годы, когда этот режим стал нуждаться в трансформации, неурегулированные постсоветские конфликты (и связанные с ними споры о статусе российского военного присутствия в де-факто государствах) стали существенным препятствием для его реформирования, и он перешел в состояние стагнации. Наконец, с конца 2000-х годов с развитием процессов эрозии самого режима КОВЕ, когда его ключевые механизмы, такие как ДОВСЕ, стали неэффективными, сложился неблагоприятный климат в системе европейской безопасности, в условиях которого затяжные конфликты оказалось решать все сложнее.

Итак, если сначала конфликты были проблемой для режима КОВЕ, то затем возник обратный эффект, и кризис самого режима стал влиять на урегулирование конфликтов. Кроме того, в условиях деградации режима КОВЕ и общего кризиса европейской безопасности вспыхнул новый серьезный конфликт на Украине, который перешел в затяжную фазу в том числе из-за утраты доверия и невозможности организовать контроль над вооружениями на

спорной территории.

Парадокс в том, что контроль над вооружениями оказывается неэффективен и неработоспособен именно там, где он особенно нужен – в конфликтных регионах. Неурегулированность затяжных конфликтов провоцирует военно-политическую нестабильность в системе европейской безопасности, что препятствует доверию и прозрачности в области контроля над вооружениями. Сохранение нерешенных конфликтов на территории государств – участников КОВЕ привело к возникновению локальных де-факто исключений, которые с самого начала подрывали этот режим, оставаясь своеобразной “миной замедленного действия”, а их политизация и трансляция на уровень общеевропейской дискуссии по реформе КОВЕ привела к тупику в переговорах по ДОВСЕ. С началом конфликта на юго-востоке Украины таких исключений стало еще больше, и потенциал режима КОВЕ по снижению напряжения и поддержанию военно-политической стабильности неуклонно сокращается.

Таким образом, в настоящее время система КОВЕ испытывает серьезный кризис, что непосредственно отражается на росте военно-политического напряжения в Европе и дестабилизирует систему европейской безопасности. Один из ключевых ее участников – Россия не поддерживает работу ДОВСЕ как основного элемента этого режима (хотя формально остается членом договора). Процесс адаптации ДОВСЕ остановился, и вряд ли удастся его возобновить в том виде, в котором он был задуман в конце 1990-х годов, а использование и реформирование других механизмов КОВЕ, таких как ВД и ДОН, также затруднено конфронтацией между Россией и Западом. Наконец, территории, на которых продолжают затяжные конфликты, остаются за пределами какого-либо контроля над вооружениями (и участники этих конфликтов могут открыто идти на официальное нарушение режима ДОВСЕ, как например, Азербайджан). Количество таких территорий после начала боевых действий на Украине в 2014 г. только возросло.

По всей видимости, для выхода из замкнутого круга негативного взаимовлияния нерешенных затяжных конфликтов и кризиса системы КОВЕ необходимы комплексные подходы, направленные на решение одновременно обеих проблем. Сложным и дискуссионным остается вопрос об учете вооружений в “горячих” и “тлеющих” конфликтных зонах, а также принятие во внимание существующих реалий и включение их в систему контроля над обычными вооружениями, что могло бы остановить ее эрозию [18, сс. 36–38]. Одним из предложений по организации контроля в точках конфликтов является идея о нейтральном к статусу подходе по контролю над вооружениями (англ. *status-neutral arms control*)². Применительно к затяжным конфликтам это позволило бы рассматривать политическую дилемму о статусе неурегулированных территорий и учет вооружений, которые в них находятся, как две разные проблемы, которые следует решать по отдельности, а также применять особые статусно-нейтральные меры доверия и безопасности, выработанные ранее ОБСЕ, которые могут использоваться в конфликтных ситуациях [26; 27]. Такой подход дает дополнительную возможность для адаптации ДОВСЕ и приспособления режима КОВЕ к новым реалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Kühn U. *From Capitol Hill to Istanbul: The Origins of the Current CFE Deadlock*. CORE Working Paper 19. Hamburg, The Centre for OSCE Research, December 2009. 20 p. Available at: [https://www.files.ethz.ch/isn/110521/CORE%20Working%20Paper%2019%20\(Kuehn\).pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/110521/CORE%20Working%20Paper%2019%20(Kuehn).pdf) (accessed 10.07.2020).
2. Журкин В.В., ред. *Безопасность Европы*. Москва, Весь Мир, 2011. 752 с. [Zhurkin V.V., ed. *Bezopasnost' Evropy* [Security of Europe]. Moscow, Ves' Mir, 2011. 752 p.]
3. Антонов А., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе – конец режима или история с продолжением? *Научные записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*, 2012, № 1(27). 56 с. [Antonov A., Ayumov R. Kontrol' nad obychnymi vooruzheniyami v Evrope – konets rezhima ili istoriya s prodolzheniem? *Nauchnye zapiski PIR-Tsentra: natsional' naya i global' naya bezopasnost'*, 2012, no. 1(27), 56 p.] Available at: <http://ns2.pircenter.org/media/content/files/9/13948093580.pdf> (accessed 10.07.2020).
4. Растольцев С.В. Три мифа о “замороженных” конфликтах на постсоветском пространстве в Европе:

² Инициаторы идеи – коллектив авторов из Института исследований проблем мира и безопасности в Гамбурге (IFSH).

- критический анализ. *Международные отношения*, 2018, № 4, сс. 82-94. [Rastol'tsev S.V. Tri mifa o "zamorozhennykh" konfliktakh na postsovetskom prostranstve v Evrope: kriticheskii analiz [Three Myths about "Frozen" Conflicts in the Post-Soviet Space in Europe: A Critical Analysis]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, no. 4, pp. 82-94]. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.28227
5. Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства. *Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение"*, 2018, № 1(11), сс. 24-40. [Markedonov S.M. De-fakto gosudarstva: politicheskii fenomen postsovetskogo prostranstva [De Facto States: A Political Phenomenon of the Post-Soviet Space]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie"*, 2018, no. 1(11), pp. 24-40]. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40
 6. Договор об обычных вооруженных силах в Европе. ОБСЕ, Париж, 1990 г. [Treaty on Conventional Armed Forces in Europe. OSCE, Paris, 1990. (In Russ.)] Available at: <http://www.osce.org/ru/library/14091?download=true> (accessed 10.03.2020).
 7. Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Досье. ТАСС, 12.07.2017. [Conventional Armed Forces in Europe Treaty. Dossier. TASS, 12.07.2017. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/info/1818829> (accessed 10.07.2020).
 8. Белобров Ю.Я. Контроль над обычными вооружениями: эволюция, стагнация или деградация? Фонд исторической перспективы, 27.08.2013. [Belobrov Yu.Ya. Kontrol' nad obychnymi vooruzheniyami: evolyutsiya, stagnatsiya ili degradatsiya? [Conventional Arms Control: Evolution, Stagnation or Degradation?] Fond Istoricheskoi Perspektivy, 27.08.2013]. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/kontrol_nad_obychnymi_vooruzheniyami_evolyucija_stagnacija_ili_degradacija_2013-08-27.htm (accessed 10.07.2020).
 9. Загорский А.В. Кризис контроля обычных вооруженных сил в Европе и судьба Договора об обычных вооруженных силах. *Вестник МГИМО-Университета*, 2010, № 4 (13), сс. 48-56. [Zagorskii A.V. Krizis kontrolya obychnykh vooruzhennykh sil v Evrope i sud'ba Dogovora ob obychnykh vooruzhennykh silakh [The Crisis of Conventional Arms Control in Europe and the Fate of the Treaty on Conventional Armed Forces]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, no. 4(13), pp. 48-56].
 10. Загорский А.В. Россия в системе европейской безопасности. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 139 с. [Zagorskii A.V. Rossiya v sisteme evropeiskoi bezopasnosti [Russia in the System of European Security]. Moscow, IMEMO RAN, 2017. 139 p.]
 11. Richter W. The Implications of the State of Conventional Arms Control for European Security. *Deep Cuts Working Paper no. 12*, August 2018. Available at: https://deepcuts.org/images/PDF/DeepCuts_WP12_Richter.pdf (accessed 10.07.2020).
 12. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Справка. МИА "Россия сегодня", 05.02.2011. [Conventional Armed Forces in Europe Treaty. Background. MIA "Rossiya segodnya", 05.02.2011. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20110205/330688227.html> (accessed: 10.07.2020).
 13. Россия вывела войска из Грузии. *Коммерсантъ*, 15.11.2007. [Russia has Withdrawn Troops from Georgia. *Kommersant*, 15.11.2007. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1708576> (accessed 10.07.2020).
 14. Указ Президента Российской Федерации от 13.07.2007 г. № 872 "О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров" Президент России, 13.07.2007. [Decree of the President of the Russian Federation of July 13, 2007 No. 872 "On the Suspension by the Russian Federation of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related International Treaties". Prezident Rossii, 13.07.2007. (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25785> (accessed 10.03.2020).
 15. Справка к Указу "О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров". Президент России, 14.07.2007. [Reference to the Decree "On the Suspension by the Russian Federation of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related International Treaties". Prezident Rossii, 14.07.2007. (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3327> (accessed 10.03.2020).
 16. Witkowsky A., Garnett Sh., McCausland J. *Salvaging the Conventional Armed Forces in Europe Treaty Regime: Options for Washington*. Brookings Arms Control Series Paper 2, March 2010. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/03_armed_forces_europe_treaty.pdf (accessed 10.03.2020).
 17. Лавров пока не видит смысла в работе с НАТО по контролю над ОВ. МИА "Россия сегодня", 10.10.2012. [Lavrov Sees no Point in Working with NATO on Conventional Arms Control. MIA "Rossiya segodnya", 10.10.2012. (In Russ.)] Available at: http://www.ria.ru/defense_safety/20121010/770720474.html (accessed 10.03.2020).
 18. Шакиров О. Контроль над обычными вооружениями в Европе: куда идем? *Индекс безопасности*, № 3(106), т. 19, сс. 31-42. [Shakirov O. Kontrol' nad obychnymi vooruzheniyami v Evrope: kuda idem? [Conventional Arms Control in Europe: Where Are We Going?] *Indeks bezopasnosti*, no. 3(106), vol. 19, pp. 31-42].
 19. Заявление руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями А.Ю. Мазура на пленарном заседании Совместной консультативной группы по Договору об обычных вооруженных силах в Европе. Вена, 10.03.2015. [Statement by the Head of the Delegation of the Russian Federation at the Vienna Talks on Military Security and Arms Control A.Yu. Mazur at the Plenary Meeting of the Joint Advisory Group on the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe. Vienna, 10.03.2015. (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/obycnye-vooruzhenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/1089925 (accessed 10.03.2020).
 20. Гордеев В. Россия полностью отказалась от Договора об обычных вооружениях в Европе. *РБК*, 10.03.2015. [Gordeev V. Rossiya polnost'yu otkazalas' ot Dogovora ob obychnykh vooruzheniyakh v Evrope [Russia Completely Abandoned the Conventional Armed Forces in Europe]. *RBC*, 10.03.2015]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/10/03/2015/54ff22249a79473b6430c950> (accessed 10.07.2020).

21. Engvall J. Military Confidence-Building in Crises: Lessons from Georgia and Ukraine. *Defence Studies*, 04.06.2020. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14702436.2020.1776615> (accessed 06.06.2020). DOI: 10.1080/14702436.2020.1776615
22. Растольцев С.В. Конфликтный статус-кво на постсоветском пространстве. *Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности*. Арбатова А.Г., Бубнова Н.И., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2018, сс. 123–136. [Rastol'tsev S.V. Konfliktnyi status-kvo na postsovetском prostranstve [Conflicting Status Quo in the Post-Soviet Space]. *Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2017–2018: Preodolenie razbalansirovki mezhdunarodnoi stabil'nosti* [Security and Arms Control 2017–2018: Overcoming the Imbalance of International Stability]. Arbatov A.G., Bubnova N.I., eds. Moscow, IMEMO RAN; Politicheskaya entsiklopediya, 2018, pp. 123–136].
23. Schmidt H.-J. The Four-Day War Has Diminished the Chances of Peace in Nagorno-Karabakh. *OSCE Yearbook* 2016. Baden-Baden, Nomos, 2017, pp. 111–123.
24. В МИД России назвали условия для разрешения полетов у границ Абхазии и Южной Осетии. *Известия*, 26.05.20. [The Russian Foreign Ministry Called the Conditions for Permitting Flights at the Borders of Abkhazia and South Ossetia. *Izvestiya*, 26.05.20. (In Russ.)] Available at: <https://iz.ru/1015939/2020-05-26/v-mid-rossii-nazvali-usloviia-dlia-razresheniia-poletov-u-granits-abkhazii-i-iuzhnoi-osetii> (accessed 10.07.2020).
25. Bell A., Richter W., Zagorski A. How to Fix, Preserve and Strengthen the Open Skies Treaty. *Deep Cuts Issue Brief #9*, March 2020. Available at: https://deepcuts.org/files/pdf/Deep_Cuts_Issue_Brief_9-Open_Skies_Treaty.pdf (accessed 10.07.2020).
26. Kapanadze S., Kühn U., Richter W., Zellner W. *Status-Neutral Security, Confidence-Building and Arms Control Measures in the Georgian Context*. CORE Working Paper 28. Hamburg, The Centre for OSCE Research, January 2017. 50 p. Available at: https://ifsh.de/file-CORE/documents/Working_Papers/CORE_WP28_en_.pdf (accessed 10.07.2020).
27. Sahin K. *Status-Neutral Confidence-Building and Arms Control Measures: Options for Transdnistria and Ukraine*. CORE Working Paper 29. Hamburg, The Centre for OSCE Research, March 2018. 32 p. Available at: http://ifsh.de/file-CORE/documents/Working_Papers/CORE_WP29_en.pdf (accessed 10.07.2020).

**IMPACT OF LOCAL PROTRACTED CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE
ON THE CONVENTIONAL ARMS CONTROL REGIME IN EUROPE**
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 76-86)

Received 30.04.2020.

Sergey V. RASTOLTSEV (sergej-ras@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-3238-1832,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Acknowledgments. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation.
Project no. 18-18-00463.

The article is devoted to the analysis of the mutual influence and interrelationship of two European security challenges – the unresolved protracted conflicts in the post-Soviet space and the conventional arms control (CAC) in Europe.

The impossibility to account for and verify arms in the conflict “grey zones,” creating local exceptions from this regime, has led to the fact that the problem of unsettled protracted conflicts has always remained on the agenda of the modern CAC regime in Europe since the early 1990s. However, over the past three decades, the dynamics of their mutual influence have gradually changed. The author identifies three conditional stages in the development of this process. At the first stage, in the 1990s, unresolved conflicts proved to be one of the major problems for the renewed and emerging CAC regime in Europe; nevertheless, the dynamics of its development were positive overall. At the second stage – in the 2000s – when the need for the regime transformation increased, conflicts became a significant obstacle to its reform and it went into a state of stagnation. Finally, since the late 2000s, with the development of erosion processes in the CAC regime itself, when its key mechanisms, such as the CFE Treaty, became ineffective, the European security system climate has deteriorated and the protracted conflicts proved increasingly difficult to resolve. That is, if at first conflicts were a problem for the CAC regime, then the opposite effect has emerged and the crisis of the regime itself has started to affect the resolution of conflicts. Besides, already under the conditions of the CAC regime degradation and the general crisis of the European security, a new serious conflict has started in Ukraine, which later entered a protracted phase, including due to the loss of trust and the impossibility to organize arms control on the territory of the conflict. Paradoxically enough, arms control has proven to be ineffective and inoperative exactly where it is needed most – in conflict regions. As a result, such exceptions in the CAC have undermined this regime from the very beginning, and with the Ukrainian conflict they have become even more numerous. The arms control regime main function of reducing tension and maintaining military and political stability has been impaired. To overcome this systemic crisis, comprehensive solutions are needed to provide for the arms control even in protracted conflicts and mitigate the contradictions around their unresolved status, for example, in the form of a status-neutral arms control.

Keywords: European Security, Protracted Conflicts, Conventional Arms Control (CAC) in Europe, Post-Soviet Space, Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (CFE), CFE Adaptation Agreement (ACFE), NATO, Status-Neutral Arms Control.

About the author:

Sergey V. RASTOLTSEV, Junior researcher, Sector of Non-Proliferation and Arms Limitation, Department of Disarmament and Conflict Resolution Studies, Center of International Security.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-76-86

ПРЕДЕЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

© ЧЕТВЕРИКОВА А.С., 2020

ЧЕТВЕРИКОВА Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23 (chetverikova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4793-4145

Статья подготовлена за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-010-00107 "Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС: выбор национальных стратегий, реакция на общеевропейские вызовы, развитие связей с РФ") в ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Четверикова А.С. Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 2, сс. 87-97. DOI: 10.20542/afj-2020-2-87-97

DOI: 10.20542/afj-2020-2-87-97
УДК: 339.942(43)

Статья поступила в редакцию 27.05.2020.

Статья посвящена анализу экономического развития государств Вишеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) после вступления в Европейский союз (2004 г.). Оно рассмотрено с трех точек зрения, а именно трансформации позиций "четверки" в ЕС, межстранового экономического взаимодействия, официальных отношений внутри группировки. Сделан вывод о некотором прогрессе экономических взаимосвязей в рамках этой региональной субинтеграционной группировки, показаны его объективные пределы.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, экономические взаимосвязи, внешняя торговля, инвестиции, положение в ЕС, официальные позиции.

Вишеградская группа (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) как региональная субинтеграционная группировка существует почти 20 лет, за которые страны-участницы смогли достичь многого в политической, экономической, социальной сферах. Заявляющая об отсутствии цели по созданию альтернативы общеевропейской интеграции или конкуренции с ней [1] группа нацелена как на развитие взаимосвязей внутри себя, так и с другими странами – и членами ЕС, и государствами за его пределами. Неинституализированность "четверки" не помешала ей осуществлять плодотворное сотрудничество во многих сферах – от вопросов безопасности до развития культурных связей. Общеевропейские вызовы, возникавшие за прошедшие годы, продемонстрировали способность Вишеградской группы к отстаиванию общих позиций, хотя страны-участницы не всегда были единодушны по ряду стратегических направлений развития.

ВИШЕГРАДСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЕС

Статистика свидетельствует, что за период членства государств "четверки" в Евросоюзе их экономические позиции упрочились. Совокупный ВВП Венгрии, Польши, Словакии и Чехии за последние 16 лет увеличился более чем вдвое, вплотную приблизившись к отметке 1 трлн евро (табл. 1). Хотя в силу экономических последствий распространения коронавирусной инфекции 2020 г., скорее всего, будет характеризоваться рецессией в этой региональной субинтеграционной группировке, после 2021 г. ее экономика, вероятно, снова пойдет вверх.

Более быстрые темпы прироста ВВП в определенные годы по сравнению с общеевропейскими показателями позволили группе упрочить свои позиции в Евросоюзе, достигнув уровня 6% ВВП ЕС.

Таблица 1. Динамика основных экономических показателей Вишеградской группы, 2004–2019 гг.

Показатель	2004		2012		2019	
		доля в ЕС, %		доля в ЕС, %		доля в ЕС, %
Численность населения, млн чел.	63.9	13.9	64.4	12.8	64.3	12.5
ВВП в текущих ценах, млрд евро	420.7	3.8	724.0	5.4	987.2	6.0
Импорт, млрд евро	201.0	6.7	399.3	8.8	580.8	10.5
Экспорт, млрд евро	182.8	6.1	409.9	9.1	603.7	10.8
Накопленные ПИИ, млрд евро	178.1	5.7	381.4	6.3	482.2*	5.3*

* Данные за 2018 г.

Источник: составлено автором по данным [2; 3].

Одним из основных драйверов экономики Вишеградской группы остается внешняя торговля. Ее роль неуклонно увеличивалась во всех странах – участницах “четверки”, хотя степень зависимости их экономик от нее неодинакова. Наибольшей долей экспорта товаров и услуг в ВВП отличается Словакия (свыше 90%), далее следуют Венгрия, Чехия и Польша [4, с. 64]. В рамках общей положительной динамики внешнеторгового сектора этих стран наблюдался опережающий рост экспорта: по сравнению с 2004 г. к 2019 г. он увеличился в 3.3 раза, а импорт – в 2.9 раза. В результате Вишеградская группа превратилась из импортера в экспортера и стала важным участником внешней торговли ЕС (более 10% экспорта и 10% импорта).

Существенную роль в трансформации внешней торговли группировки сыграли прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые хлынули в вишеградские страны еще до их вступления в ЕС. Процесс подготовки к вступлению и полноценное участие в Евросоюзе упрочили позиции “четверки” как территории, привлекательной для ПИИ. Хотя в некоторые периоды интерес к субрегиону снижался в силу конъюнктурных политических и социально-экономических факторов, он остается в фокусе приложения иностранного капитала в пределах ЕС. Здесь функционируют предприятия с участием американских, китайских, корейских, российских, японских компаний, но ведущая роль сохраняется за европейским капиталом, в первую очередь немецким и французским. С 2004 г. к настоящему времени объем накопленных ПИИ в субрегионе увеличился в 2.7 раза, по этому показателю его доля внутри Евросоюза превысила 5%.

Сохранению, а в ряде случаев и укреплению экономических позиций Вишеградской группы в ЕС не помешал относительно медленный рост населения. Страны-участницы испытывают проблемы с его старением, “утечкой умов” и эмиграцией в целом. В частности, за последние 16 лет демографическая ситуация в совокупности с миграционными процессами привели к сокращению абсолютной численности населения Венгрии и Польши. В настоящее время на территории Вишеградской группы проживает лишь немногим более чем в год вступления стран в ЕС. Расширение самого Евросоюза привело к сокращению доли “четверки” в его общем населении на 1.4 п.п. Подобная динамика и в целом ситуация с экономически активным населением превращаются в проблему для региона, тогда как наличие дешевой, квалифицированной рабочей силы было одним из важных конкурентных преимуществ государств Вишеградской группы при их присоединении к ЕС. В целом можно говорить, что роль Вишеградской группы в Евросоюзе возрастает, причем не только в экономическом плане. При этом “четверка” не всегда демонстрирует полное согласие с Брюсселем по некоторым общеевропейским проблемам, например, касающимся миграции и разнотемного развития. По мнению ряда исследователей, Брюссель стремится “притушить активность группы, чтобы направить ее в нужное русло и лучше контролировать политику” стран-участниц. В частности, это проявляется в сокращении их финансирования из общего бюджета ЕС [5, с. 190].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРИ ГРУППЫ

Вишеградская группа в первую очередь является политическим объединением. В сфере экономики приоритет остается за внешними связями, а развитие взаимодействия между странами-участницами находится на втором плане. По некоторым оценкам, хозяйственные отношения в рамках “четверки” слабы, более того, нет признаков их укрепления, так как основное внимание Вишеградская группа уделяет политическому, а не экономическому сотрудничеству [6, р. 112]. Тем не менее оно оказывает определенное влияние на другие сферы взаимного интереса.

Примечательно, что социологические опросы населения стран Вишеградской группы свидетельствуют о том, что для венгров, поляков, словаков и чехов наиболее важны именно торгово-экономические связи, а вопросы обороны и безопасности, представление общих интересов на уровне ЕС, сотрудничество в области транспорта и энергетики находятся на втором плане. При этом, согласно тем же обследованиям, осведомленность граждан о самой “четверке” относительно низка: в 2015 г. в Словакии о ней знали 54% опрошенных, в Чехии – 37%, в Венгрии – 26%, в Польше – лишь 17%. По сравнению с 2001 г. в Словакии и Чехии эти показатели выросли, в Польше и Венгрии упали [7, pp. 9-10, 13]. Будучи неотъемлемой частью Евросоюза и находясь в определенной зависимости от его крупнейших экономик, Вишеградская группа не представляет собой единого экономического образования. Отнюдь не во всех сферах внутригрупповые связи достаточно сильны и прогрессировали за последние годы. Тем не менее некоторая интенсификация экономических контактов имеет место, в том числе в силу географической близости (фактор соседства) и определенной общности исторического развития [8, с. 72].

Словакия в силу небольших размеров собственной экономики демонстрирует наибольшую степень вовлеченности в хозяйственное взаимодействие в рамках “четверки” (табл. 2). По некоторым его направлениям продолжают играть центральную роль отношения с Чехией, которая также выделяется повышенными показателями значимости других стран-участниц “четверки” в ее внешнеэкономических связях. Польша в наименьшей мере вовлечена в межстрановые отношения внутри Вишеградской группы, поскольку размер ее экономики позволяет иметь более диверсифицированные связи. Некоторые опасения, существовавшие в период вступления стран в ЕС в отношении эмиграции из Центральной Европы, не вполне оправдались, если рассматривать ситуацию в Вишеградской группе. Например, за прошедшие годы доля вишеградцев среди иностранцев выросла в Венгрии и Чехии, где велика доля словаков. Явное сокращение и переориентация на рынки других стран наблюдалась только в самой Словакии, хотя даже здесь более 15% иностранцев продолжают оставаться вишеградцами (табл. 2).

Таблица 2. Межстрановое взаимодействие в Вишеградской группе

Показатель	Годы	Страны			
		Венгрия	Польша	Словакия	Чехия
Доля граждан стран “четверки” среди иностранцев, %	2004	>4.2	-	29.2	25.4
	2012	>7.4	-	23.7	24.2
	2019	>9.8	1.8*	15.3*	25.5*
Доля стран “четверки” в импорте, %	2004	8.1	7.2	20.9	12.3
	2012	13.9	7.3	17.3	15.6
	2019	15.8*	6.8*	20.6*	14.3
Доля стран “четверки” в экспорте, %	2004	7.2	8.7	24.1	8.1
	2012	13.6	11.1	29.6	17.5
	2019	13.9*	11.6*	25.4*	16.9
Доля стран “четверки” в экспорте ПИИ, %	2004	-	4.8	76.7	25.0
	2012	1.4	6.2	56.8	14.6
	2019	4.0*	21.3*	59.1*	12.6*

Доля стран “четверки” в импорте ПИИ, %	2004	-	0.6	14.4	1.6
	2012	0.3	0.9	11.8	4.8
	2019	1.2*	1.7*	18.9*	6.0*

* Данные за 2018 г.

Источник: составлено автором по [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

В целом внешнеторговое взаимодействие в рамках “четверки” с момента вступления Венгрии, Польши, Словакии и Чехии в ЕС имело тенденцию к усилению. Особенно явно это прослеживается во взаимных поставках товаров. Доля экспорта в вишеградские страны в общем показателе с 2004 г. в наибольшей степени возросла в Чехии и Венгрии: более чем на 8 и 6 п.п. соответственно. Польский экспорт также стал более ориентированным на вишеградский рынок. Более всех зависима от соседей Словакия: свыше четверти ее экспортных поставок идет на польский, чешский и венгерский рынки. В целом страны-участницы являются важными партнерами друг для друга в сфере экспортных поставок, хотя в их среде имеются и некоторые спорные вопросы, например, касающиеся торговли сельскохозяйственной продукцией. Именно внешнеторговые связи обеспечивают платформу для общих интересов и действий стран “четверки” в экономической сфере [18, pp. 6, 8].

Динамика импорта не столь однозначна. Структура и размер экономик вишеградских стран, учитывая отсутствие у них определенных видов природных ресурсов, прежде всего энергоносителей, а также усиление роли Китая в их внешнеторговом секторе за последние годы обуславливают неустойчивость и более низкую значимость рынка “четверки” для взаимных импортных поставок стран-участниц.

Традиционно самой зависимой остается словацкая экономика: как и 16 лет назад страна импортирует более 20% товаров с чешского, польского и венгерского рынков. За период членства в ЕС сменился второй участник, в наибольшей степени ориентированный на вишеградский рынок в своем импорте, – им стала Венгрия. Доля стран – соседей по “четверке” в ее импорте практически удвоилась и превысила 15%, причем в последние годы показатели Польши, Чехии и Словакии были примерно равнозначными.

Значимость вишеградского рынка для чешского импорта также возросла, правда, всего на 2 п.п. по сравнению с 2004 г. При этом после вступления Чехии в ЕС проявилась тенденция по переориентации импорта Чехии со Словакии на Польшу, на которую в последние годы приходится около половины всех поставок на чешский рынок из вишеградских стран. Сама же Польша за прошедшие годы несколько сократила свои закупки из государств – участниц “четверки”, ориентируясь на более крупных внешнеторговых партнеров. Сейчас вишеградские страны обеспечивают чуть менее 7% польского импорта, причем на первом месте находится Чехия, что было характерно и в середине 2000-х годов.

Недосформированность крупных национальных компаний-чемпионов, способных к экспансии на зарубежные рынки, их немногочисленность, конкуренция со стороны европейских, американских и азиатских ТНК, а также практика использования офшорных юрисдикций для осуществления ПИИ¹ определяют в целом невысокие показатели вишеградских стран в сфере прямого иностранного инвестирования. Проблема связана также с преобладанием в их экономиках малого и среднего бизнеса, а также особенностями статистического учета. По мнению исследователей, лишь Венгрию возможно отнести к заметным экспортерам капитала [19, p. 256]. Стоит отметить, что участницы “четверки” в различной степени были и остаются ориентированными на вишеградский рынок в рамках ПИИ, что определяется особенностями каждой страны. Однако в целом за прошедшие годы внутривишеградские инвестиционные связи расширились. При этом ситуация в инвестиционной сфере характеризуется достаточной динамичностью в силу малых объемов вложений: несколько крупных сделок могут менять общую картину распределения ПИИ.

¹ Подобными юрисдикциями являются Кипр, Нидерланды и ряд других стран и территорий. Они используются компаниями для оптимизации своих вложений, хотя реальные активы могут располагаться на территории других государств.

Еще одной особенностью инвестиционного взаимодействия в рамках “четверки” является то, что оно мало влияет на взаимную торговлю. Большинство видов деятельности с участием вишеградских вложений обладают низким торговым потенциалом: подразделения компаний из “четверки” в целом менее ориентированы на экспорт, нежели иностранный сектор экономики этих стран [20, р. 89].

Традиционно наиболее ориентированной на рынок региональной субинтеграционной группировки является Словакия, что особенно ярко проявляется в случае экспорта ПИИ. Больше половины словацких ПИИ до сих пор приходится на вишеградские страны, хотя показатель сократился более чем на 17 п.п. по сравнению с 2004 г. (табл. 2). Как и ранее, основным направлением приложения словацкого капитала остается Чехия, многократно обгоняющая по объемам аккумулированных словацких инвестиций Польшу и Венгрию. Крупнейшая экономика “четверки” – Польша – в последние годы заметно увеличила свою активность на вишеградском рынке, доля которого сейчас превысила 20%. Главным образом польские компании присутствуют в Чехии и Венгрии. Что касается Чехии, после вступления в ЕС она практически вдвое сократила долю своих ПИИ в “четверку”, диверсифицировав направления приложения своего капитала. Однако до сих пор три другие вишеградские страны аккумулируют более 12% накопленных чешских ПИИ: как и прежде они в основном сосредоточены в Словакии, в меньшей степени в Польше и Венгрии. Венгрия наименее ориентирована на связи внутри группировки, хотя в последние годы несколько увеличила экспорт своего капитала на территорию партнеров, главным образом в Словакию и Польшу.

В последние годы страны “четверки” направляют все больше ПИИ в государства – партнеры по группе (табл. 2). В Словакии на чешский, венгерский и польский капитал сейчас приходится более 18% всех накопленных ПИИ. При этом если в середине 2000-х годов Венгрия и Чехия инвестировали в нее примерно одинаково при явном отставании Польши, то в последние годы лидерство Чехии как основного инвестора в Словакии среди вишеградских стран стало абсолютным.

Сама Чехия также стала более инвестиционно привлекательной для партнеров по “четверке”: их доля в общем объеме полученных ПИИ увеличилась почти в четыре раза по сравнению с 2004 г. Традиционно основным инвестором является Словакия, правда в последние годы увеличивается роль польского капитала, объемы которого стали сопоставимы со словацкими ПИИ.

Доля ПИИ из “четверки” в Польшу возросла почти в три раза, но остается довольно низкой – не более 2%. При этом если ранее в Польшу приходил главным образом венгерский капитал, то в последние годы на ведущую роль стал претендовать чешский. Венгрия в наименьшей степени привлекательна для других вишеградцев с инвестиционной точки зрения: лишь немногим более 1% ее накопленных ПИИ, причем лидирует Польша.

Таблица 3. Крупнейшие вишеградские компании в экономиках стран-партнеров по “четверке”, 2018 г.

Компания	Сектор	Владелец	Оборот, млрд евро	Персонал, человек
Словакия				
<i>Slovnaft</i>	нефтехимия	Венгрия	3.8	2567
<i>Stredoslovenska Energetika Holding</i>	электроэнергетика	Чехия	0.7	293
Чехия				
<i>Unipetrol RPA</i>	нефтехимия	Польша	4.8	416
<i>MOL Ceska Republika</i>	нефтяная промышленность, нефтехимия	Венгрия	1.9	225
<i>Synthos Kralupy</i>	химическая промышленность	Польша	0.6	700

Источник: составлено автором по [21].

Относительную ограниченность взаимных инвестиционных связей в рамках Вишеградской группы подтверждают рейтинги компаний. В частности, ежегодные обследования 500 крупнейших компаний Центральной и Восточной Европы свидетельствуют о том, что вишеградских компаний, владеющих значимыми активами в странах-партнерах в рамках “четверки”, насчитываются единицы. По итогам последнего рейтинга их было лишь пять среди 500 представленных в регионе ЦВЕ (табл. 3). Территориальные предпочтения крупнейших компаний Вишеградской группы подкрепляют статистические данные центральных банков этих стран по накопленным ПИИ: основные получатели – это Чехия и Словакия. При этом приобретенные активы относятся к вторичному сектору, основными же странами-инвесторами являются три крупнейшие экономики региональной субинтеграционной группировки.

Таким образом, экономическое взаимодействие в рамках Вишеградской группы продолжало развиваться в период членства участниц в Евросоюзе. По некоторым экономическим направлениям усиливались позиции самой группы в рамках ЕС, что является следствием не только усилий со стороны ее отдельных стран-участниц, общеевропейских процессов и ситуации в крупнейших европейских экономиках, но и политики Вишеградской группы как объединения. В то же время продолжают действовать факторы, ослабляющие вишеградское взаимодействие. Среди них выделяется невхождение Венгрии, Польши и Чехии в зону евро, недостаточная взаимосвязанность инфраструктуры, различная степень открытости экономик и ряд других причин [22, р. 362].

ОФИЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вишеградская группа создавалась в 1991 г. как форма политического, экономического и культурного сотрудничества стран, стремившихся стать неотъемлемой частью Европы [23]. Экономические аспекты интеграции были весьма важны в период их подготовки к вступлению в ЕС, а после 2004 г. актуальность ряда из них снизилась, хотя продолжает оставаться в повестке дня регионального субинтеграционного объединения.

На официальном уровне после вступления стран в ЕС были четко очерчены сферы взаимодействия в рамках “четверки”, в рамках ЕС, с другими странами-партнерами и международными организациями. К приоритетам развития отношений в рамках Вишеградской группы отнесены культура, образование, наука, трансграничное сотрудничество, инфраструктура, окружающая среда, борьба с терроризмом и нелегальной миграцией и ряд других внеэкономических вопросов.

Оценивая деятельность Вишеградской группы, которая рассматривается как субрегиональная платформа, чьей основной целью является поддержка возможного сближения национальных позиций по вопросам внешней политики, представляющим общий интерес, и отстаивание совместных позиций вовне, исследователи указывают на ее некоторые успехи, включая достижения в экономических вопросах, например, в сфере энергетики. Хотя для “четверки” не характерно единство подходов по всему спектру вопросов внутренней и внешней политики, гибкость и доступность позволяет ей оставаться эффективной платформой для общей координации позиций [24, pp. 4, 25-27].

Не будучи в полной мере институционализированным объединением, Вишеградская группа развивается на основе постоянных встреч ключевых политических фигур и других государственных лиц, а также экспертов, представителей различных организаций. Центральные вопросы сотрудничества поднимаются в рамках ежегодных встреч премьер-министров четырех стран. В течение года деятельность группы определяется планом, разрабатываемым председательствующей страной-участницей. Основной сферой текущих интересов “четверки” являются развитие взаимодействия в области культуры, окружающей среды, образования и науки, безопасности, инфраструктуры, туризма, энергетики, информационных технологий. При этом тематика и роль экономической проблематики в период членства “четверки” в ЕС не была постоянной.

В целом можно говорить о том, что активность взаимодействия на официальном уровне в рамках “четверки” возрастала в периоды общих мировых или европейских вызовов, будь то финансово-экономический кризис, ситуация на Украине или общеевропейский миграционный кризис. Кроме того, в последние годы Вишеградская группа стала чаще

выражать свою особую позицию, выступая с большим числом официальных заявлений и коммюнике по широкому спектру вопросов, включая наиболее острые европейские проблемы (табл. 4). Так, в 2014 г. и 2018 г. таких заявлений было свыше 20. При этом экономические вопросы были тематикой больше половины официальных заявлений лишь в течение шести лет, начиная с 2004 г., в остальных случаях основными обсуждаемыми темами становилось развитие отношений в области безопасности, культуры, экологии и ряда других.

Наиболее активно экономическое взаимодействие обсуждалось в 2015 г., затронув главным образом вопросы энергетики и энергобезопасности. В 2018 г. получили развитие отношения в сфере транспорта, АПК, цифровой экономики, финансового сектора, затрагивались общеэкономические вопросы, политика сплочения и региональное взаимодействие. В целом, согласно официальным заявлениям и коммюнике, если на начальном этапе членства в ЕС страны – участницы “четверки” обсуждали преимущественно широкий круг общих вопросов, финансы и энергетику, то сейчас внимание сосредоточено на общеевропейской тематике – цифровой экономике, инновациях, инфраструктуре. В годовом разрезе за весь период наиболее часто официальная позиция Вишеградской группы выражалась по общим вопросам, развитию энергетики и транспорта. Проблемы малого и среднего бизнеса, а также туризма были наименее обсуждаемыми.

В течение первых четырех месяцев 2020 г. Вишеградская группа выпустила три официальных заявления, которые не касались напрямую экономической тематики. За пределами экономической сферы с 2004 г. основными обсуждаемыми вопросами были оборона и безопасность, ситуация на Украине, Восточное партнерство, Западные Балканы, взаимодействие в сфере культуры, образования, экологии, развития электронного правительства и ряд других.

Таблица 4. Официальные заявления и коммюнике Вишеградской группы, 2004–2019 гг.

Год	Всего	Из них с экономической проблематикой	Основная тематика официальных заявлений и коммюнике экономического характера
2019	17	7	цифровая экономика; инновации, транспорт; АПК; туризм; энергетика
2018	26	13	политика сплочения; транспорт; финансовый сектор; цифровая экономика; АПК; общие вопросы; региональное взаимодействие
2017	15	7	АПК; энергетика; инновации; транспорт; цифровая экономика; общие вопросы
2016	10	2	цифровая экономика; транспорт; энергетика
2015	18	12	энергетика; общие вопросы; инновации; транспорт; цифровая экономика
2014	21	3	энергетика; транспорт; общие вопросы; инновации
2013	14	8	энергетика; политика сплочения; финансовый сектор; общие вопросы; транспорт; инновации; малый и средний бизнес; АПК
2012	11	3	общие вопросы; политика сплочения; инновации; транспорт
2011	15	7	политика сплочения; общие вопросы; АПК; финансовый сектор; транспорт; энергетика
2010	6	4	общие вопросы; энергетика
2009	13	4	общие вопросы; энергетика; финансовый сектор; АПК
2008	10	5	общие вопросы; энергетика; финансовый сектор; политика сплочения
2007	14	6	общие вопросы; энергетика; региональная экономика; малый и средний бизнес
2006	6	1	энергетика; инновации
2005	8	4	общие вопросы; политика сплочения; финансовый сектор; региональная экономика; транспорт; туризм
2004	7	3	общие вопросы; финансовый сектор

Источник: составлено автором по [25].

Позиции стран Вишеградской группы претерпели существенные изменения с момента их вступления в Евросоюз, что прослеживается и на тех целях, которые ежегодно ставило перед собой председательствующее в “четверке” государство. Расширился круг вопросов, к которым группа проявляет интерес, изменилось само видение своих позиций. Например, в 2004–2005 гг., когда председательствовала Польша, приоритетными было взаимодействие по вопросам будущего финансового периода, Шенгенской зоны, политики соседства, функционирования Вишеградского фонда, взаимодействия в области энергетики, промышленности, инфраструктуры, науки, регионального сотрудничества [26]. Польша заявляла о важности дальнейшего развития вишеградского сотрудничества, поскольку расширение ЕС, по ее мнению, усилило роль региональных группировок. В этой связи “четверка” продолжала совершенствовать консультативные механизмы и усиливать лоббистские усилия [27]. Вишеградские страны встраивались в новые для себя условия, ища эффективные пути взаимодействия в пределах ЕС.

В 2018–2019 гг. председательствовала Словакия. В своей программе она указывала на то, что Вишеградская группа хочет быть конструктивным игроком в ЕС, при этом имеющим свое видение и решения, а также отмечала, что мнение регионального субинтеграционного объединения принимается во внимание на всех уровнях. Как председателем группы ею были выбраны три основных приоритета: сильная Европа, включающая меры по развитию общеевропейских перспектив без разделительных линий внутри сообщества; безопасная среда, объединяющая вопросы безопасности, отношений со странами-соседями, проблемы миграции и энергетической безопасности; и “умные решения”, включая развитие цифровой среды [28, pp. 2-5].

На уровне “четверки” прошли обсуждения наиболее актуальные вопросы как для ЕС в целом, так и для самой группировки – от долгосрочного финансового плана и британского Брекзита до взаимодействия в области туризма и образования. Сейчас можно констатировать, что за прошедшее время взаимодействие в Вишеградской группе стало охватывать довольно широкую повестку вопросов как общеевропейского, так и субрегионального уровня, а сами участники группы стали неотъемлемой частью ЕС. Сама же “четверка” постепенно стала “признанной и влиятельной политической силой” в ЕС [29, с. 57].

При этом стоит отметить, что в группе отсутствует единство позиций: каждое из председательствующих государств предлагает свое видение приоритетных целей “четверки”. Так, Венгрия рассматривает ее как наиболее важный формат регионального взаимодействия, позволяющий развивать отношения и за пределами Центральной Европы. Польша пользуется возможностями Вишеградской группы для решения собственных задач, рассматривая ее наравне с другими форматами регионального сотрудничества. Для Чехии важность “четверки” определяется возможностью поддерживать постоянный диалог со своими стратегическими партнерами в лице Словакии и Польши. Для Словакии Вишеградская группа является особенно важной региональной инициативой, хотя страна и стремится максимально повышать степень своей включенности в общеевропейские процессы [30, p. 68].

Единственная институализированная структура Вишеградской группы – Вишеградский фонд, созданный в 2000 г. Он выделяет гранты как организациям, так и отдельным гражданам для реализации их проектов, главным образом в сфере культуры, науки, образования, туризма. Масштаб его деятельности постепенно увеличивается: если в 2005 г. правительства стран-участниц выделили в фонд 3 млн евро, то в 2015 г. – 8 млн евро [31]. Дополнительное финансирование поступает с 2012 г. от стран-доноров – Германии, Канады, Нидерландов, Республики Корея, США, Швейцарии, Швеции. За весь период своей деятельности фонд в территориальном разрезе предоставляет финансирование примерно в равных долях между странами-участницами (по 20%) и прочими государствами (18%). Основная тематика поддерживаемых проектов касается внеэкономических вопросов, хотя поддержку находит и развитие экономических связей, главным образом за счет финансирования проведения различных конференций, форумов, семинаров, публикаций докладов соответствующей тематики.

* * *

В силу своей неинституализированности Вишеградская группа обладает нешироким инструментарием совместной политики. Тем не менее она смогла наработать успешные практики развития взаимоотношений стран-участниц, охватывающие многие социальные,

политические, экономические вопросы. Понимая пределы внутригрупповых связей, прежде всего экономических, страны-участницы заинтересованы в сотрудничестве с другими партнерами. Однако это не является препятствием для совместных инициатив.

Интеграция в ЕС не помешала межстрановым экономическим связям в Вишеградской группе. Напротив, по ряду направлений они имели тенденцию к расширению, чему способствовал рост экономик Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Усилились экономические позиции “четверки” и на общеевропейском уровне. Однако поскольку вишеградские государства остаются открытыми и зависимыми от более крупных партнеров по ЕС, существуют определенные пределы углубления экономических отношений в рамках этой региональной субинтеграционной группировки. Правда, вероятно, они пока не достигнуты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *About the Visegrad Group*. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/about> (accessed 13.05.2020).
2. *Eurostat Database*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 13.05.2020).
3. *World Investment Report: Annex Tables*. United Nations Conference on Trade and Development. Available at: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 13.05.2020).
4. Четверикова А.С. Страны Вишеградской группы в ЕС: экономические результаты. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 2, сс. 63-70. [Chetverikova A.S. Strany Vishegradskoi grupy v ES: ekonomicheskie rezul'taty [The Visegrad Countries in the EU: Economic Results]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 2, pp. 63-70.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-63-70
5. Зверева Т.В. Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2019, т. 12, № 2, сс. 181-196. [Zvereva T.V. Evolyutsiya subregional'nykh ob'edinenii vnutri ES (na primere Vishegradskoi grupy) [Evolution of Sub-Regional Associations within the EU (the Visegrad Group)]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 181-196.] DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196
6. Jasiecki K. Economic Cooperation among the Visegrad Countries. *The Visegrad countries in crisis*. Pakulski J., ed. Warsaw, Collegium Civitas, 2016, pp. 106-121. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Zsolt_Gal2/publication/327775482_Slovakias_Elite_Between_Populism_and_Compliance_with_EU_Elites/links/5ba394fe45851574f7d89505/Slovakias-Elite-Between-Populism-and-Compliance-with-EU-Elites.pdf#page=107 (accessed 13.05.2020).
7. Gyárfasová O., Mesezníková G. *25 Years of the V4 as Seen by the Public*. Bratislava, Institute for Public Affairs, 2016. 32 p.
8. Шишелина Л.Н., отв. ред. *Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. Москва, Институт Европы РАН, 2017. 138 с. [Shishelina L.N., ed. *Vishegradskaya chetverka v Evropeiskom soyuze: dilemmy konvergentsii* [The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence]. Moscow, IE RAN, 2017. 138 p.]
9. *World Integrated Trade Solution Database*. Available at: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en> (accessed 13.05.2020).
10. *Czech Statistical Office*. Available at: <https://www.czso.cz/csu/czso/home> (accessed 13.05.2020).
11. *Központi statisztikai hivatal*. [Hungarian Central Statistical Office (In Hung.)] Available at: <https://www.ksh.hu> (accessed 13.05.2020).
12. *Štatistický úrad Slovenskej republiky*. [Statistical Office of the Slovak Republic (In Slovak.)] Available at: <https://slovak.statistics.sk> (accessed 13.05.2020).
13. *Statistics Poland*. Available at: <https://stat.gov.pl/en/> (accessed 13.05.2020).
14. *Czech National Bank. Statistics*. Available at: <https://www.cnb.cz/en/> (accessed 13.05.2020).
15. *Národná Banka Slovenska. Statistics*. [National Bank of Slovakia (In Slovak.)] Available at: <https://www.nbs.sk/en/home> (accessed 13.05.2020).
16. *Magyar Nemzeti Bank. Statistics*. [The Central Bank of Hungary (In Hung.)] Available at: <https://www.mnb.hu/en> (accessed 13.05.2020).
17. *Narodowy Bank Polski. Statistics*. [National Bank of Poland (In Pol.)] Available at: <https://www.nbp.pl/homen.aspx?f=/srodeken.htm> (accessed 13.05.2020).
18. Krulis K. *V4 and the Internal Market: Benelux of the 21st Century?* Prague, Association for International Affairs, 2016. 25 p. Available at: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2016/03/AMO_PP_V4-Internal-Market.pdf (accessed 13.05.2020).
19. Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А. Эволюция привлечения прямых иностранных инвестиций в Венгрии. *Вестник РГГУ. Серия “Экономика. Управление. Право”*, 2019, № 4, сс. 247-261. [Drynochkin A.V., Sergeev E.A. Evolyutsiya privlecheniya pryamykh inostrannykh investitsii v Vengrii [Evolution of Foreign Direct Investments to Hungary]. *Vestnik RGGU. Seriya “Ekonomika. Upravlenie. Pravo”*, 2019, no. 4, pp. 247-261.] DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-247-261
20. Hunya G., Richter S. Mutual Trade and Investment of the Visegrad Countries before and after their EU Accession. *Eastern Journal of the European Studies*, 2011, vol. 2, no. 2. pp. 77-91.

21. Coface CEE Top 500 Ranking. 2019 Edition. Available at: <https://www.cofacecentraleurope.com/News-Publications/Publications/Coface-CEE-TOP-500-Companies-2019-Edition> (accessed 13.05.2020).
22. Kiss J. Prospects of the Visegrad Cooperation in Changing Economic, Political and Social Conditions: Identifying Converging and Diverging Factors. *Prospects of the Visegrad Cooperation: Identifying Converging and Diverging Factors*. Tury G., ed. Budapest, Institute of World Economics, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2015, pp. 329-367.
23. *Visegrad Declaration 1991. Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration*. Visegrad Group, 15.02.1991. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (accessed 13.05.2020).
24. Toro Cs., Butler E., Gruber K. Visegrad: the Evolving Pattern of Coordination and Partnership after EU Enlargement. *Euro-Asia Studies*, 2013, vol. 66, no. 3, pp. 364-393. DOI: 10.1080/09668136.2013.855392
25. *Official Statements and Communiqués*. Visegrad Group. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (accessed 13.05.2020).
26. *Program for the Polish Presidency of the Visegrad Group 2004/2005*. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/2004-2005-polish-110412> (accessed 13.05.2020).
27. *Activity of the Polish Presidency of the Visegrad Group in 2004/2005*. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/2004-2005-polish-110412> (accessed 13.05.2020).
28. *Dynamic Visegrad for Europe. Slovak Presidency 2018/2019 of the Visegrad Group*. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/slovak-v4-presidency-en> (accessed 13.05.2020).
29. Ведерников М. Итоги деятельности Вишеградской группы в 2019 году. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 1, сс. 57-63. [Vedernikov M. Itogi deyatel'nosti Vishegradskoi gruppy v 2019 godu [About the Results of V4 Activity in 2019]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, 2020, no. 1, pp. 57-63.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120205763>
30. Strazay T. When Pragmatism Wins: Slovakia in the Visegrad Group. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*. Brezani P., ed. Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019, pp. 67-74.
31. *Aims and Structure*. Visegrad Group. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/about/aims-and-structure> (accessed 13.05.2020).

THE LIMITS OF ECONOMIC RELATIONS OF THE VISEGRAD GROUP (Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 87-97)

Received 27.05.2020.

Anna S. CHETVERIKOVA (chetverikova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4793-4145,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgments. The article was prepared at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences and supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-010-00107 "The limits of independence of the Visegrad Group in the EU: choice of national strategies, response to common European challenges, development of relations with the Russian Federation").

The article is devoted to the analysis of the economic positions of the Visegrad Group after the accession of Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic to the EU. The economic development of the "four" was considered from three points of view, including the transformation of Visegrad positions in the EU, changes in intercountry relations within the regional sub-integration group and shifts at the official level of the Visegrad Group. The article shows that during the membership of the "four" in the European Union their role in the economy of the integration association had increased, which strengthens the positions of the "four" at the pan-European level in general. The author describes the main trends of the economic relations within the "four" and notes that the intra-group economic relations are a relatively low priority compared to other types of interactions. Interconnections in all economic areas in the Visegrad Group are not sufficiently developed. The author identifies the states that are the most and the least dependent on inter-county economic relations in the regional sub-integration group using the examples of the foreign trade sector and FDI sector. The article assesses the changes that have occurred at the official level of the Visegrad Group in the economic relations sphere since the mid-2000s. The author examines the key issues of such level of cooperation citing different positions of member-countries. The analysis allows us to talk about the "four's" success in the economic relations development, but the Visegrad countries preserve certain limits of economic relations within the regional sub-integration group.

Keywords: *the Visegrad Group, economic relations, foreign trade, investments, role in the EU, official positions.*

About the author:

Anna S. CHETVERIKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for European Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-87-97

ТОРГОВЛЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТЬЮ В НЕСЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ: ЕСТЬ ЛИ ПОТЕНЦИАЛ?

© НЕВСКАЯ А.А., 2020

НЕВСКАЯ Анастасия Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора экономики европейских стран Центра европейских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (nevskaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3939-8760.

Статья подготовлена в ИМЭМО РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-314-00022 "Взаимодействие компаний из России и Европейского союза в рамках глобальных стоимостных цепочек".

Невская А.А. Торговля добавленной стоимостью в несырьевых отраслях между Россией и Европейским союзом: есть ли потенциал? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 98-109. DOI: 10.20542/afj-2020-2-98-109

DOI: 10.20542/afj-2020-2-98-109

УДК: 339.5 (4)+(470)

Статья поступила в редакцию 09.03.2020.

В статье рассматриваются структура и динамика торговли добавленной стоимостью между Россией и ЕС в отраслях обрабатывающей промышленности. Исследуются вопросы продвижения страны и ее предприятий на более высокие позиции в международных цепочках добавленной стоимости (ЦДС). Проанализирована динамика спроса стран – членов Европейского союза на зарубежную добавленную стоимость в различных отраслях. На основании полученных данных, а также анализа текущей мировой экономической конъюнктуры сделаны выводы о наиболее перспективных сферах, в которых возможно усиление взаимодействия России и Европейского союза в рамках ЦДС.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, международная торговля, цепочки добавленной стоимости, несырьевой экспорт, обрабатывающая промышленность.

Под цепочкой добавленной стоимости (ЦДС)¹ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) понимает способ организации производства товара/услуги, при котором разные этапы производственного процесса располагаются в разных государствах вследствие использования транснациональными компаниями практик аутсорсинга и оффшоринга. Необходимость анализа международных экономических связей в категориях цепочек добавленной стоимости связана с тем, что в результате быстрого роста и углубления международного разделения труда промежуточная продукция занимает значительную часть в трансграничном движении товаров и услуг. Следовательно, для получения полной картины участия страны в международном разделении труда и выявления характера ее торгово-экономических связей с другими государствами важно анализировать взаимные потоки добавленной стоимости.

¹ Другие варианты названия, встречающиеся в литературе, – глобальные цепочки создания стоимости, глобальные производственно-сбытовые цепочки, цепочки добавленных стоимостей и др.

Участие России в международных цепочках добавленной стоимости в его качественном, отраслевом и географическом аспектах – неотъемлемая часть вопроса о повышении конкурентоспособности российской экономики. В настоящей работе представлены результаты анализа торговли добавленной стоимостью (ДС) между Россией и странами Европейского союза в ряде отраслей обрабатывающей промышленности. Географический фокус работы обусловлен той важной ролью, которую играет Европейский союз во внешнеторговых связях России и в международных цепочках добавленной стоимости в целом.

Выбранный отраслевой ракурс связан с тремя соображениями. Во-первых, для России именно отрасли обрабатывающей промышленности выступают сферой приложения усилий экспертных и административных структур, разрабатывающих механизмы модернизации и повышения конкурентоспособности российской экономики.

Во-вторых, именно в обрабатывающих отраслях Европейский союз наиболее очевидно проигрывает конкуренцию с быстрорастущими новыми центрами экономической мощи, в первую очередь с Китаем. В этой связи вероятным выглядит рост сотрудничества с российским бизнесом для оптимизации производственного процесса, в том числе посредством экспорта промежуточных товаров в Россию и создания новых возможностей для российского бизнеса по участию в международных ЦДС. При этом парализовавшая китайскую экономику эпидемия COVID-19 довольно четко продемонстрировала западным производителям, включая европейских, фатальную степень их зависимости от поставок комплектующих из Китая в огромном числе отраслей. Неизбежная перестройка глобальных цепочек добавленной стоимости также может обернуться новыми возможностями для российских производителей в плане участия в большем числе этапов производственного процесса многих европейских компаний.

В-третьих, обрабатывающие отрасли в современной мировой экономике в значительной степени играют роль интегратора, притягивая все большее количество сервисных функций. Следовательно, именно они обладают наиболее мощным мультипликативным эффектом и потенциалом “перетекания” финансовых, интеллектуальных, управленческих и прочих ресурсов, а также лучших практик ведения бизнеса в максимальное число смежных отраслей и соседних этапов в рамках единых стоимостных цепочек.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СТРАНОВОГО УЧАСТИЯ В ЦДС

Методология анализа взаимодействия двух или более стран в рамках международных цепочек добавленной стоимости полностью не сформировалась. В исследовательской литературе преобладают примеры анализа участия отдельных стран в глобальных стоимостных цепочках, причем зачастую этот анализ ограничен какой-то одной отраслью [1; 2]. Методология такого анализа чаще всего включает в себя декомпозицию валового импорта и экспорта страны на источники добавленной стоимости и отслеживание динамики этих источников, в том числе по отраслям. Удачный пример такого анализа – отчет для Министерства экономики Нидерландов “Голландская промышленность конкурирует в рамках цепочек добавленной стоимости” [3], подготовленный исследователями из Университета Гронингена. Фокус внимания авторов и полученные результаты касаются в первую очередь внутристрановых процессов и их влияния на то, как голландская экономика встраивается в международные производственные цепочки.

Другой подход к анализу участия страны в международных ЦДС – более ориентированный на внешние факторы, влияющие на характер этого участия, – часто используется при анализе Брекзита и его последствий для британской экономики. Одна из таких работ [4], также используя рассмотренные выше методы декомпозиции и структурно-динамического анализа статистики торговли добавленной стоимостью, содержит выводы о том, что после Брекзита Великобритания может испытывать значительные сложности в торговле с третьими странами вследствие того, что она торгует с ними промежуточными продуктами, которые проходят через страны ЕС. Таким образом, создаваемая Соединенным Королевством система двусторонних торговых соглашений должна будет учитывать этот фактор. Работы как теоретической, так и практической направленности опираются

в методологическом инструментарии на базы данных ОЭСР по торговле добавленной стоимостью ОЭСР TiVA [5]. Для анализа участия России в ЦДС со странами ЕС и возможностей оптимизации этого участия мы также будем использовать эту статистическую базу.

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗИЦИИ СТРАНЫ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТЬЮ

Одновременно важно рассмотреть существующие теоретические и регуляторные подходы к продвижению позиций страны и ее отдельных отраслей (а фактически – отечественных компаний) на более выгодное место в международных цепочках добавленной стоимости.

Вышедший в начале 2020 г. доклад Всемирного банка “Торговля для развития в эпоху глобальных цепочек добавленной стоимости” (*Trading for Development in the Age of Global Value Chains*) содержит оценки участия стран мира в глобальных ЦДС [6]. Авторы доклада выделяют четыре стадии такого участия: поставки сырья, ограниченное производство, продвинутое производство и услуги, инновационная деятельность. Россия отнесена к первой стадии наряду с Казахстаном, Австралией, Чили и некоторыми государствами Африки, Азии и Латинской Америки. В докладе показано, что ряд стран совершили переход от одной стадии к другой. Так, Аргентина, Армения, Индонезия, Южная Африка и другие сумели перейти от поставок сырья к ограниченному производству. Китай, Индия, Польша, Эстония – среди тех, кто продвинулся от ограниченного к продвинутому производству и поставкам услуг. От продвинутого к инновационному производству перешли Австрия, Канада, Финляндия, Сингапур, Республика Корея. В докладе приведен пример Чешской Республики, которая сразу перешагнула через две стадии: от ограниченного производства к инновационному.

Доклад содержит комплексные рекомендации по осуществлению транзита к более выгодным формам участия в международных ЦДС, связанным, скорее, с осуществлением экономической политики на государственном уровне, чем с усилиями отдельных хозяйствующих субъектов. В качестве факторов движения по цепочке стоимости выделяются: количество и качество факторов производства (финансовые, трудовые, интеллектуальные и предпринимательские ресурсы); размер рынка и режим доступа на него; географическое положение и связанные с ним логистические и инфраструктурные возможности; институты, включая режим регулирования прав интеллектуальной собственности, стандарты и регламенты, стабильность и предсказуемость экономической политики и т.д. Среди основных мер политики предлагается таргетированное привлечение “трансформационных” потоков прямых иностранных инвестиций в наиболее важные и потенциально конкурентоспособные отрасли, развитие человеческого капитала, либерализация внешней торговли, стимулирование конкуренции в сфере транспорта и логистики, совершенствование таможенных процедур и другие. Авторы доклада отмечают, что рекомендованные меры сильно зависят от отрасли, в которой страна планирует интенсифицировать свое участие в международных ЦДС. Так, для сельского хозяйства и автомобильной промышленности очень важно создание инструментов вовлечения местных поставщиков из числа малого и среднего бизнеса, создание их прочных взаимосвязей с крупными зарубежными фирмами-заказчиками.

Российский исследователь В.Б. Кондратьев приводит возможные способы продвижения (или “апгрейда”) в стоимостных цепочках, применимые на микроуровне для конкретных компаний [7] и отраслей [8]. По приведенной им классификации, существует четыре основных уровня такого апгрейда: технологический (совершенствование производственного процесса), продуктовый (улучшение свойств продукта), функциональный (переориентация специализации фирмы на более дорогие этапы производства конечного продукта) и межсекторный (переход компании из одной цепочки в другую в рамках кластеров или смежных секторов). Особое внимание кластерам и сетевым механизмам как перспективной альтернативе выстраиванию отдельных ЦДС или компетенций как цели государственной политики уделяет в своих работах Н.В. Смородинская [9]. В табл. 1 приведены примеры изменений места компаний в ЦДС с участием России и Европейского союза.

Таблица 1. Примеры интеграции и дезинтеграции ЦДС с участием компаний из России и Европейского союза

Год	Отрасль	Событие	Влияние на ЦДС
2020	IT	Американская компания <i>Imperva</i> расширяет свое присутствие в России, удваивая инсталляцию в российском центре обработки данных <i>IXcellerate</i> . Операции были переведены туда из Варшавы и Стокгольма.	Дезинтеграция – исключение игроков ЕС из цепочки добавленной стоимости. Усиление российских звеньев ЦДС.
2020	Машино-строение	Компания “Силовые машины” полностью выйдет из капитала совместного предприятия “Сименс технологии газовых турбин”, созданного ею с немецкой <i>Siemens</i> .	Функциональный апгрейд российского звена ЦДС: “Силовые машины” планируют разрабатывать новые технологии и создать собственную газовую турбину (что было невозможно в рамках СП) [10].
2019–2020	Финансы	Ряд российских банков и инвестиционных компаний (ФК Открытие, Сбербанк, МКБ, Альфа-Банк, <i>ITI Group</i>) расширили бизнес в странах ЕС (Кипр, Великобритания и др.), сконцентрировавшись на сегментах <i>premium</i> и <i>private</i> .	Функциональный апгрейд: вхождение в число поставщиков услуг с наиболее добавленной стоимостью, запуск новых продуктов (онлайн-платформы, <i>advisory</i> продукты) [11].
2019	Авто-мобильная	В Набережных Челнах начал работу новый завод кабин <i>Daimler KAMAZ RUS</i> и одновременно с этим стартовало серийное производство перспективной “камазовской” модели с принципиально новой кабиной K5.	Функциональный апгрейд российского звена ЦДС через слияния и поглощения: начало выпуска новой продукции, которая экспортируется далее (в том числе в страны Европы).

Источник: составлено автором на основании открытых источников.

Из представленных примеров видно, что зачастую попытки российских компаний занять более высокие места в ЦДС связаны с внешним санкционным давлением либо политикой импортозамещения, проводимой российскими властями и предоставляющей компаниям, локализирующим производство в России, значительные выгоды. При этом найти примеры развития международных связей и позиций в ЦДС компаний, воспользовавшихся инструментами поддержки экспортной и в целом внешнеэкономической деятельности, не удастся. В этой связи любопытно рассмотреть российский опыт планирования и нормотворчества в сфере стимулирования качественного роста участия российских предприятий в международных цепочках добавленной стоимости, а также отраслевую приоритизацию такой поддержки.

Федеральным проектом “Промышленный экспорт” [12] поставлена задача увеличения экспорта несырьевых неэнергетических промышленных товаров и объема экспорта промышленных услуг со 114 (по состоянию на конец 2017 г.) до 205 млрд долл. США к концу 2024 г. Отраслевые приоритеты расставлены в документе следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Задачи увеличения промышленного экспорта России по отраслям, согласно Федеральному проекту “Промышленный экспорт”

Отрасль промышленности	Базовое значение на 2017 г. объема экспорта продукции в стоимостном выражении, млрд долл.	Целевое значение на 2024 г., млрд долл.	Темп прироста объема экспорта продукции к 2024 г., %
Машиностроение	33	60	45.0
Химическая промышленность, в том числе продукция нефтепереработки и газопереработки	17.3	37	53.2
Металлургическая промышленность	42.1	58	27.4

Лесопромышленный комплекс	9.5	17	44.1
Фармацевтическая и косметическая промышленность	1.4	4	65.0
Легкая промышленность	1.2	2.3	47.8

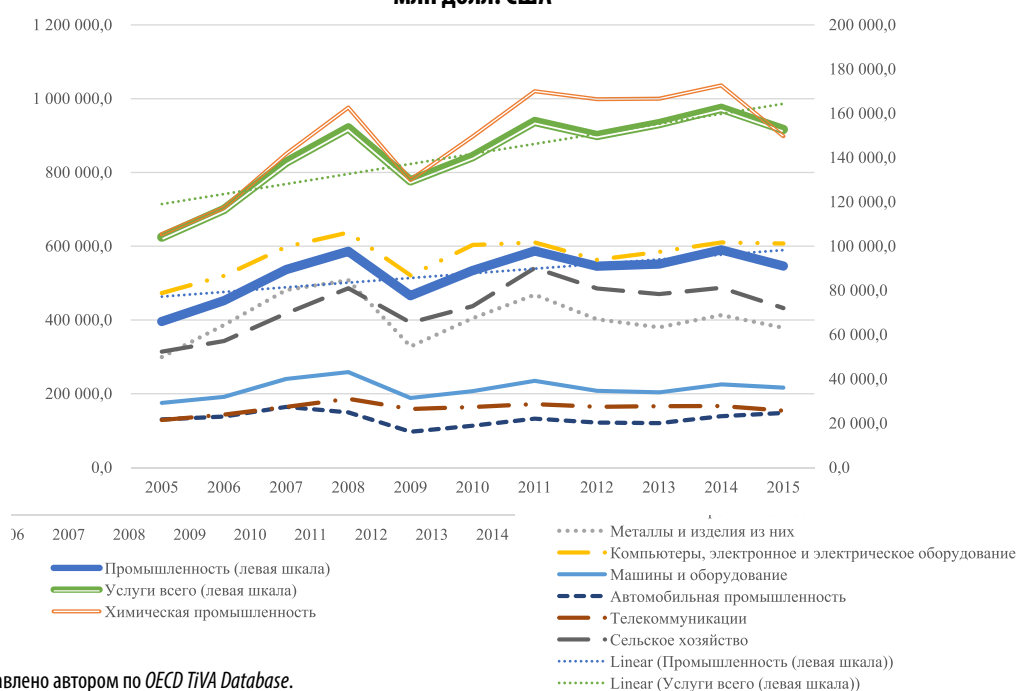
Источник: составлено автором на основе паспорта Федерального проекта «Промышленный экспорт» [12].

Исходя из плановых темпов прироста объема экспорта продукции к 2024 г., наиболее высоким потенциалом и приоритетом обладают фармацевтическая и косметическая промышленность (+65% прироста) и химическая промышленность (+53.2). При этом прирост экспорта машиностроения является обязательным для выполнения показателем (+45%), тогда как остальные – дополнительными, позволяющими достичь общую цель по объему экспорта промышленных товаров и услуг, который должен увеличиться на 44.4% к 2024 г. Несмотря на значительный объем выделяемых средств (423.8 млрд руб. за 2019–2024 гг.), запланированные мероприятия не дают представления о стратегии поддержки российских экспортеров-производителей в разрезе макрорегионов – направлений экспорта и относительно продвижения российских производителей в структуре цепочек добавленной стоимости. Мы предпримем попытку определить актуальность этих приоритетов на европейском направлении внешней торговли России, проанализировав статистику импорта Европейским союзом иностранной добавленной стоимости и торговли добавленной стоимостью с Россией в период с 2005 по 2015 гг., наиболее поздний из доступных в базе данных ОЭСР периодов.

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ТОРГОВЛЯ В РАМКАХ ЦДС

Используя данные ОЭСР, мы проанализировали долгосрочные тренды спроса на добавленную стоимость в Европейском союзе за период 2005–2015 гг. На рис. 1 представлена динамика потребления зарубежной добавленной стоимости Европейским союзом в промышленности и сфере услуг в целом (отложены по левой шкале), в различных отраслях обрабатывающей промышленности, а также – для сравнения – в сельском хозяйстве и одной из отраслей сферы услуг (телекоммуникации).

Рисунок 1. Динамика использования зарубежной добавленной стоимости в конечном потреблении стран ЕС-28, млн долл. США

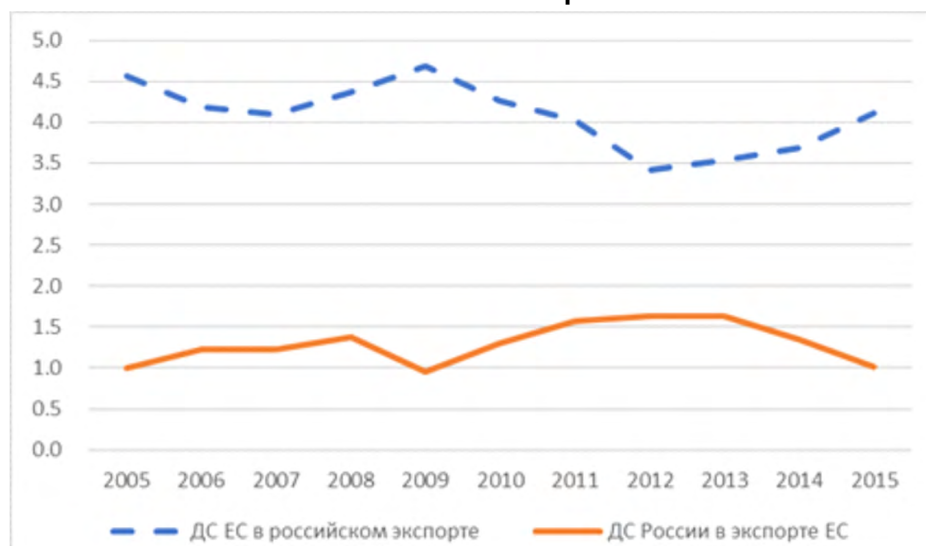
Источник: составлено автором по OECD TiVA Database.

В период с 2005 по 2015 гг. в ЕС доминировал тренд на наращивание использования зарубежной добавленной стоимости в конечном потреблении как товаров, так и услуг, причем по абсолютным цифрам импортированная добавленная стоимость в сфере услуг в среднем в 1.5 раза превышала соответствующий показатель по промышленным товарам. В среднем рост импорта добавленной стоимости за рассматриваемое десятилетие составил порядка 10%, однако рост был неравномерным со значительным спадом в период кризиса 2009 г., а также в 2011 и 2014 гг. Экстраполируя указанные тенденции на последующие годы вплоть до сегодняшнего дня, можно предположить, что тренды сохранились. Данные по росту промышленного выпуска в ЕС за 2018–2019 гг. [13], хоть и не оперируют категориями добавленной стоимости, свидетельствуют о том, что конечный спрос на территории ЕС-28 на продукцию этих отраслей снижается. В течение 2018–2019 гг. сильнее всего сократилось производство продукции автомобилестроения, меньше всего – химической отрасли.

Таким образом, если говорить о картине спроса в ЕС на добавленную стоимость в целом, то среди отраслей обрабатывающей промышленности наиболее сильные позиции занимает химическая промышленность. Именно в этой сфере сильнее всего рос импорт добавленной стоимости в среднесрочном периоде, и именно она демонстрировала наибольшую устойчивость к кризисным явлениям в экономике ЕС, которые привели к спаду производства в остальных отраслях обрабатывающей промышленности. Наиболее крупной статьей импорта химической продукции является органическая химия, однако нетто-импортером ЕС выступает по таким категориям, как продукты неорганической химии и нефтепродукты [14]. Такая конфигурация отражает сложившуюся на данный момент специализацию стран ЕС-28 на мировом рынке (разумеется, учитывая долю условности такого единого игрока, как Европейский союз), которая концентрируется в основном на продукции средней технологичности [15].

Что касается интересующего нас взаимодействия ЕС с Россией в рамках цепочек добавленной стоимости, база данных ОЭСР также позволяет проанализировать его динамику в период до 2015 г. На рис. 2 представлена картина участия России и ЕС в цепочках добавленной стоимости по “нисходящему” типу, то есть доля добавленной стоимости, происходящей из страны партнера, в общем объеме экспорта (*Backward participation in GVCs: Foreign value added share of gross exports, by value added origin country*).

Рисунок 2. Динамика взаимодействия России и ЕС в международных цепочках добавленной стоимости, % от валового экспорта

Источник: составлено автором по OECD TiVA Database.

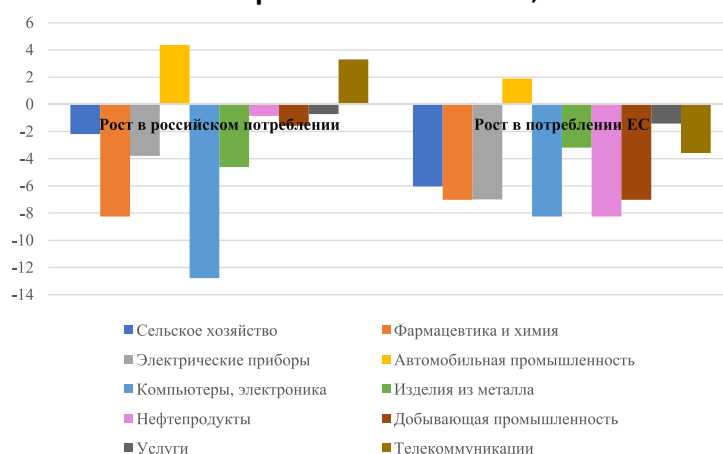
Приведенные данные говорят о том, что в целом низкая вовлеченность России и ЕС в цепочки добавленной стоимости с участием друг друга и третьими странами остается довольно стабильной на протяжении всего рассматриваемого периода. Доля добавленной стоимости, происходящей из стран ЕС, в российском валовом экспорте снизилась примерно на 0.5%, самое большое падение за период составило 1.3%. Доля российской ДС в валовом экспорте Европейского союза колебалась в пределах 1–1.5% и по итогам рассматриваемого периода

не продемонстрировала роста. Для получения более предметной картины и определения зон приоритетного взаимодействия необходимо рассматривать статистику в отраслевом разрезе.

Для анализа динамики использования добавленной стоимости экономиками стран ЕС-28 и России использовался показатель доли добавленной стоимости в общем потреблении страны в разбивке по отраслям и странам происхождения добавленной стоимости (*Value added share of total consumption, by source country and industry*). Рассматривались оба направления движения ДС: из России в ЕС и из ЕС в Россию. Основной акцент в отраслевом смысле был сделан на отрасли обрабатывающей промышленности: химическую промышленность и фармацевтику, нефтеперерабатывающую промышленность, электронику, автомобильную промышленность, компьютеры и электронное оборудование, изделия из металла. Дополнительно для сравнения были взяты сельское хозяйство, сфера услуг в целом (включая строительство) и телекоммуникации, а также добывающая промышленность.

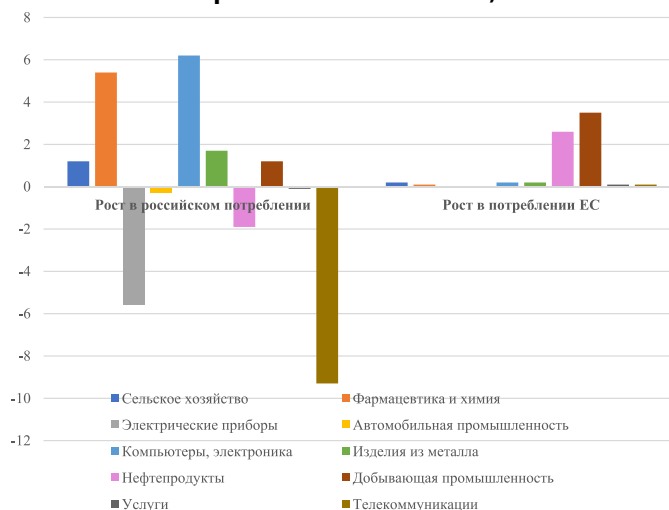
Полученная база данных была обработана и сделан вывод о том, что ни по одной из отраслей не было значительных колебаний значений показателя внутри рассматриваемого периода. По всем показателям динамика была поступательной. На основе этого и для упрощения визуализации полученных данных было рассчитано общее изменение доли использованной добавленной стоимости за весь период 2005–2015 гг. Полученные результаты представлены на рис. 3 и 4.

Рисунок 3. Изменение доли добавленной стоимости из ЕС-28 в конечном потреблении России и стран ЕС-28 за 2005–2015 гг., %

Источник: составлено автором по данным *OECD Trade in Value Added Database*.

Рисунок 4. Изменение доли добавленной стоимости из России в конечном потреблении России и стран ЕС-28 за 2005–2015 гг., %

Источник: составлено автором по данным *OECD Trade in Value Added Database*.

Приведенные на графиках выше данные показывают, что добавленная стоимость стран Евросоюза теряла свои позиции в рассматриваемый период как в российском потреблении, так и в потреблении ЕС во всех отраслях, кроме автомобилестроения. Эта отрасль показала устойчивую тенденцию к пусть небольшому, но увеличению доли добавленной стоимости, произведенной в странах ЕС-28 как в потреблении самих этих стран, так и в России. Причем в России показатель роста был более весомым – 4.37% за 10 лет по сравнению с 1.89% в странах ЕС-28 за этот же период. Учитывая, что в России как раз на указанный период пришлось пик иностранных инвестиций (прежде всего из ЕС) в автомобильные заводы и повышение уровня локализации производства, увеличение доли добавленной стоимости из ЕС-28 свидетельствует о недостаточно эффективном встраивании российских производственных площадок в цепочки добавленной стоимости, создаваемые и управляемые европейскими автомобилестроительными компаниями. Рост собственной добавленной стоимости в автомобилестроении ЕС, происходящий на фоне переноса ряда производств и их отдельных этапов в третьи страны, свидетельствует о росте специализации производственных площадок Евросоюза на наиболее дорогостоящих этапах производственного процесса [13].

Среди отраслей, заметно сдавших свои позиции по доле европейской добавленной стоимости, выделяется производство компьютеров и электроники. Эта тенденция, вероятно, связана с функциональным апгрейдом европейскими компаниями своего участия в ЦДС. Здесь показателен пример Эстонии, которая переориентировалась со сборочного производства электроники на экспорт услуг по созданию и поддержке систем передачи данных [16]. Сокращение добавленной стоимости ЕС в российском потреблении электронной продукции происходило скачкообразно: наиболее заметное падение пришлось на 2009 и 2015 гг. Последний по времени спад связан с началом санкционной войны между Россией и странами Запада, сопровождающейся активизацией импортозамещения в РФ.

Другой отраслью, нарастившей присутствие европейской добавленной стоимости, – правда, только в российском потреблении, – стали телекоммуникации. В целом эта отрасль демонстрирует интересную динамику: каждая из сторон (Россия и Европейский союз) наращивает потребление ДС партнера, в то время как собственная ДС в потреблении сокращается. Особенно заметным было падение использования в России собственной добавленной стоимости в этой сфере: за рассматриваемый период сокращение составило 9.3%.

Что касается российской добавленной стоимости, то ее доля росла выше, чем ДС в странах ЕС, причем сразу в нескольких отраслях: сельское хозяйство, фармацевтика и химия, компьютеры и электроника, изделия из металла, добывающие отрасли. Еще более примечательно, что рост наблюдался как в российском, так и в потреблении ЕС. Необходимо оговориться, что в потреблении Евросоюза рост был скромнее: в пределах 0.5%, в то время как в российском потреблении доля отечественной добавленной стоимости росла в некоторых отраслях на 5 и 6% (в фармацевтике и электронике соответственно). Исключение составило производство электрических приборов, доля российской добавленной стоимости в котором рухнула в отечественном потреблении на 5.5%, а в ЕС практически не поменялась. Такие отрасли, как нефтепереработка и телекоммуникации, показали разнонаправленную динамику. В сфере телекоммуникаций, как было сказано выше, доля российской добавленной стоимости сильно снизилась в российском потреблении – на 9%, в то время как в ЕС подросла, хотя и на символические 0.1% (отметим, что в течение рассматриваемого периода доля российской ДС возрастала и больше, но к 2015 г. вновь сократилась, и итоговое значение составило аналогичные 0.1% роста). Нефтеперерабатывающая промышленность продемонстрировала тот же тренд, но в более выраженном масштабе: падение российской добавленной стоимости в российском потреблении составило 1.9%, а рост в Евросоюзе – 2.7%.

Рост потребления российской добавленной стоимости в ЕС предсказуемо наблюдался также в добывающей промышленности. Здесь динамика была связана, скорее, не со структурными сдвигами в отрасли и в рамках двусторонней торговли, а с ростом физических объемов поставок российских углеводородов на рынок ЕС.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Рассмотренные выше отраслевые тенденции использования добавленной стоимости позволяют сделать ряд выводов относительно наиболее перспективных отраслей для наращивания взаимодействия России и Европейского союза в рамках цепочек добавленной стоимости. Среди них мы предварительно выделим те, которые продемонстрировали рост доли российской добавленной стоимости в потреблении Европейского союза, а также те, по которым наблюдается наибольший рост импортированной добавленной стоимости в ЕС, а значит, существует потенциал для участия российских игроков в соответствующих цепочках добавленной стоимости.

По первому пункту отбора можно выделить такие отрасли, как нефтепереработка, добывающая промышленность, сельское хозяйство, изделия из металла и компьютеры и электроника. По результатам анализа статистики наиболее релевантно выглядит категория “компьютеры и электроника”. Однако де-факто потенциал роста взаимодействия ограничен. Экстраполяция имеющихся данных на более поздний период 2016–2019 гг. позволяет предположить, что будет преобладать тренд на усиление российской составляющей в российском же потреблении добавленной стоимости. Это усиление носит несколько искусственный характер, связанный с реализацией с 2015 г. программы поддержки российской микроэлектроники, включающей в себя ограничения и запреты на закупку импортных систем хранения данных, процессоров и другой продукции отрасли государственными структурами, субсидирование затрат на научно-исследовательские работы и процентов по кредитам участникам программы импортозамещения. Возможности встраивания российских участников в международные ЦДС и последующий рост участия в производстве продукции, потребляемой в ЕС, могут встретить препятствия по тем же причинам – санкционные ограничения со стороны европейских партнеров.

Если смотреть по росту доли импортированной странами ЕС-28 ДС вне страновой привязки, то выделяется химическая промышленность (включая фармацевтику), а также компьютеры и электроника и сельское хозяйство. Очевидно, в результате кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*, конфигурация международных ЦДС в химической отрасли изменится особенно заметно. Вероятен рост протекционизма и импортозамещения как элементов национальных стратегий обеспечения безопасности населения и корпоративных стратегий повышения устойчивости производства. Продолжится и усилится жесткое конкурентное воздействие прочих партнеров ЕС по торговле химической продукцией на мировом рынке: по состоянию на 2017 г. ЕС был важнейшим рынком для химической продукции из США, одновременно сам являясь самым крупным в мире экспортером в этой отрасли [14]. Для России выход за пределы своей специализации на продукции средней степени передела (нефтепереработка и удобрения) в этом контексте требует особых усилий, в то время как в рамках текущей специализации она имеет возможности усилить свои позиции.

Структура цепочек добавленной стоимости с участием России и ЕС не претерпевает серьезных изменений с течением времени и возвращается к своему сложившемуся состоянию после политических и экономических кризисов и спадов. По мнению некоторых экспертов, нынешний характер участия России в международных ЦДС преимущественно на уровне низших звеньев является наиболее выгодной позицией для нашей страны и не требует системного пересмотра [17]. Проведенный нами статистический анализ показал, что наиболее перспективными для взаимодействия между Россией и ЕС по-прежнему выглядят отрасли добывающей промышленности, а также обрабатывающей средней и низкой степени технологичности: производства нефтепродуктов и изделий из металла. Меньший, но также положительный потенциал имеется у взаимодействия в сфере сельского хозяйства, химической промышленности, производства компьютеров и электроники. Несмотря на имеющиеся ограничения регуляторного и рыночного характера, последняя упомянутая отрасль представляет наибольший интерес, так как она относится к высокотехнологичным и именно в ее рамках и у России, и у стран Европейского союза имеется задел конкурентоспособности на фоне мировых лидеров [18; 19]. Кроме того, именно в рамках этой отрасли возможны серьезные сдвиги в международном разделении

труда и конфигурации глобальных ЦДС по итогам кризиса, связанного с распространением COVID-19 в Китае и других странах. Вероятно, изучение этого потенциала может представлять отдельный интерес для исследований.

* * *

Структура и динамика торговли добавленной стоимостью между Россией и Европейским союзом подтверждает наличие потенциала качественного развития и укрепления связей компаний России в ЕС в рамках несырьевых промышленных отраслей. Европейский союз предъявляет растущий спрос на зарубежную добавленную стоимость в таких отраслях, как химическая промышленность и фармацевтика, компьютеры и электроника и др. При этом взаимодействие ограничивается вследствие санкционного режима и прочих регуляторных мер с обеих сторон. Стремительное развитие кризиса международных экономических связей, обусловленное эпидемией COVID-19, и перспектива глобального экономического кризиса, перед которой стоит мир сегодня, приведут к падению взаимной торговли в рассматриваемых отраслях в краткосрочной перспективе. Однако в дальнейшем кризис вкупе с обвалом нефтяных цен может стать стимулом к реорганизации международных ЦДС, повысить интерес российского бизнеса к несырьевым отраслям и открыть для него на мировых рынках новые потенциально интересные ниши.

Анализ мер поддержки российского бизнеса на международных рынках показал, что в целом принятые в планах государственной поддержки экспорта отраслевые ориентиры релевантны для российского бизнеса, работающего на европейском направлении, с точки зрения возможностей повышения создаваемой добавленной стоимости. Одновременно анализ динамики торговли добавленной стоимостью показал ограниченность имеющегося потенциала наращивания взаимодействия. Практические примеры показывают, что на сегодняшний день принимаемые меры недостаточно географически диверсифицированы и не демонстрируют заметного влияния на стратегии компаний по повышению своей конкурентоспособности в рамках глобальных производственных цепочек. Более заметное влияние на эти процессы оказывают внешнеполитические события, такие как санкции и российские ответные меры.

Проведенный анализ во многом подтверждает точку зрения, что в условиях распределенного производства конкурентоспособность стран и территорий все меньше зависит от их отраслевой структуры [20] и все в большей степени становится производной от умения страны выстраивать кластерные механизмы, эффективно организующие компетенции производителей самых разных отраслей и этапов создания стоимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pajarinen K., Rouvinen P., Seppälä T. *The Rise of Baltic Sea Value Chains — A Bicycle Producer's World Tour. In: State of the Region Reports: The Top of Europe — Plowing Ahead in the Shadows of a Fractured Global Economy.* Ketels Ch. ed., Copenhagen, Baltic Development Forum, 2013, pp. 126-135.
2. Reardon T., Timmer Ch. The Economics of the Food System Revolution. *Annual Review of Resource Economics*, 2012, no. 4 (August), pp. 225-64.
3. Timmer M., De Vries G. *Dutch Manufacturing Competing in Global Value Chains. Final report for Ministry of Economic Affairs and VNO/NCW.* Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen, November 2015. Available at: <https://docplayer.net/21278322-Dutch-manufacturing-competing-in-global-value-chains.html> (accessed 23.02.2020).
4. Ijltma P., Levell P. The UK's Participation in Global Value Chains and Its Implications for Post-Brexit Trade Policy. *Fiscal Studies*, 2018, vol. 39, no. 4, pp. 651-683.
5. *Trade in Value Added (TiVA): Principal Indicators.* OECD, December 2018. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1 (accessed 04.03.2020).
6. *World Development Report 2020. Trading for Development in the Age of Global Value Chains.* World Bank Group, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (accessed 24.02.2020).
7. Кондратьев В. Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика. *Журнал НЭА*, № 3 (39), 2018, сс. 170-177. [Kondrat'ev V. Global'nye tsepochki stoimosti, industriya 4.0 i promyshlennaya politika [Global Value Chains, Industry 4.0 and Industrial Policy]. *Journal of the New Economic Association*, 2018, no. 3 (39), pp. 170-177.] DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-11
8. Кондратьев В., Попов В., Кедрова Г. Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 3, сс. 68-79. [Kondrat'ev V., Popov V., Kedrova G. Transformatsiya global'nykh tsepochek stoimosti: opyt trekh otraslei [Global Value

- Chains Transformation: Three Industries' Cases]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 3, pp. 68-79]. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-68-79
9. Смородинская Н. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. Москва, ИЭ РАН, 2015. 344 с. [Smorodinskaya N. Globalizirovannaya ekonomika: ot ierarkhiy k setevomu ukladu [Globalized Economy: from Hierarchy to the Network Mode]. Moscow, Institute of Economics RAS, 2015. 344 p.]
 10. Дятел Т., Мордюшенко О. На немцев махнули лопаткой. "Силовые машины" полностью выходят из СП с Siemens. *Коммерсантъ*, 02.03.2020. [Dyatel T., Mordyushenko O. Na nemtsev makhnuli lopatkoi. "Silovye mashiny" polnost'yu vykhodyat iz SP s Siemens [The Germans Were Waved a Shovel. "Power Machines" Completely Exit the Joint Venture with Siemens]. *Kommersant*, 02.03.2020.]
 11. Смородская П. Брокеры пошли за европейским клиентом. Российские игроки расширяют бизнес в зарубежных юрисдикциях. *Коммерсантъ*, 22.01.2020. [Smorodskaya P. Brokery poshli za evropeiskim klientom. Rossiiskie igroki rasshiyayut biznes v zarubezhnykh yurisdiktsiyakh [Brokers Went for a European Client. Russian Players Expand Business in Foreign Jurisdictions]. *Kommersant*, 22.01.2020.]
 12. Паспорт федерального проекта "Промышленный экспорт" [Passport of the Federal Project "Industrial Export" (In Russ.)] Available at: http://xn--80aavcebfcm6cza.xn--p1ai/upload/iblock/44b/Promyshlenny-eksport_obnov-red.pdf (accessed 15.02.2020).
 13. Экономика ЕС в условиях ухудшения мировой конъюнктуры. Аналитический центр при Правительстве РФ. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики [Economics of the EU under the Circumstances of the Deteriorating World Conjunction. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Bulletin on the Current Trends of the World Economy, February 2020. (In Russ.)] Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BME_feb_2020_web.pdf (accessed 04.03.2020).
 14. 2020 Facts and Figures of the European Chemical Industry. Available at: <https://cefic.org/app/uploads/2019/01/The-European-Chemical-Industry-Facts-And-Figures-2020.pdf> (accessed 19.05.2020).
 15. Хесин Е.С. Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 1, сс. 73-81. [Khesin E.S. Ekonomika Evropeiskogo soyuza: itogi postkrizisnogo desyatiletiya [Economy of the European Union: a Decade after the Crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 73-81.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81
 16. Tiits M., Kalvet T. Nordic Small Countries in the Global High-Tech Value Chains. *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics*, 2012, no. 38. 47 p.
 17. Варнавский В.Г. ЕС и Россия в глобальных цепочках создания стоимости. *Современная Европа*, 2019, № 1, сс. 92-103. [Varnavskii V.G. ES i Rossiya v global'nykh tsepochkakh sozdaniya stoimosti [The EU and Russia in Global Value Chains]. *Contemporary Europe*, 2019, no. 1, pp. 92-103.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope1201992103>
 18. How ASML Became Chipmaking's Biggest Monopoly. *The Economist*, 29.02.2020.
 19. Интервью с экспертом: "Окно возможностей для российской микроэлектроники". Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам, 23.10.2019. [Interview with an Expert. Window of Opportunity for Russian Microelectronics. National Coordination Centre for Computer Incidents, 23.10.2019. (In Russ.)] Available at: <https://safe-surf.ru/specialists/article/5250/634846/> (accessed 06.03.2020).
 20. Смородинская Н., Малыгин В., Катуков Д. Сетевое устройство глобальных стоимостных цепочек и специфика участия национальных экономик. *Общественные науки и современность*, 2017, № 3, сс. 55-68. [Smorodinskaya N., Malygin V., Katukov D. Setevoe ustroystvo global'nykh stoimostnykh tsepochek i spetsifika uchastiya natsional'nykh ekonomik [The Network Structure of Global Value Chains and Specificity of Countries' Participation in Them]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 3, pp. 55-68.]

VALUE ADDED TRADE IN NON-PRIMARY INDUSTRIES BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: IS THERE A GROWTH POTENTIAL? (Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 98-109)

Received 09.03.2020.

Anastasia A. NEVSKAYA, (nevskeya@imemo.ru), ORCID:0000-0002-3939-8760, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgments. The article was prepared with support from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-314-00022 "Interaction of Companies from Russia and the European Union within Global Value Chains") in the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

The article discusses the structure and dynamics of trade in value added between Russia and the European Union with the emphasis on non-primary industries. The issues of promoting the country and its enterprises to higher positions in global value chains, as well as the approaches to managing these processes are investigated. The dynamics of the demand of the European Union member states

for foreign value added in various sectors is analyzed. The author uses the method of decomposition of the value added of the EU and the Russian value added imports into the sector and country of origin and finds out the sectors with the most potential demand of the EU and Russia for each other's value added. The statistical research is supplemented by analysis of the cases of upgrading or disintegrating value chains with participation of Russian and the European Union companies. Basing on the data obtained, as well as on an analysis of the current global economic situation, the author comes to a conclusion that extractive industries, as well as manufacturing medium- and low-tech industries such as oil refining and metal products still remain the most promising areas with a potential to strengthen value added interaction between Russia and the European Union. Interaction in agriculture, chemical industry and production of computers and electronics also has positive potential, although of a lower scale. It is shown that the industry benchmarks adopted in the Russian plans for state support of exports are relevant for Russian business operating in the European direction in terms of possibilities to increase the added value. At the same time, the analysis confirms the point of view that national competitiveness depends less on the country's industry structure and is increasingly becoming a derivative of its ability to build cluster mechanisms that effectively organize the competencies of manufacturers of various industries and promote value creation stage.

Keywords: Russia, European Union, Value Added Chains, international trade, manufacturing, non-resource exports.

About authors:

Anastasia A. NEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector of European Countries' Economy, Center of European Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-98-109

АМЕРИКАНСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

© АРТАМОНОВА У.З., 2020

АРТАМОНОВА Ульяна Звигадиевна, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291.

Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 110-122.
DOI: 10.20542/afj-2020-2-110-122

DOI: 10.20542/afj-2020-2-110-122

УДК: 327.82(73)

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

В статье рассматриваются механизмы прямого и опосредованного вовлечения американского кинематографа во внешнеполитическую деятельность США в части публичной дипломатии. Изучается эволюция Голливуда как индустрии распространения американских ценностей и стандартов образа жизни, а также прослеживаются его взаимосвязи с государственными органами США в различные периоды. Анализируя влияние американского кино на общественное мнение о США, автор приходит к выводу, что, хотя вопрос осознанности симбиоза кино и политики остается дискуссионным, можно говорить о сложившейся системе, при которой кинематограф США работает в рамках самоцензуры, превращающей часть его продукции в инструмент влияния внутри и за пределами страны.

Ключевые слова: США, публичная дипломатия, “мягкая сила”, кино, культура, пропаганда, Голливуд.

*У кино – две функции:
отображать окружающую реальность и создавать новую.
Зигфрид Кракауэр¹.*

Продукты американской киноиндустрии – фильмы, мультфильмы и сериалы – являются неотъемлемой частью жизни граждан любой страны, вне зависимости от их возраста, вероисповедания или жанровых предпочтений [1]. Большинство американских фильмов – об Америке, место действия – США, главные герои – американцы. Это вносит значительный вклад в формирование и поддержание привлекательного образа Соединенных Штатов в глобальном общественном сознании, распространение представлений (зачастую – идеализированных) об американском образе жизни и системе ценностей.

Популярная культура в целом, и кино в частности, – это, в рамках концепции “мягкой силы” Дж. Ная, один из трех основных источников привлекательности США (два других источника – международное право и институты, а также американские транснациональные корпорации) [2]. Сама “мягкая сила” – это способность государства достигать желаемого за счет собственной привлекательности, добиваться того, чтобы другие государства хотели того

¹ Немецкий социолог массовой культуры, кинокритик, писатель, публицист, один из наиболее влиятельных теоретиков кинематографа (1889–1966).

же, чего хочет оно. Публичная дипломатия же, по мнению Ная, – это инструмент, который правительство использует для мобилизации ресурсов “мягкой силы”, чтобы устанавливать связь с иностранной общественностью [3].

Хотя как тема реализации внутреннего идейно-политического противостояния в американском кино, так и феномен острой критики государственной политики в работах ряда американских режиссеров (например, О. Стоун, М. Мурр и др.) представляют простор для научных исследований, в данной статье автор фокусируется сугубо на использовании американской публичной дипломатией кинематографа в качестве инструмента. Чтобы раскрыть эту тему, были изучены вклад кино в формирование привлекательного образа США в мире и та система взаимоотношений между киноиндустрией и американским правительством, которая позволяет последнему добиваться высокой эффективности в сфере публичной дипломатии.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1940-х годов по настоящее время. Начальная точка обусловлена тем, что именно в это время фиксируется первое тесное сотрудничество между правительством США и киноиндустрией. Однако доказательная база исследования, свидетельствующая о правительственной вовлеченности в кинопроизводство, относится не к последним десятилетиям, а к периоду холодной войны, так как часть архивов того времени была открыта.

Для достижения поставленных задач автор исследует различные источники: заявления американских официальных лиц, информацию, доступную на официальных сайтах государственных институтов США, статистические исследования, проведенные Американской ассоциацией кинокомпаний, Советом Европы и независимыми экспертами.

Взаимосвязь американского кино и политики – тема, получившая достаточное освещение как в России, так и за рубежом. Среди отечественных авторов следует назвать работы В.М. Халилова (ИСК РАН), включая его статьи, написанные в соавторстве с Е.В. Хилькевич (ИМЭМО РАН). Отдельно хотелось бы отметить вклад в исследование политических образов в кинопродукции Голливуда, который внес кинокритик А.Б. Юсев, автор книг “Киноидеологос: опыт социополитической интерпретации кино” [4] и “Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов” [5]. Что касается зарубежных ученых, нельзя не выделить работы Мэтью Алфорда, сотрудника Университета Бата, специалиста по пропаганде; Эрика Фаттора, сотрудника Университета Колорадо, исследующего взаимосвязь между публичной дипломатией и международным политическим влиянием; профессора Техасского университета Ричарда Пеллса, историка американской культуры, и многих других.

Для эффективности публичной дипломатии государства крайне важна возможность охватить широкую иностранную аудиторию, чтобы донести до как можно большего числа людей конкретный посыл. В этой связи кинематограф является весьма эффективным инструментом, так как американские фильмы стабильно доминируют на мировом рынке. Прибыль от зарубежного проката составляет более половины общего дохода киноиндустрии США. В частности, в 2018 г. общие сборы составили 41.1 млрд долл., из которых 29.2 млрд – международная доля, а 11.9 млрд – сборы на территории США и Канады [6]. 66% проданных билетов в кинотеатрах европейских стран – это билеты на фильмы американского производства (доля билетов на кинопродукцию ЕС на рынке Евросоюза, соответственно, составляла, по последним данным, 27%). Также половина фильмов, доступных на территории Европейского союза в рамках системы “видео по запросу” – индивидуальной доставки абоненту телевизионных программ и фильмов по цифровой кабельной, спутниковой или эфирной телевизионной сети, – это американские картины. Фильмы производства США составляют 45% всех художественных кинофильмов, транслируемых на европейском телевидении [7]. В рейтинге ТОП-10 наиболее популярных фильмов в Европе 2017 г. все картины кроме одной были сняты американскими киностудиями [8]. Исключением стал фильм К. Нолана “Дюнкерк”, выпущенный совместно американцами, британцами и французами. В целом прибыль Голливуда от проката фильмов за рубежом значительно выросла в течение XX и начале XXI вв. В 1920-е годы она составляла всего 20% от общего дохода, в 2006 г. – уже 63% [9], а в 2018 г. – 71% [8]. Все эти факты говорят

о том, что несмотря на периодическое недовольство политикой США за рубежом, американская культура не перестает быть привлекательной для людей во всем мире [9]. Прежде чем перейти непосредственно к роли кинематографа в публичной дипломатии США и, соответственно, системе его взаимосвязей с американскими государственными структурами, представляется целесообразным разобраться в том, почему продукция Голливуда пользуется столь большой популярностью в мире.

“ДЕНЬГИ И СЛАВА”

Можно выделить ряд факторов успеха американского кино. Во-первых, свою роль в усилении позиций Голливуда сыграла глобализация: транснациональные корпорации, интернет, интеграция рынков и технологическое развитие [10; 11]. Новые возможности позволили усилить производственные мощности и расширить рынок сбыта за счет транснациональных потоков людей, капиталов, товаров и услуг, а также благодаря новым технологиям. Во-вторых, значительный вклад внесло и укрепление английского языка в качестве универсального глобального средства общения. В-третьих, успех кинематографа США – это результат и финансовых возможностей американских киностудий (несравнимо больших, чем у их иностранных конкурентов), и “стиля” американского кино. При этом данные факторы тесно взаимосвязаны. Только американская киноиндустрия может позволить себе задействовать в съемках самых знаменитых и талантливых актеров и использовать самые впечатляющие спецэффекты [9]. Именно эти возможности позволяют Голливуду сохранять репутацию “фабрики грез”.

Киноиндустрия США, если судить по количеству производимых ею блокбастеров (популярных и коммерчески успешных фильмов для широкой публики), как правило, понимает лучше своих иностранных конкурентов, чего хочет массовый зритель. Популярные американские фильмы редко несут в себе бросающийся в глаза идеологический посыл, который мог бы стать потенциальным раздражителем [12]. Кроме того, голливудские режиссеры и продюсеры стараются сосредоточиться на том, что близко и понятно каждому человеку в любой точке Земли [9]. Так, люди во всем мире восхищаются “Титаником” и “Унесенными ветром” не потому, что эти фильмы прославляют американские ценности, а потому что истории любви универсальны [13]. В то же время, например, красота названных фильмов в сознании зрителя “привязывается” к образу США, становится одним из элементов, формирующих общее впечатление от страны, которую в реальности большинство из них никогда не видело.

Способность установить такую эмоциональную связь со зрителями обуславливается тем, что американские продюсеры предпочитают не разделять искусство и развлечение. Многие отдают предпочтение кинематографу США за то, что картины “качественно сняты” и за то, что они “захватывают”, позволяют ненадолго уйти от реальности и отрешиться от каждодневных проблем. Первое – результат финансовых возможностей, а второе – сознательный выбор в пользу “развлекательного” аспекта кинематографа со стороны производителей.

Крупные американские киностудии используют свой главный инструмент – капитал, чтобы задавать уже упомянутые стандарты производства фильма, которые требуют значительных финансовых затрат. Дело не только в том, что те производители, которые не могут этого себе позволить, никогда не “догонят” Голливуд. Это еще и означает, что из-за необходимости обеспечить окупаемость они будут стремиться избегать сюжетов, непривычных для зрителя и потому представляющих коммерческий риск. Продюсер Роберт Эванс объясняет это тем, что никто “не делает ничего неожиданного, они слишком боятся, ставки слишком высоки” [14]. Таким образом, тот набор доминирующих базовых сценариев, в которых так успешен Голливуд, закрепляется в сознании производителей в качестве единственно возможного для достижения успеха. И этот же набор остается единственным доступным для потребителя. При этом, когда “маховик популярности” американского кино раскручен уже столько лет, сложно сказать, по-прежнему ли фильмы изображают именно то, что хочет видеть зритель, или же в сознании общества просто закрепились мысли о знаке равенства между Голливудом и исполнением желаний.

Если продукция Голливуда столь успешна лишь потому, что отвечает желаниям зрителей лучше других, зачем производители тратят целое состояние на маркетинг? Далеко не всегда спрос рождает предложение, часто происходит обратный процесс: предложение рождает спрос [15]. Главное условие для потребления – это доступность товара. Потребление будет зависеть от того, насколько широко товар распространен, насколько он заметен. Фильм, который показывают в каждом торговом центре, получает большие кассовые сборы не из-за внезапно возникшей волны спроса, поднимающейся от основ общественного устройства, а из-за того, что его сильно разрекламировали. Однако фильм, снятый не одной из крупнейших голливудских киностудий и выпадающий из привычных сюжетных рамок, никогда не сможет позволить себе сравнимой с ними по масштабу рекламной кампании.

Таким образом создается замкнутый круг. Финансовые возможности Голливуда позволяют ему эффективно продвигать свои фильмы, что усиливает спрос на них. Рост спроса увеличивает доходы и без того богатейших киностудий, что дает им еще больше возможностей для рекламы, которая еще больше увеличит спрос. Изначально небогатому и не прославленному кинопроизводителю в такой ситуации практически невозможно пробиться на рынок и тем более составить конкуренцию признанным лидерам. То есть сложившаяся система фактически блокирует альтернативу в области предложения.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КИНО

Американский кинематограф играет роль одного из инструментов публичной дипломатии США. Именно поэтому, по мнению ряда исследователей [15; 16; 17], правительство США заинтересовано в сохранении того уровня мировой популярности, которой обладает данная индустрия и, по мере возможностей, оказывает ей соответствующее содействие. Однако стоит подчеркнуть, что в США не существует механизма государственной поддержки кино в той форме, к которой привыкли Россия и европейские страны. В США отсутствуют квоты в отношении иностранных фильмов, как и субсидирование на государственном уровне, а поддержка киноиндустрии на уровне штатов и через программы федерального уровня незначительна по сравнению с государственным субсидированием в других странах [16].

Как инструмент публичной дипломатии США американский кинематограф оказывает видимое влияние на сознание иностранной общественности. Эрик Фаттор, доктор политических наук, преподаватель в Государственном университете Колорадо, специализирующийся на взаимосвязи между публичной дипломатией и международным политическим влиянием, говоря о лидерстве США в современном миропорядке [17], использует такие выражения как “арсенал развлечений” (англ. *arsenal of entertainment*) и “вепонизация культуры” (от англ. *cultural weaponization* – превращение культуры в оружие). Ключом к успеху американского лидерства он называет комбинацию зрелищ и технологий, которая и является “арсеналом развлечений”, львиную долю которого составляют фильмы, сериалы и анимация.

В первую очередь кино обладает способностью расслабить сознание зрителя, поощрить его отдаться во власть собственного воображения с тем, чтобы максимально ослабить способность к критическому мышлению. Помимо этого, кинопродукция может служить катализатором изменения поведения индивидуума или группы, чаще всего обусловленного осознанным или неосознанным желанием копировать стиль жизни и привычки главных героев того или иного произведения [17].

Почему это так важно для официального Вашингтона? Нынешняя роль США в мировой системе определяется не только обладанием наибольшей “властью” по сравнению с любым другим государством, но и тем, что большинство стран прямо или косвенно признают легитимность американского доминирования. Немалую роль в достижении этого признания играет способность США распространять массовые развлечения, которая помогает ослабить потенциальную оппозицию американскому влиянию в мире и поддерживать позитивный имидж самого могущественного государства на планете.

Одной из важных институциональных структур, связывающих правительство США с киноиндустрией, является Американская ассоциация кинокомпаний (*Motion Picture Association of America*). Ее штаб-квартира находится в Вашингтоне. Ассоциация выполняет роль своего рода посредника между киностудиями и правительством, являясь лоббистом интересов американской киноиндустрии в Конгрессе и органах исполнительной власти. В составе ассоциации пять крупнейших голливудских киностудий: *The Walt Disney Company*, *Sony Pictures*, *Paramount Pictures*, *Universal Studios*, *Warner Bros.*, а также развлекательная компания – поставщик фильмов и сериалов *Netflix Studios*. Ассоциация была основана еще в 1922 г., и ее целью является защита интересов кинопроизводителей как внутри США, так и за рубежом. Говоря о зарубежной деятельности, следует отметить, что основные ее направления включают в себя обеспечение открытости иностранных рынков для американских фильмов и борьбу с пиратством в данной области. Опыт ведения переговоров у Ассоциации столь внушительный, что за ней закрепилось прозвище “Маленький Госдепартамент” [18].

Об отношениях киноассоциации и федерального правительства красноречиво говорит список ее сотрудников. Например, первый президент Ассоциации, Уилл Хэйс – бывший председатель Национального комитета Республиканской партии и генеральный почтмейстер США. Джек Валенти, возглавлявший Ассоциацию с 1966 по 2004 гг., в свое время был советником президента Линдона Джонсона. В данный момент Ассоциацию возглавляет Чарльз Ривкин – дипломат, бывший посол США во Франции и Монако, бывший заместитель госсекретаря США. В значительной степени Ассоциация состоит из дипломатов, торговых специалистов и юристов с солидным опытом правительственной работы [16]. Это показывает одну из “связующих нитей” между Голливудом и Вашингтоном – кадровую. Тот факт, что бывшие политики стремятся играть роль посредников между кинокомпаниями и правительством, как и то, что киноиндустрия хочет, чтобы именно они представляли ее интересы, говорит в пользу гипотезы о тесных взаимоотношениях между Вашингтоном и национальным кинематографом.

Впервые правительство США начинает видеть в кинопродукции потенциал инструмента публичной дипломатии во время Второй мировой войны, когда киноиндустрия оказывала власти помощь в информационной кампании в поддержку антигитлеровской коалиции, и сразу после окончания войны, когда правительство США верило, что экспорт фильмов поможет установлению американских идеалов в Европе и противодействию распространения коммунизма. Было снято большое количество короткометражных фильмов, показавших достижения плана Маршалла в Европе, и первым слоганом этой кинематографической кампании был: “Вы тоже можете быть такими, как мы” [19].

К этому периоду истории относятся свидетельства вовлеченности в кинопроизводство Белого дома и Государственного департамента США. Президент Г. Трумэн “тайно поддерживал пропагандистские проекты, включающие в себя экспорт американского кино” [20]. А в “Инструкции для всех сотрудников дипломатического корпуса” 1944 г. помощник госсекретаря А. Берл заявил, что “Государственный департамент заинтересован в налаживании полноценного сотрудничества в деле защиты интересов американской киноиндустрии за рубежом. В свою очередь он надеется на искреннее содействие со стороны киноиндустрии с целью внесения, посредством образов, распространяемых ее продукцией за рубежом, своего вклада в формирование положительного имиджа и высокой репутации нашей страны и ее институтов” [21]. В то время отношения между Американской ассоциацией кинокомпаний и правительством были столь тесными, что ее сотрудникам позволялось использовать защищенную линию связи Госдепартамента для передачи важных сообщений.

Контакты между правительством США и Голливудом поддерживались, не прекратившись и после холодной войны, несмотря на то, что концепция глобального идеологического противостояния с Советским Союзом, в рамках которой во многом и формировался механизм взаимоотношений, потеряла актуальность. Как и публичная дипломатия в целом, данное ее направление успешно адаптировалось к новым внешнеполитическим реалиям, например, к противостоянию США и исламского терроризма. 11 ноября 2001 г., после террористических атак на США, как минимум 40 топ-менеджеров киноиндустрии встретились с Карлом Ровом, главным советником президента Дж. У. Буша по политическим вопросам [15]. На встрече, инициированной Белым домом, были представлены практически все ведущие киностудии

и телевизионные сети, а также Американская ассоциация кинокомпаний. Ров выделил несколько идей, которые Голливуд должен был распространить через свои работы: “США в Афганистане ведут войну с терроризмом, а не исламом”; “каждый член общества может оказать помощь армии”; “американским военным и их семьям должна оказываться поддержка”; “террористическая атака 11 сентября требует глобального ответа”; “это борьба со злом”, и “правительство и Голливуд в ответе за то, чтобы дети чувствовали себя в безопасности” [22]. За этой своеобразной “планеркой” последовала еще одна за закрытыми дверями.

В результате появился фильм “DC 9/11: Время кризиса”, снятый при поддержке (в форме консультаций) Белого дома и показавший в выгодном свете президента Дж. Буша-младшего [15; 23]. После консультаций представителей Голливуда с Ровом Джек Валенти, в то время президент Американской ассоциации кинокомпаний, заявил об обязанности Голливуда донести до мусульман всего мира мысль о благотворительной роли Соединенных Штатов: о том, что Америка “одевала и кормила миллионы людей по всему миру, ничего не прося взамен. Мы выучили сотни тысяч людей со всего мира в своих университетах” [24].

Немало было снято короткометражных фильмов и роликов, направленных на привлечение людей на службу в армии и в ЦРУ.

ГОЛЛИВУД И ПЕНТАГОН

Самые известные примеры вовлечения Голливуда государственными ведомствами в публичную дипломатию – это фильмы, снятые при поддержке военных или спецслужб. Министерство обороны США тесно взаимодействует с “фабрикой грез”. Киноиндустрия активно пользуется консультациями и реквизитом, предоставляемыми военными, чтобы сократить стоимость производства фильма и сделать его более аутентичным. В обмен на это Пентагон, как правило, получает сценарии, формирующие положительное восприятие образа армии в обществе и влияющие на ее привлекательность в качестве работодателя. Иногда дело доходит до значительного переписывания сценариев и предварительных показов для высокопоставленных чинов [15; 23]. Естественно, в случае с фильмами, сюжет которых не совпадает с официальной точкой зрения США на события, связанные с военными действиями, правительство и военное командование отказываются помогать в съемках (например, так случилось с фильмом “Апокалипсис сегодня” 1979 г.).

Примерами фильмов, снятых с помощью Пентагона, являются “Правдивая ложь”, “День независимости”, “Железный человек”, в которых США представлены некоей доброй силой, а проявление ее военной мощи за границей приносит положительные результаты для всего человечества. Во многих подобных картинах самое большее, что позволяет себе Голливуд в рамках критики в адрес американского вмешательства во внутренние дела других государств, это сюжет, в котором план, основанный исключительно на добрых намерениях, может пойти не так, как ожидалось, при этом жертвами станут сами американцы (как в фильмах “Черный ястреб”, “Мюнхен” и “Осада”).

Случаи чрезмерного использования военной силы могут подвергаться критике по сюжету фильма, но не американская военная мощь и не американская армия сами по себе. Большинство кассовых фильмов исходят из того, что вооруженные силы США имеют полное право проводить военные операции в любой выбранной на свое усмотрение “проблемной точке” на планете. Довольно часто в картинах подобного рода ничего не говорится о транснациональных глобальных интересах, которые стоят за этими операциями, о том, кто за них платит и кто получает выгоду. Также Пентагон не признает сцены, дискредитирующие американских военных: мародерство, насилие в отношении мирного населения, коррупция в армии становятся либо вырезанными эпизодами, либо причиной для отказа в сотрудничестве. Когда одного из известнейших американских продюсеров Джерри Брукхаймера (“Пираты Карибского моря”, “Угнать за 60 секунд”, “Сокровища нации”, “Принц Персии”), который после терактов 11 сентября 2001 г. взялся за документальный сериал о войсках США в Афганистане, спросили, показал бы он крупный военный провал или нарушение прав человека, если бы те имели место, он ответил: “При условии, что Пентагон не будет против” [25].

Если Министерство обороны США в обмен на свою помощь запрашивает изменения в сценарии, обязательства сторон прописываются в специальном соглашении. Технический советник обязан проследить за тем, чтобы съемки проводились по согласованному варианту сценария. После окончания съемочного процесса Министерство обороны ожидает предварительного показа фильма, чтобы убедиться в отсутствии нарушений соглашения. На этой стадии оно также может внести дополнительные рекомендации. По словам одного из технических советников Дэвида Джорджи, «если они не будут делать то, что я говорю, я заберу свои “игрушки” и уйду» [26]. Помимо отказа в предоставлении техники, Пентагон может также запретить использовать в фильме предоставленную военными информацию и проводить съемки на территориях, входящих в его юрисдикцию. Подобные меры могут привести к значительным финансовым потерям и даже срыву выпуска фильма.

В отношениях Голливуда с Вашингтоном присутствует и финансовый интерес. К примеру, Джон Брайсон, бывший министр торговли США в администрации президента Б. Обамы, одновременно состоял в совете директоров *Walt Disney Company* и *Boeing Company*. В каждом из советов около десятка участников, что делает достаточно прямой связь между ведущим мировым брендом семейного кино и крупнейшим мировым производителем военной техники [15]. То же касается и Льюиса Колмана, занимавшего одновременно посты в киностудии *Dream Works Animation SKG* и в *Northrop Grumman Corporation*, американской военно-промышленной компании. Компания *General Electrics*, инвестирующая, в том числе в высокотехнологичную военную авиацию, технологии наблюдения и т.п., тесно связанная с Министерством обороны США, до 2011 г. была также держателем большей части акций *Universal Studios*.

ГОЛЛИВУД И ЦРУ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В годы холодной войны возможности Голливуда по воздействию на широкую аудиторию начало активно использовать Центральное разведывательное управление США. В конце 1990-х годов Фрэнсис Стонор Сондерс, британский журналист и историк, и Дэвид Элдридж, профессор Университета Халла, обнаружили письма периода холодной войны, доказывающие регулярную переписку между сотрудником *Paramount Studios* и ЦРУ, в которой первый рассказывал о том, чего ему удалось достичь в продвижении выгодных для ЦРУ сюжетов. Элдридж предположил, основываясь на сопоставлении содержания писем и биографических фактов, что тем сотрудником *Paramount* был Луиджи Лураши, глава отдела цензуры *Paramount Studios*. В переписке предположительно Лураши докладывал, что ему удалось добиться согласия нескольких режиссеров по кастингу деликатно ввести в фильмы “прилично одетых негров” (как в фильме “*Sangaree*” 1953 г.). В других фильмах с его подачи были вырезаны сцены сомнительного обращения властей США с индейцами, в частности, с племенем апачи в вестерне “Наконечник стрелы” (1953 г.). Эти изменения в сценарии вносились намеренно, чтобы лишить СССР возможности использовать в своих целях наилучший опыт США в вопросе межрасовых отношений [15]. Помимо этого, удалению в нескольких фильмах подверглись сцены, в которых американцы злоупотребляли алкоголем.

Один из основателей и вице-президент киностудии *20th Century Fox* Дэррил Занук являлся членом правления Национального комитета за свободную Европу (*National Committee for A Free Europe*) [27]. Этот Комитет был создан в 1949 г. ЦРУ для распространения американского влияния в Европе в противовес советскому. С.Д. Джексон, бывший специалист по психологическому оружию Управления стратегических служб (организации – предшественника ЦРУ), рассказывал, что Занук мог легко “вписать” в сценарии “правильные” идеи [28]. Майкл Фитцджеральд, специалист по истории кино и телевидения, анализируя достижения Занука, выделяет его фильм “Самый длинный день” (1962 г.), который, по мнению Фитцджеральда, “абсолютно стер роль коммунистов в победе над фашизмом в Европе” [27].

В 1950-е годы Отдел политической координации (*Office of Policy Coordination*) ЦРУ и Комитет психологической стратегии (*Psychological Strategy Board*) успешно взаимодействовали в приобретении прав и инвестировании в производство мультфильма “Скотный двор” по

одноименному произведению Дж. Оруэлла. Следует пояснить, что Отдел политкоординации с 1948 по 1952 г. был крылом ЦРУ, отвечающим за секретные операции. В 1952 г. произошло его слияние с Отделом специальных операций, что привело к формированию Директората планирования (*Directorate of Plans*), который в свою очередь был в 1973 г. переименован в Директорат операций (*Directorate of Operations*). Что касается второго названного подразделения, то это комитет исполнительной власти США, существовавший с 1951 по 1953 гг., в чьем ведении находились психологические операции и пропаганда.

По совету ЦРУ окончание мультипликационного фильма было видоизменено таким образом, чтобы поощрять революции против коммунистических диктатур [23]. А после того, как Американский комитет по культурной свободе (находившийся под патронажем ЦРУ) ознакомился с фильмом "1984", туда тоже были внесены изменения, чтобы Большой Брат больше ассоциировался с коммунизмом [29].

Такого рода коррективы далеко не всегда просто деликатно смещали акценты, иногда они фундаментально изменяли смысл произведения. В повести Грэма Грина "Тихий американец" главный герой, агент ЦРУ, был ответственен за взрывы в Сайгоне, за что и был убит коммунистами. В экранизации 1956 г. вина за взрывы легла на коммунистов, а главный герой все равно был ими убит. Эта "поправка" была внесена по рекомендации сотрудника ЦРУ Эдварда Лэнсдейла [23].

Представители разведки не очень охотно делятся информацией о своей вовлеченности в кинопроизводство. По словам Д. Либа, автора книги о роли ЦРУ в производстве мультфильма "Скотный двор", ему так и не удалось получить "толковой информации" по данному поводу [29]. Судя по всему, это ведомство использует свое влияние в Голливуде менее официально, чем Пентагон. Только в 1996 г. в ЦРУ открылось Бюро по связям с индустрией развлечений (*Entertainment Liaison Office*). Его официальная задача заключается в обеспечении положительного имиджа сотрудников организации, которые должны "изображаться в фильмах достоверно, как люди способные, современные, смелые и посвятившие себя государственной службе" [30]. Бюро предлагает свою помощь в достижении наибольшей аутентичности фильмов через ответы на вопросы, развенчание мифов, организацию визитов в штаб-квартиру ЦРУ, а иногда и съемки на ее территории [31]. Именно сотрудники этого подразделения консультируют производителей кинофильмов. Например, Майкл Фрост Бэкнер, автор сценария сериалов "Агентство" и "Шпионские игры", рассказывал, что консультирующий его офицер Пол Бэрри часто предлагал сюжетные повороты, направленные на запугивание террористов [31]. Принцип сотрудничества в данном случае тот же, что и у Министерства обороны. ЦРУ предлагает свою помощь, но в ответ ожидает, что его пожелания относительно сценария будут учтены. В противном случае может последовать запрет на использование предоставленной информации.

Существуют исследования, подтверждающие, что фильмы, снятые при поддержке ЦРУ, действительно оказывают влияние на общественное мнение. Группа исследователей под руководством профессора Дейтонского университета Мишель Потц, опрашивая респондентов до и после просмотра одного из фильмов "Нулевая видимость 30" или «Операция "Арго"», выяснила, что после просмотра у зрителей повышался уровень доверия к ЦРУ, американскому правительству, Белому дому и укреплялась вера в то, что США движутся в верном направлении в своей политике. При этом около 30% меняли свое мнение о вышеперечисленных институтах на более положительное после просмотра [32].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ (САМО)КОНТРОЛЬ И (САМО)ЦЕНЗУРА

Для того, чтобы кино выполняло роль инструмента публичной дипломатии, в центре сюжета не обязательно должна быть американская армия или разведка, или даже политика как таковая (также не обязательно и наличие официальных договоренностей с соответствующими ведомствами). В любой классический сюжет, будь то комедия, детектив или мелодрама, вписывается множество деталей, работающих на поддержание положительного образа Соединенных Штатов. Красивые дома с газоном – символ благосостояния населения; входные двери с витражами – символ безопасности жизни; достижение главным героем своей мечты

после того, как он поверил в себя – символ социальной справедливости и т.д. Достаточно в связи с этим вспомнить дома жителей неблагополучного “черного” квартала в фильме Дж. Тиллмана-мл. “Чужая ненависть” 2018 г. или дом “едва сводящей концы с концами” уборщицы в ремейке фильма “За бортом” 2018 г., снятом Р. Гринбергом. По мнению В.М. Халилова, именно такие “аллюзии и метафоры” делают популярные фильмы более эффективным средством донесения идей до публики, чем фильмы с “прямолинейным идеологическим посылом” [33].

Ведущие кинематографисты научились представлять сомнительные моменты так, чтобы либо минимизировать их негативный эффект, либо нивелировать их значимость. Негативные факторы не исключаются из сценариев, но представляются в них строго определенным образом. Несправедливость официальных лиц, коррупция, жестокость, безразличие представляются как деяния рук редких “паршивых овец” [34], которые будут неизбежно наказаны справедливым и высокоморальным обществом. В ряде случаев проблемы американской политики просто игнорируются, вместо них насаждаются шаблонные сюжеты, приносящие наибольшую выгоду производителям.

При этом нельзя сказать, что фильмы, критикующие американские государственные институты или даже некоторые общественные феномены, не снимают. Тем не менее, по ряду причин это не мешает реализации функции публичной дипломатии по укреплению положительного имиджа США в глазах иностранной общественности. Во-первых, блокбастеры и популярные сериалы, имеющие наиболее широкий охват аудитории, как правило, избегают серьезных дискуссионных тем в своих сюжетах, либо стараются не заострять на них внимание.

Британо-канадский киновед Робин Вуд, например, отмечает “Шпионские игры” и “Тренировочный день”, отражающие соответственно недостатки ЦРУ и полиции, поднимающие вопросы коррупции и морали. Он, тем не менее, подчеркивает, что чрезмерность монтажа, спецэффектов, задействованных в этих фильмах, не оставляет зрителю возможности задуматься. Таким образом, острые темы тонут в мелькании ярких кадров, которые “туманят зрение и притупляют ум” [35]. Картины, которые, казалось бы, должны были побуждать зрителя засомневаться, на практике имеют прямо противоположный эффект.

Во-вторых, даже фильмы – “обличители” способны оказывать позитивное воздействие на образ США за рубежом. Например, получивший несколько номинаций на премии “Оскар” и “Золотой глобус” фильм “Скандал”, с одной стороны, рассказал в подробностях историю обвинения в сексуальных домогательствах генерального директора Fox News Роджера Айлза. С другой же стороны, этот фильм продемонстрировал образ США как государства – пионера в массовом обличении феномена домогательств, чье общество возглавило борьбу с ними. В этой истории справедливость действительно восторжествовала, и это по праву заслуживает уважения иностранной общественности. Однако много ли среднестатистических иностранцев задумались бы о этом, если бы не посмотрели соответствующий фильм?

В итоге через кино (включая телесериалы и мультипликационные фильмы) в глазах широкой иностранной общественности формируется идеализированный образ США. Это вносит вклад в нивелирование общественных настроений, ставящих под сомнение легитимность лидерства этой страны в международном сообществе, потому что возникающая при просмотре неосознанная симпатия к образу Соединенных Штатов притупляет критическое восприятие их политики в реальном мире. Так публичная дипломатия в форме кино устанавливает “мостик” между вопросами сознания широких масс и политическими интересами государства.

По мнению Мэтью Алфорда, кинопродюсера, доктора наук, специалиста по пропаганде, Голливуд работает в рамках жестких идеологических параметров [15]. Киноиндустрия напрямую воздействует на общественное сознание. Хотя первостепенной целью является прибыль для больших киностудий, другая цель, признается это открыто или нет, – идеологический контроль. Реализуется данная функция за счет того, что кинопроизводство не пересекает границы доминирующей системы убеждений, одновременно выставляя эту систему в качестве истинного и естественного представления реальной жизни. Вероятно, более корректно в случае с киноиндустрией было бы говорить не об идеологическом

контроле, а об идеологическом самоконтроле. Р. Вуд в своей книге о Голливуде отмечал, что хоть в наше время фильмы и стали более “смелыми” в том, что касается сексуального содержания или сцен жестокости, эта смелость не распространяется на социальные и политические вопросы. “Внутренняя цензура” продолжает сдерживать кинематографистов, стоит им задуматься “о чем-то более рискованном, чем автокатастрофы и взрывающиеся здания в кадре” [35].

Официальной цензуры в Голливуде не существует. Сложившуюся ситуацию хорошо описывает цитата Дж. Оруэлла: “Непопулярные идеи могут замалчиваться, неудобные факты не выставляться на обозрение без существования официального запрета, не в результате прямого государственного вмешательства, но скорее из-за негласного соглашения, что не “стоит” упоминать конкретный факт” [36]. Самоцензура кинопроизводителей, которые превращают свои произведения в инструменты идеологического контроля, является прямым следствием тех отношений взаимозависимости, которые связывают Голливуд с официальным Вашингтоном.

Речь идет не о “контракте”, где обязанности сторон в отношении друг друга четко прописаны, а скорее о “симбиозе”, позволяющем правительству США использовать кинопродукцию как эффективный инструмент публичной дипломатии. Оно получает «дивиденды» от мирового успеха национального кинематографа, которые заключаются в охвате очень широких слоев иностранной общественности, формировании и поддержании в ее сознании необходимой системы убеждений и образов. Соответственно, киноиндустрия может рассчитывать на поддержку власти.

Правящие круги США регулярно защищают интересы Американской ассоциации кинокомпаний в двусторонних торговых вопросах, возникающих в связи с участием в многосторонних торговых соглашениях, таких как Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (ВТО) 1994 г. (и Приложениях к нему – ГАТТ 1994, ГАТС, ТРИПС). Отдельные государственные структуры активно сотрудничают с кинематографистами, консультируют их. Поток трудовых кадров из правительства в Ассоциацию кинокомпаний обеспечивает наилучшее понимание обеими сторонами совместных интересов. Киностудии, со своей стороны, предпочитают не выходить за невидимые границы допустимой сюжетно-идеологической канвы, отчасти избегая очевидных коммерческих рисков, отчасти испытывая последствия упомянутой “симбиотической связи”. Альтернативным кинопроизводителям крайне сложно обрести свое место на рынке из-за замкнутого круга “предложения, рождающего спрос”, соответственно, они также не стремятся преодолеть установленные рамки, осознавая ничтожность шансов на успех.

* * *

Правительство США не влияет на содержание кинокартин национального кинематографа через государственную цензуру, не оказывает существенной финансовой поддержки, а в случае официального сотрудничества с кинопроизводителями исполняет преимущественно роль консультанта.

Однако за прошедшие десятилетия сформировалась система, в рамках которой объективные условия существования американского кинематографа таковы, что у него по сути не остается другого варианта, кроме как играть роль одного из инструментов в деле продвижения национальных интересов. Данное положение обусловлено системой как личных связей, так и связями между группами интересов, которые соединяют Голливуд с Вашингтоном. Существенное значение имеют и механизмы “идеологического самоконтроля” производителей фильмов. Американский кинематограф является одним из самых эффективных инструментов публичной дипломатии и пропаганды США не только потому, что он позволяет напрямую “повлиять на мышление народов зарубежных стран”², но и потому, что среднестатистический представитель

² Цитата из определения термина “публичная дипломатия”, принадлежащего американскому дипломату, специалисту по СССР, помощнику заместителя директора Информационного Агентства США в 1980–1984 гг., Г. Малоуну: “Это прямая коммуникация с народами зарубежных стран с целью **повлиять на их мышление** и в конечном счете повлиять на их правительства” (выделено мной. – У.А.) [37].

массовой аудитории вряд ли подумает о целенаправленности и намеренном характере этого влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Gabler N. The World Still Watches America. *New York Times*, 09.01.2003. Available at: <https://www.nytimes.com/2003/01/09/opinion/the-world-still-watches-america.html> (accessed 23.01.2020).
2. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990. 336 p.
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 94-109. DOI: 10.1177/0002716207311699
4. Юсев А.Б. *Киноидеологос: опыт социополитической интерпретации кино*. Санкт-Петербург, Алетея, 2016. 272 с. [Yusev A.B. *Kinoideologos: opyt sotsiopoliticheskoi interpretatsii kino* [Cinemaideologos: the Experience of Sociopolitical Interpretation of Cinema]. Saint Petersburg, Aleteya, 2016. 272 p.]
5. Юсев А.Б. *Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов*. Москва, Альпина Паблишер, 2017. 300 с. [Yusev A.B. *Kinopolitika: Skrytye smysly sovremennykh gollivudskikh fil'mov* [Cinemapolitics: The Hidden Meanings of Modern Hollywood Films]. Moscow, Al'pina Publisher, 2017. 300 p.]
6. McClintock P. Global Box Office Revenue Hits Record \$41B in 2018, Fueled by Diverse U.S. Audiences. *The Hollywood Reporter*, 21.03.2019. Available at: <https://www.hollywoodreporter.com/news/global-box-office-revenue-hits-record-41b-2018-fueled-by-diverse-us-audiences-1196010> (accessed 23.01.2020).
7. *Yearbook 2018/2019 Key Trends. Television, Cinema, Video and On-demand Audiovisual Services – The Pan-European Picture*. Strasbourg, European Audiovisual Observatory, 2019. 69 p. Available at: <https://rm.coe.int/yearbook-keytrends-2018-2019-en/1680938f8e> (accessed 23.01.2020).
8. *The Economic Contribution of the Motion Picture and Television Industry to the United States*. Motion Picture Association of America. 2019. Available at: https://www.motionpictures.org/wp-content/uploads/2019/03/Economic_contribution_US_infographic_Final.pdf (accessed 23.01.2020).
9. Pells R. *Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture*. Yale University Press, 2012. 512 p.
10. Crane D., Kawashima N., Kawasaki K., eds. *Global Culture: Media, Arts, Policy, and Globalization*. New York, Routledge, 2002. 268 p.
11. Iwabuchi K. From Western Gaze to Global Gaze: Japanese Cultural Presence in Asia. *Global Culture: Media, Arts, Policy, and Globalization*. Crane D., Kawashima N., Kawasaki K., eds. New York, Routledge, 2002, pp. 256-273.
12. Халилов В. М. Правая идеология в “левацком” Голливуде. *Россия и Америка в XXI веке*, 2017, № 3. [Khalilov V. M. Pravaya ideologiya v “levatskom” Gollivude [Right-wing Ideology in Left-wing Hollywood]. *Russia and America in the 21st Century*, no. 3.] Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760005839-9-1/> (accessed 23.01.2020).
13. Maltby R., Vasey R. Temporary American Citizens': Cultural Anxieties and Industrial Strategies in the Americanisation of European Cinema. “*Film Europe*” and “*Film America*”: *Cinema, Commerce and Cultural Exchange 1920-1939*. Maltby R., Higson A., eds., Exeter, University of Exeter Press, 1999, pp. 32-34.
14. Edgley A. *Noam Chomsky*. London, Palgrave Macmillan, 2016. 196 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-137-32021-6>
15. Alford M. *Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy*. New York, Pluto Press, 2010. 232 p.
16. Lee K. “The Little State Department”: Hollywood and the MPAA’s Influence on U.S. Trade Relations. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 2008, vol. 28, iss. 2, pp. 371-397.
17. Fattor E. M. *American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization*. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 241 p. DOI: 10.1057/9781137382238
18. Guback T.H. Hollywood’s International Market. *The American Film Industry*. Balio T., ed. Madison, University of Wisconsin Press, 1985. pp. 463-471.
19. Лёкен Е.В. “Вы тоже можете быть такими, как мы”: образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла. *Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”*, 2017, № 4/1, сс. 29-46. [Leken E.V. “Vy tozhe mozhete byt' takimi, kak my”: obraz amerikanizirovannoi Evropy v fil'makh plana Marshalla [“You Too Can Be Like Us”: the Image of Americanized Europe in the Films of the Marshall Plan]. *RSUH/RGGU Bulletin*, 2017, no. 4/1, pp. 29-46.]
20. Ming Shao W. Is There No Business Like Show Business? Free Trade and Cultural Protectionism. *Yale Journal of International Law*, 1995, vol. 20, pp. 105-128.
21. Todd Bennett M. *One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II*. Chapel Hill, UNC Press Books, 2012, 384 p.
22. Hollywood Considers Role in War Effort. *CNN*, 12.11.2001. Available at: <https://edition.cnn.com/2001/US/11/11/rec.hollywood.terror/> (accessed 23.01.2020).
23. Alford M., Secker T. *National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood*. Bath, Oddfiger Books, 2017. 264 p.
24. Valenti J. Hollywood and the War against Terror (The West and Islam). *New Perspectives Quarterly*, 2002, vol. 19(2), pp. 69-72.
25. Brooks X. That’s Militainment. *Guardian*, 22.05.2002. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2002/may/22/artsfeatures.afghanistan> (accessed 23.01.2020).

26. Fleisher J. Operation "Hollywood". *Mother Jones*, 20.09.2004. Available at: <https://www.motherjones.com/politics/2004/09/operation-hollywood/> (accessed 23.01.2020).
27. FitzGerald M.R. "Adjuncts of Government": Darryl F. Zanuck and 20th Century-Fox in Service to the Executive Branch, 1935–1971. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 2016, no. 36(3), pp. 373–391. DOI: 10.1080/01439685.2015.1100387
28. Saunders F.S. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. New York, The New Press, 2001. 528 p.
29. Leab D.J. *Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm*. The Pennsylvania State University Press, 2008. 232 p.
30. *Entertainment Industry Liaison*. Central Intelligence Agency. 22.10.2007. Available at: <https://www.cia.gov/offices-of-cia/public-affairs/entertainment-industry-liaison> (accessed 23.01.2020).
31. Jenkins T. Get Smart: A Look at the Current Relationship Between Hollywood and the CIA. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 2009, vol. 29, no. 2, pp. 229–243. DOI: 10.1080/01439680902890704
32. Pautz M.C. *Argo and Zero Dark Thirty: Film, Government, and Audiences*. Cambridge University Press *Political Science and Politics*, 2015, vol. 48, iss.1, pp. 120–128. DOI: 10.1017/S1049096514001656
33. Халилов В.М. Общественно-политическая роль кинематографа США во второй половине XX века. Дисс. канд. ист. наук. Москва, 2002. 253 с. [Khalilov V.M. *Obshchestvenno-politicheskaya rol' kinematografa SSHA vo vtoroi polovine XX veka*. Diss. cand. ist. nauk. [The Socio-Political Role of US Cinema in the Second Half of the XXth Century. Cand. Diss. (Hist.)]. Moscow, 2002. 253 p.]
34. Халилов В. М. Современное американское кино и неолиберальная идеология. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019, № 2, сс. 112–127. [Khalilov V. M. *Sovremennoe amerikanskoe kino i neoliberal'naya ideologiya* [Contemporary American Cinema and Neoliberal Ideology]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2019, no. 2, pp. 112–127.] Available at: <https://usacanada.jes.su/S032120680003769-9-1> (accessed 24.01.2020). DOI: 10.31857/S032120680003769-9
35. Wood R. *Hollywood from Vietnam to Reagan... and Beyond*. Columbia University Press, 2003. 480 p.
36. Orwell G. The Freedom of the Press. Rediscovered Preface for "Animal farm". *The Times Literary Supplement*, 15.09.1972. Available at: https://orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/english/efp_go (accessed 24.01.2020).
37. Malone G.D. Managing Public Diplomacy. *Washington Quarterly*, 1985, vol. 8, no. 3, pp. 199–213.

AMERICAN CINEMA AS AN INSTRUMENT OF THE US PUBLIC DIPLOMACY (Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 110–122)

Received 27.01.2020.

Uliana Z. ARTAMONOVA (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

In this article author tries to verify the hypothesis about systemic collaboration between the American film industry and the US government. Specifically the author questions the statement made first by J. Nye about the pop-culture and cinema being one of the main resources of the American soft power. The author challenges this vision by offering to regard cinema not as a passive resource but rather as an actively exploited instrument of American public diplomacy that operates in favor of the US national interests constructing and maintaining positive, attractive and inspiring image of the US abroad.

In order to achieve this goal author explores various sources: statements made by American officials, information available on the official websites of US state institutions, statistical studies conducted by the Motion Picture Association of America, the European Council and independent researchers. In addition, the study of works dedicated to the topic of the relationship between American cinema and politics conducted by both Russian and foreign researchers has also contributed to the findings of this article. Chronologically the research made in this article covers the period from 1940s until nowadays. The starting point marks the first famous case of close cooperation between the US government and American film industry. However, the factual evidence of the study, which indicates government involvement in film production, refers to the period of the Cold War, since part of the archives of that time was made public, rather than to the last decades due to the lack of open sources about such processes today.

While studying and analyzing the sources and the opinions of experts, the author identifies the reasons of Hollywood's success: vicious circle of blockbusters' supply-demand, backed by the fame and the fortune of the biggest studios, as well as the "symbiotic relationship" between those studios and the US government. She illustrates the processes of state-film industry collaboration through

the examples of cooperation between the biggest American film studios and Pentagon, as well as their cooperation with CIA.

This article reveals in which ways movies are able to influence the public opinion and perception. Namely: create a generally positive image of the US abroad by showing American lifestyle in the idealized way in movies; weaken the ability of wider audience to criticize the US and consequently their foreign policy as well as the US-centered world order; occasionally shape public opinion on specific matters or events in order to encourage people to act or to think in the favorable for the US national interests ways. The author makes the following conclusion: while it remains up for discussion to what extent symbiosis between cinema and politics is "conscious", whether both parties truly realize in which position they are (the one of systemic collaboration), one can certainly argue that there is indeed a well-developed system. The system in question creates a particular environment in which American film industry is working within the framework of self-restriction, self-censure and self-control. Because of this system the production of Hollywood (with occasional exceptions), especially the mass-oriented production, is bound to end as a tool of influence, shaping the public perception of the US both inside and what is more important – outside of its borders.

Keywords: US, soft power, public diplomacy, propaganda, culture, cinema, Hollywood.

About the author:

Uliana Z. ARTAMONOVA, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Centre of North American Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-110-122

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

196

197

198

199

200

201

202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

225

226

227

228

229

230

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

288

289

290

291

292

293

294

295

296

297

298

299

300

301

302

303

304

305

306

307

308

309

310

311

312

313

314

315

316

317

318

319

320

321

322

323

324

325

326

327

328

329

330

331

332

333

334

335

336

337

338

339

340

341

342

343

344

345

346

347

348

349

350

351

352

353

354

355

356

357

358

359

360

361

362

363

364

365

366

367

368

369

370

371

372

373

374

375

376

377

378

379

380

381

382

383

384

385

386

387

388

389

390

391

392

393

394

395

396

397

398

399

400

401

402

403

404

405

406

407

408

409

410

411

412

413

414

415

416

417

418

419

420

421

422

423

424

425

426

427

428

429

430

431

432

433

434

435

436

437

438

439

440

441

442

443

444

445

446

447

448

449

450

451

452

453

454

455

456

457

458

459

460

461

462

463

464

465

466

467

468

469

470

471

472

473

474

475

476

477

478

479

480

481

482

483

484

485

486

487

488

489

490

491

492

493

494

495

496

497

498

499

500

501

502

503

504

505

506

507

508

509

510

511

512

513

514

515

516

517

518

519

520

521

522

523

524

525

526

527

528

529

530

531

532

533

534

535

536

537

538

539

540

541

542

543

544

545

546

547

548

549

550

551

552

553

554

555

556

557

558

559

560

561

562

563

564

565

566

567

568

569

570

571

572

573

574

575

576

577

578

579

580

581

582

583

584

585

586

587

588

589

590

591

592

593

594

595

596

597

598

599

600

601

602

603

604

605

606

607

608

609

610

611

612

613

614

615

616

617

618

619

620

621

622

623

624

625

626

627

628

629

630

631

632

633

634

635

636

637

638

639

640

641

642

643

644

645

646

647

648

649

650

651

652

653

654

655

656

657

658

659

660

661

662

663

664

665

666

667

668

669

670

671

672

673

674

675

676

677

678

679

680

681

682

683

684

685

686

687

688

689

690

691

692

693

694

695

696

697

698

699

700

701

702

703

704

705

706

707

708

709

710

711

712

713

714

715

716

717

718

719

720

721

722

723

724

725

726

727

728

729

730

731

732

733

734

735

736

737

738

739

740

741

742

743

744

745

746

747

748

749

750

751

752

753

754

755

756

757

758

759

760

761

762

763

764

765

766

767

768

769

770

771

772

773

774

775

776

777

778

779

780

781

782

783

784

785

786

787

788

789

790

791

792

793

794

795

796

797

798

799

800

801

802

803

804

805

806

807

808

809

810

811

812

813

814

815

816

817

818

819

820

821

822

823

824

825

826

827

828

829

830

831

832

833

834

835

836

837

838

839

840

841

842

843

844

845

846

847

848

849

850

851

852

853

854

855

856

857

858

859

860

861

862

863

864

865

866

867

868

869

870

871

872

873

874

875

876

877

878

879

880

881

882

883

884

885

886

887

888

889

890

891

892

893

894

895

896

897

898

899

900

901

902

903

904

905

906

907

908

909

910

911

912

913

914

915

916

917

918

919

920

921

922

923

924

925

926

927

928

929

930

931

932

933

934

935

936

937

938

939

940

941

942

943

944

945

946

947

948

949

950

951

952

953

954

955

956

957

958

959

960

961

962

963

964

965

966

967

968

969

970

971

972

973

974

975

976

977

978

979

980

981

982

983

984

985

986

987

988

989

990

991

992

993

994

995

996

997

998

999

1000